

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

Михаил Локтионов

**АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ
МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ И ПОЗИТИВИЗМОМ**

Москва
2018

УДК 141.82+165.731
ББК 87.3
Л 73

В авторской редакции

Рецензенты

д-р филос. наук *А.Т. Зуб*
д-р филос. наук *В.А. Лекторский*

Л 73 **Локтионов, М.В.** Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом [Текст] / М.В. Локтионов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2018. – 135 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 126–130. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0337-6.

Монография посвящена исследованию эмпириокритических и марксистских аспектов в творчестве выдающегося отечественного философа, общественного деятеля и революционера Александра Александровича Богданова. В работе исследуются его идеи исторического развития общества, основанные на позитивистском подходе к идее исторического материализма и марксизма в целом, воплотившиеся в его концепции эмпириомонизма, и, в дальнейшем, всеобщей организационной науке – тектологии. Особое внимание в монографии уделяется его философско-публицистической полемике с рядом русских марксистов и, конкретно В.И. Лениным. Книга предназначена философам, политологам, социологам и всем интересующимся историей русской общественной мысли.

ISBN 978-5-9540-0337-6

© Локтионов М.В., 2018
© Институт философии РАН, 2018

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Марксизм и социология Богданова	11
Глава 2. Историческая концепция культуры Богданова	40
Глава 3. Эмпириомонизм Богданова как методология развития марксизма	71
Глава 4. Марксистская критика Богданова. Poleмика, отлучения, травля	98
Заключение	124
Список литературы	126

Contents

Introduction.....	5
Chapter 1. Marxism and Sociology of Bogdanov.....	11
Chapter 2. Historical concept of the culture of Bogdanov.....	40
Chapter 3. Empirio-monism of Bogdanov as methodology of development Marxism.....	71
Chapter 4. Marxist criticism of Bogdanov. Controversy, excommunication, persecution	98
Conclusion	124
Bibliography	126

Введение

Когда мы говорим о российской философии, то, как правило, выделяем три направления: религиозное, имеющее своими корнями славянофильство, наверное, наиболее интересное и самобытное из всех, либеральное, берущее начало в западничестве, и марксистское. Конечно, эти направления не исчерпывают полной картины русской философии, и поэтому тем интереснее будут другие подходы к собственно философии, теории познания и философии истории. Но марксистское направление кажется нам изученным вдоль и поперек. Тем интереснее обнаружить идейный пласт в русском марксизме, не умещающийся в, казалось бы, стройную, привычную всем, ленинскую версию революционного движения в России и марксизма в целом. Данная книга написана в качестве попытки исследования этого пласта, основанного на позитивистском подходе (первом и втором) в России.

Актуальность ее заключается в том, что на данный момент по-прежнему нет возможности избавиться от «белых пятен» в понимании философии российской социологии и истории общественного развития.

Говоря о русском позитивизме, мы в первую очередь видим колоссальную фигуру Александра Богданова, философа, ученого, естествоиспытателя, просветителя, политического деятеля – человека леонардовского масштаба, предсказавшего и предвосхитившего появление и развитие целых направлений в науке XX в. Долгое время он был фактически персоной нон грата в СССР, что определялось повсеместным изучением книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», и лишь некоторые ученые, такие как В.Н. Садовский, В.А. Лекторский и Н.Н. Моисеев, могли писать работы о нем и его творчестве. Но последнее время у нас вышло очень много работ, посвященных разным аспектам его наследия, пожалуй, можно даже говорить о некоем богдановском ренессансе.

Но и по сей день есть аспекты его творчества, на которые обращалось не так много внимания, и первую очередь – это его позитивистское понимание марксизма. Надо сразу заметить, что, невзирая на его марксистские убеждения, он не был стопроцентным сторонником исторического материализма. Вообще, понятие материализма казалось ему чересчур огрубленным, не оставляющим

места динамике внутри объекта исследования. Таким образом, он стремился заменить вульгарный материализм, к какому пониманию склонялось все больше и больше его соратников, на теорию организованной материи, позволяющей увидеть динамику развития как в неживой, так и в живой природе и в социуме.

Эмпириомонизм, согласно его представлениям, как раз и был той разновидностью махизма, которая была призвана развить, по его мнению, марксистскую диалектику. Ленин был абсолютно прав, когда говорил о ревизии ортодоксального марксизма у Богданова, иное дело, что фактически только этот подход позволял остаться марксизму действительно живой и развивающейся теорией, избежать догматизма и окостенения.

К некоторому моменту у Богданова начался этап разочарования в философии вообще и возникла потребность в определенной метатеории, претендующей на подоснову современной ему науки. Таким образом была написана «Тектология», в которой применимость организационного подхода была показана не только к изучению естественных наук, но и к философской антропологии, социологии и истории, что для нас, пожалуй, важнее всего.

На протяжении длительного времени классическая философия пыталась отыскать ответы на вопросы, которые во все времена волновали человечество, используя спекулятивно-теоретические рассуждения, но философская система Гегеля поставила точку на этих попытках. Если ранее современники восхищались грандиозностью этой системы, то в последующем они разочаровались в ней.

Система содержала абстрактные умозрительные схемы, которые невозможно было применить в практической жизни, что повлекло изменения в общественной мысли, заставило искать теории, могущие стать во главе реальной практики общественности. Таким образом, начали развиваться две линии: первая завершилась возникновением марксизма, благодаря которому гегелевские схемы обрели реальное содержание, а вторая линия стала программой новой «положительной» философии.

Характерной чертой как марксизма, так и позитивизма является открытая направленность на практическое действие. Однако при определенном внешнем сходстве данные философские программы представляют интересы различных социальных сил. Как известно, марксизм воплотил теоретические выражения настрое-

ний подлинно радикальных передовых промышленных стран, нацеленных на кардинальные изменения всей системы общественного устройства тех лет.

Позитивизм, в свою очередь, был необходим для выражения позиции западноевропейской буржуазии, которая к XIX в. утратила революционный запал, но добилась политической власти. Поэтому теперь представители данного класса намеревались упрочить существующее положение дел, упорядочить устои общества и мира с учетом принципов универсального Разума.

Враждебное отношение инициаторов диалектического материализма к принципам позитивизма имело место даже в тех случаях, когда цели обеих сторон частично совпадали. Так, Ф. Энгельс, который задачам устройства иерархической классификации наук придавал большое значение, был склонен высмеивать аналогичные попытки О. Конта, замечая в них «правильную в основе мысль, доведенную до абсурда»¹.

В этот период внимание теоретиков позитивизма смещалось от насущных социальных проблем к исследованию особенностей устройства и функционирования научно-технических знаний.

Многие приходили к убеждению, что для формирования «идеального» общества требуется точно определить основные особенности его устройства. Отсюда следовало, что во всех действиях необходимо руководствоваться требованиями разума, что означало настаивать на его максимальном развитии.

Такая ориентация социальных сил, в большей части стран Западной Европы пришедших к власти, приводила к разочарованиям в чисто академических, хотя и всеобъемлющих построениях идеалистической философии. Также возникало недоверие к интеллектуальным разъяснениям традиционных теорий. В связи с этим появилось требование, касающееся всех форм позитивизма, отказаться от поисков первопричин и первосубстанций, а также иных вневещественных сущностей, которые привлекали внимание теоретиков прошлого.

О. Конт, основатель позитивизма, стремился достичь точного и истинного знания, опирающегося на непосредственно зафиксированные факты. При этом полученные знания он решил выстроить в строгую иерархическую систему. Такого рода намерение, как казалось, объединяло новую философию и те теоретические программы,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 565.

которые Конт со своими последователями стремились опровергнуть. Помимо прочего, сдерживание теоретического поиска пределами именно знания может пробудить ассоциации с позицией Гегеля.

Проблема заключалась в том, что поборники положительной философии как знание принимали исключительно те его формы, которые способствовали их использованию в непосредственном жизненном взаимодействии людей с действительностью. Этим можно объяснить заботу позитивистов о придании научным знаниям вида «практически полезного», «непосредственно данного». Это значительно отличало новоявленную программу от предписаний идеалистической философии, оценивавшей знание в качестве самозамкнутой сущности.

Заявляя о резком разрыве «метафизики» и естествознания, Конт фактически продолжил теоретическую программу, начатую Ньютоном, закладывая фундамент новейших стандартов физического мышления. Поэтому для позитивизма идеализм и материализм представлялись «спекулятивным» знанием.

В середине XIX в. французский мыслитель О. Конт сформировал «закон трех стадий исторического развития человечества». Данный закон разделял всю историю общественной мысли на следующие эпохи: теологическая эпоха (фиктивное знание); метафизическая эпоха (спекулятивно-философское знание); позитивная эпоха (научное знание).

При этом как наиважнейшую задачу новой научной философии Конт провозгласил построение классификации наук. Безусловно, это построение должно было согласовываться с позитивным методом.

О. Конт рассудил, что таким образом философия наконец-то сможет систематизировать знания человечества, а значит, всю человеческую жизнь². От классификации наук ожидалось, что она не только выявит взаимосвязь друг с другом различных дисциплин, но и сведет все многообразие раскрываемых опытным естествознанием истин к ограниченному количеству законов. Данное обстоятельство создало бы условия для максимального удобства при необходимости использования этих законов.

Таким образом, по мнению Конта, упорядоченные знания выражали всеобщую мировую гармонию. Тогда общественный прогресс проявлял себя «бесперывной цепью порядка»³. Далее эта

² Родоначальники позитивизма. Вып. 4: Огюст Конт. СПб., 1912. С. 54.

³ Там же. С. 145.

тенденция усиливается. Неопозитивизм – последний этап развития позитивизма – приводит проблему философии к вполне логичному анализу структур знания.

В истории позитивизма одна из самых плодотворных и интересных страниц посвящена распространению и популяризации его в России. Здесь возникли самобытные варианты данного течения, которые не только смогли продолжить исходные идеи мыслителя Конта, последователи которых смогли вести полемику по многим пунктам.

Весьма широк комплекс причин, которые именно в данный период обозначили поворот русского общественного сознания от рационализированно-мистических умозрений к потенциалу человеческого Разума, в особенности его ярчайшего воплощения – науки. Данной темой неоднократно интересовались эксперты по истории русской философии⁴.

Призыв ориентироваться на непосредственные факты, на строгое их научное выявление и обобщение импонировал тем людям, которые стремились к переустройству не теоретических сущностей, а самой действительности, то есть самой жизни. Увлеченность Конта классификацией человеческих знаний представлялась для них эффективным способом упорядочить непосредственную социальную действительность.

Популярность теории Конта в России объяснялась и успехами отечественной науки, достигнутыми в 1960-е гг. Это привело к усилению стремления ученых к материалистическому толкованию получаемых результатов. Вместе с тем прокламируемая позитивизмом «научность» философии способствовала тому, что материализм отождествлялся с положительностью и научностью знания. Ориентированность на «естественное» понимание действительности и мира в целом, которая противоречила, ранее существовавшему традиционным метафизическим и мистическим абстракциям, превратилась в господствующую тенденцию в общественном сознании русского народа в XIX в.

Главный парадокс позитивизма в том, что отказ от поисков универсального разума обусловил ориентацию на поиск универсальных правил человеческого познания. Утопическая идея о возможности получения всей полноты истинного знания о сущности

⁴ Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX в. М., 1980.

мироздания с помощью сверхчувственного озарения была вытеснена не менее обоснованной и утопической идеей на разработки абсолютно точных и полностью надежных методов исследования, приводящих к такой же исчерпывающей и полной истине.

На самом же деле, высказываясь против умозрительной философии, последователи позитивизма стремились (пусть и неявно) к преодолению «стихийности» обыденного сознания и определению каких-то однозначных рамок «правильного» мышления, которых следует придерживаться научному исследованию. Это было еще одной заветной мечтой, к достижению которой еще не так давно стремилось человечество. Но позитивистская философия, объявившая борьбу утопизму интеллектуальных традиций, вскоре сама превратилась в один из вариантов утопического мышления.

Все это привело к повышению важности нахождения надежного критерия в целях более четкого упорядочения системы научного знания, так как именно оно, по мнению приверженцев позитивизма, должно выступать в качестве средства решения всех проблем социального характера.

Результатом этой многолетней сложной работы стала организационно-социологическая концепция, предложенная А.А. Богдановым, созданная им на основе эмпириокритического подхода или второго позитивизма.

В первой главе будут рассмотрены отличия первого позитивизма от второго (эмпириокритицизма), а также кратко упомянуты российские представители этого философского направления.

Во второй главе представлены социологические взгляды Богданова, вытекающие из его подхода, основанного на принципах марксизма и некоторых позитивистских идеях, пока еще не идущих вразрез с ленинскими представлениями о диалектическом материализме.

Третья глава посвящена идеям Богданова о развитии марксистской методологии с привлечением эмпириомонистического и организационного подхода, а также защите Лениным догматического понимания марксизма.

В четвертой главе представлена критика идей Богданова со стороны разных представителей русского марксизма.

В данном конкретном случае представляется логичным, что марксистский и позитивистский подходы к науке начала XX в. не разделяются и не описываются обособленно, но анализируются на примере творчества великого русского мыслителя А.А. Богданова.

Глава 1. Марксизм и социология Богданова

Согласно официальной, широко распространенной точке зрения, берущей свое начало еще со времен ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», Александр Богданов и еще целый ряд русских философов» рубежа XIX–XX вв. принадлежат к так называемым «русским махистам», или, говоря другими словами, к последователям идей Маха и Авенариуса – основоположников направления эмпириокритицизма в науке и философии. В то же время сегодня высказывается и иная версия по данному вопросу. Мы сошлемся, в частности, на мнение академика В.С. Степина, который прямо указывает на то, что большинство идей «русских махистов» – А.А. Богданова, В.А. Базарова, П.С. Юшкевича, **Н.В. Валентинова и др. – уже не были вариантом эмпириокритицизма.** Он пишет: «Те, кого вслед за Лениным называют “русскими эмпириокритиками”, “махистами”, развивали идеи Маркса. В этом отношении более правильно их именовать марксистами»⁵. Это звучит тем более убедительно еще и потому, что сами указанные выше представители русской философской мысли считали себя именно марксистами, о чем неоднократно упоминают в своих работах. Мы можем сказать, что развиваемые ими идеи были нацелены на применение в теории познания в частности и в науке в целом одного из основных принципов теории Маркса, согласно которому объект дан познающему субъекту не в форме «созерцания», а в форме «практики». Конечно, мы не вправе называть ис-

⁵ *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. С. 39.

следовательскую программу «русских эмпириокритиков» чистой воды марксизмом, это было бы не совсем верно. Скорее ее можно определить как одну из его форм. То есть мы хотим сказать, что эта программа ставила своей целью развить марксистский подход с учетом достижений науки конца XIX – начала XX вв. и найти ответ на те методологические проблемы науки, которые обсуждал эмпириокритицизм.

В связи со всем сказанным выше неудивительно, что Богданов, развивая свою теорию о видах социальной причинности, ссылается на высказывание Маркса об объективно-мыслительных формах. Именно Маркс, пусть мимоходом, но вполне определенно, сформулировал мысль по проблеме объективности знания. Мы имеем в виду положение о том, что объективность имеет не абсолютное, а социально-практическое значение. По словам Богданова, в первый раз Маркс указывает на это еще в примечаниях к Фейербаху, где предлагает понимать действительность, объективный мир как человеческую практику, и притом социальную. Однако в своей собственной работе «Философия живого опыта» автор приводит цитату уже из «Капитала». Вот она: «Это общественно-значимые, следовательно – объективные формы мышления для данного, исторически определенного способа производства, именно – товарного»⁶.

Данное положение взято из параграфа «Товарный фетишизм и его тайна» первой главы «Капитала», где Маркс раскрывает и объясняет товарный фетишизм, свойственный меновому обществу. Говоря кратко, речь идет о таком способе мышления, который представляет отношения людей, разделение труда между ними в виде отношений между вещами-товарами, а именно их «стоимостью», то есть способностью к обмену. Если мы продолжим чтение, то увидим, что далее Маркс прибавляет: «...весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, – все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства»⁷. Можно предположить, что

⁶ *Богданов А.* Философия живого опыта: Попул. очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Пг., 1913. С. 223.

⁷ *Маркс К.* Капитал. Кн. 1. Гл. 1. М., 2009. С. 86.

под другими формами производства он подразумевает древнюю общинную организацию труда и «будущую» социалистическую. В итоге получается: то, что объективно при одних социальных условиях, при других перестает быть объективным, то есть общественно необходимым, общественно пригодным или, используя термин Маркса, «социально значимым».

Таким образом, мы можем сказать, что А. Богданов своей теорией об особых, исторических, формах причинности (Маркс называет это объективно-мыслительными формами) продолжает то направление, которое Маркс просто не мог в развернутой форме исследовать в экономической работе.

Что же заключает в себе понятие «объективно-мыслительная форма»? Очевидно, речь идет об особенностях мировоззрения, особом отношении к миру, окружающей действительности, свойственным человеческому обществу на определенной ступени развития.

М.К. Мамардашвили, анализируя сознание в работах Маркса, приходит к выводу о том, что тот совершенно особо представлял себе социальные системы: он строил свои исследования так, что уже в исходном пункте имел дело с системами, реализующимися и функционирующими посредством сознания, то есть такими, которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента. Или, как утверждает автор, «включают в себя сознание наблюдателя в качестве внутреннего элемента собственного действия». Таким образом, речь у Маркса идет не о простом отображении объекта в восприятии субъекта.

М.К. Мамардашвили пишет: «Чтобы проникнуть в процессы, происходящие в сознании, Маркс производит следующую абстракцию: в промежуток между двумя членами отношения “объект (вещественное тело, знак социальных значений) – человеческая субъективность”, которые только и даны на поверхности, он вводит особое звено: целостную систему содержательных общественных связей, связей обмена деятельностью между людьми, складывающихся в дифференцированную и иерархическую структуру. Затем он изучает процессы и механизмы, вытекающие из факта многократных переплетений и наслоений отношений в этой системе, по уровням и этажам которой объективно “растекается” человеческая деятельность, ее предметно закреп-

ляемые общественные силы... Введение этого посредствующего звена переворачивает все отношение, в рамках которого сознание изучалось»⁸.

Таким образом, мы можем сказать, что Маркс выводит образование сознания не из непосредственного содержания отдельных объектов, отображающихся в сознании, а из отношений, складывающихся между объектами в «системе». Поэтому М.К. Мамардашвили и говорит *об* обязательности «системной причинности» в работах Маркса. Однако если Маркс, как мы видели, затрагивает в этом контексте лишь «меновое общество», то Богданов подробно анализирует три последовательных этапа эволюции общественных отношений.

Вообще, если говорить в целом, мы подразумеваем некую «неразделимость» общественных форм или социальных отношений и форм сознательных, объективно-мыслительных. То есть мы не можем рассматривать социальность без связи с сознательностью и наоборот. То, что этот вывод является верным, подтверждает положение Богданова о «тождественности» общественного сознания и общественного бытия, которое он формулирует в своей статье «Развитие жизни в природе и в обществе».

А.А. Богданов понимал социальный материализм Маркса как философию практики, практически действующего человека. Он говорил следующее: «Сам Маркс и был тем мыслителем, который впервые сумел понять и исследовать социальную сущность человека»⁹.

В общих чертах эмпириомонизм А.А. Богданова основывается на идеях Карла Маркса. В. Садовский справедливо отмечал, что адекватное понимание философского развития Богданова возможно лишь с учетом органичной включенности его философских взглядов в историю философии Маркса¹⁰. Русский марксизм в качестве исходной точки своей версии философии марксизма берет «человека практики», принимающего вещи в качестве вещей, а не психических фактов¹¹.

⁸ Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопр. философии. 1968. № 6. С. 14–25.

⁹ Богданов А. Философия живого опыта...

¹⁰ Садовский В. Эмпириомонизм Богданова: забытая глава философии науки // Вопр. философии. 1995. № 8. С. 52.

¹¹ Богданов А. Философия живого опыта... С. 181.

Давая расшифровку классическому тезису о сущности человека как совокупности всех общественных отношений, Карл Маркс в первом издании «Капитала», который не был известен А.А. Богданову, писал, что и общественные отношения, и производительные силы являются разными сторонами развития общественных индивидов¹². Также Карл Маркс отмечал: «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях результата»¹³.

Философия Карла Маркса – философия практики и диалектическая антропология – является строго монистичной, а основой монизма является признание общественной жизни в качестве практической. По сути это философия человеческого бытия, рассматриваемого как деяние. Она является вопрошанием человеческого бытия и раскрытием его именно в качестве деяния. Онтологическая сторона философской антропологии Маркса – интерпретация действительности, данной человеку практически.

Это – не космизм в духе Фридриха Энгельса. Это онтология незавершенного человеческого мира и самого человека в этом мире. Истоки данной онтологии – в самом человеке и в его практике. В связи с этим философия Карла Маркса одновременно является и теоретичной, и аксиологичной, замыкаясь на проблемах экзистенциального характера. В данном смысле и принцип материальности, и принцип развития являются антропологичными, так как выводятся из анализа взаимодействия субъекта и объекта целереализующей и целеполагающей деятельности. Таким образом, А.А. Богданов понял, что Маркс как философ осмысливал положение человека в мире – человека как практически действующего существа и как отчужденного (раздробленного) от мира.

Преодоление отчуждения и «собрание человека» – человеческое творчество, которое связано с созданием отношений коллективистского типа.

Д. Уайт, английский исследователь и автор оригинальной статьи о А.А. Богданове, отмечал, что истолкование А.А. Богдановым работ Карла Маркса всегда являлось ясным и убедительным, так как они имели общий источник вдохновения. И Маркс, и Богданов

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 222.

¹³ Там же.

придерживались одной интеллектуальной традиции. Вероятно, этим и объясняется почти сверхъестественное предвосхищение Богдановым характерных черт тех работ Карла Маркса, которые продолжали оставаться неопубликованными в начале XX в. (особенно «Набросок», «Немецкая идеология», «Экономически-философские рукописи 1844 г.»). Эти работы подтверждают, что Маркс также рассматривал социализм как создание объединенного человеческого общества, в котором будет покончено с расколом человеческой души, вызванным специализацией и разделением труда¹⁴.

И Маркс, и Богданов считали, что история человечества восходит от первобытного коммунизма к гражданскому (разъединенному, раздробленному) обществу, а затем – к воссоединенному человечеству. Д. Уайт отмечал, что гарант этого для Богданова – это то, что люди будут знать, как организовываться на основе научных принципов.

В качестве точки отсчета рассуждений А.А. Богданова выступало требование Карла Маркса понять действительность не только в форме объекта (т. е. созерцательно), а в качестве конкретной человеческой деятельности, практики; с другой стороны – в форме субъекта данной деятельности (социального субъекта). В отношении первого аспекта данного положения А.А. Богданов говорил следующее. По его мнению, рассмотрение действительности как «практики» и «активное» ее понимание означает познание всей действительности как борьбы людей с природой. В стихийности (материальности) явлений постоянно видеть сопротивление деятельности человека, а в закономерности явлений видеть орудие такой деятельности. При этом цель всякого и всего познания заключается в том, чтобы осознанно ставить победу и власть человека над природой¹⁵.

Второй аспект требования Карла Маркса, по мнению А.А. Богданова, заключается в том, что «действительность должна познаваться как социальная практика». А.А. Богданов считал, что человек в своей практике является прежде всего соци-

¹⁴ Уайт Д. От философии к всеобщей организационной науке: источники и предшественники тектологии А. Богданова // *Вопр. философии*. 1995. № 8. С. 46.

¹⁵ Богданов А. К вопросу о новейшем философском движении: предисловие к русскому переводу брошюры М. Ферворна «Вопрос о границах познания» // *Ферворн М. Вопрос о границах сознания*. СПб., 1909. С. 4.

альным существом¹⁶. Раскрывая значение данного требования, Богданов говорил, что старая буржуазная философия (хоть в виде идеализма, хоть в виде материализма) являлась, по сути, индивидуалистичной. В качестве постоянного «субъекта» опыта и познания в ней выступал человек (индивид) как самостоятельная единица. При этом «опыт» представлял для нее совокупность ощущений такого индивида, а познание являлось деятельностью, обусловленной его же личными стремлениями к «истине». Однако такой независимый индивид не что иное, как иллюзия, созданная противоречиями буржуазного мира, – отдельная личность противопоставляется всем остальным в экономической конкуренции и борьбе, а социальная связь, полная зависимость индивида от социально целого и его роль в реальной системе сотрудничества настолько этим маскируется, что совершенно ускользают от буржуазного сознания. Беря в качестве основы такую иллюзию, буржуазная философия создала себе немало лишних вопросов и трудностей. Например, вопрос о существовании «внешнего» мира – с «я» знаю лишь «свои ощущения». Могу ли я знать, что вне «меня» существует еще «что-то»? Подобные трудности и вопросы просто не существуют в рамках коллективистического мышления¹⁷. Богданов подчеркивал, что для развитого коллективистического мышления «субъект» производства и познания не является индивидуальным. В данном случае речь идет о коллективном субъекте познания и производства. При этом действительность, то есть мир опыта в развитии субъекта познания, на деле совпадает для него с «коллективной практикой», как это отмечал и Карл Маркс¹⁸.

А.А. Богданов также говорил о том, что Марксом было установлено, что общество является в первую очередь организацией производства. В этом заключается основа развития всех его форм и всех законов его жизни. Это – точка зрения трудового коллектива или социально-производящего класса. Исходя из этой точки зрения, Маркс подверг критике науку прошлого.

¹⁶ Богданов А. К вопросу о новейшем философском движении: предисловие к русскому переводу брошюры М. Ферворна «Вопрос о границах познания». С. 6.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 7.

Первичной областью общественного развития является технический прогресс, в котором начало абсолютно всех прогрессивных изменений. Идеиная жизнь общества определяется практической жизнью, одновременно выступая и в качестве ее орудия, и в качестве ее продукта¹⁹.

Общественный процесс состоит из трех аспектов – идеологического, экономического и технического. В техническом аспекте общество осуществляет борьбу с природой, подчиняя ее, то есть организуя внешний мир в интересах своего развития и своей жизни. В экономическом аспекте (отношения распределения и сотрудничества между людьми) общество само организуется для борьбы с природой. В идеологическом аспекте общество организует свои переживания и свой опыт, создавая из них организационные орудия для своего развития и дальнейшей жизни²⁰. А.А. Богданов соглашался с Фридрихом Энгельсом в том, что в социалистическом обществе будущего «производство идей» будет преобладать над «производством вещей». По Богданову, общественный процесс, по сути, является трудовым процессом. Труд может быть назван социальной деятельностью только тогда, когда он косвенно или прямо направлен на сохранение и развитие не одного трудящегося, но и остальных людей. Общественные приспособления – это формы трудовой деятельности в борьбе за существование, это формы трудовой совместности индивидов, а общество как целое является системой сотрудничества в широком смысле слова²¹.

В докладе, который был прочитан 15.09.1921 г. в порядке дискуссии в Социалистической Академии, а впоследствии опубликован в статье под названием «Организационные принципы социальной техники и экономики»²², Богданов высказал ряд оригинальных идей по поводу развития исторического материализма с научной и организационной позиции.

А.А. Богданов интерпретировал взгляды Карла Маркса и отметил, что действительность должна рассматриваться как взаимодействие объекта и субъекта, в ходе которого субъект, выступающий в качестве носителя организационной активности, оказывает

¹⁹ *Богданов А.* Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901. С. 1.

²⁰ *Богданов А.* Наука и рабочий класс // Пролетарская культура. 1918. № 5. С. 6.

²¹ *Богданов А.* Из психологии общества. СПб., 1906. С. 58.

²² *Богданов А.* Философия живого опыта... С. 47.

воздействие на объект, оказывающий ему сопротивление (то есть на материю или природу). При этом истинным субъектом действия или производительного труда всегда выступает коллектив, человеческое общество в целом. Социальный материализм Маркса Богданов интерпретирует как учение о связи разных аспектов общественного процесса²³. В качестве таких аспектов А.А. Богданов традиционно рассматривал соответственно области идеологических, производственных и технических отношений общества при определяющем воздействии области технического отношения к природе на идеологию и экономику. Научная организационная прибавка А.А. Богданова в данном вопросе заключалась в том, что, на его взгляд, существуют общие организационные законы и закономерности, в соответствии с которыми в природе происходят различные процессы дезорганизации и организации и от которых зависят и организационные, и человеческие методы²⁴.

Главное положение богдановского организационного подхода состоит в том, что люди не выдумывают свои организационные методы. Они заключаются в организационных закономерностях природы и являются для людей вынужденными, то есть организация человеком вещей природы для общества определяет организацию его собственной трудовой активности.

Исходным пунктом для формулирования организационных принципов отношения людей к технике Богданов называл отношение человека к орудию, так как именно в этом отношении заключается характеристика и сущность самой техники. Богданов отмечал, что человек выделился из природы и занял особое положение среди животного мира именно благодаря особой технике (животные ведь тоже имеют свою технику). Эта техника характеризуется использованием орудий. Человек, по сути, так и определяется как существо, которое делает орудия. Орудие – это не что иное, как предмет, который взят из внешней природы и выполняющий роль дополнительного органа в процессе труда²⁵.

А.А. Богданов неоднократно подчеркивал социальный характер труда как сознательно-целесообразной деятельности человека, как пример отношения людей к орудию. При этом А.А. Бог-

²³ *Богданов А.* Философия живого опыта... С. 48.

²⁴ Там же. С. 49.

²⁵ Там же. С. 48.

дановым выделено три аспекта. Во-первых, им выделяется коллективный или индивидуальный характер такого отношения. Богданов придерживался той точки зрения, что в конечном итоге орудие является органом коллектива. Говоря о труде, А.А. Богданов подразумевает общественное производство или «труд в целом», то есть активность всего человечества в исторической связи всех поколений²⁶, весь общественный труд и общую трудовую деятельность²⁷. Однако по форме реализации орудие может иметь не только прямую связь с коллективом, но и косвенную, выражаясь через непосредственную связь с отдельными индивидами²⁸. Такая характеристика позволяет выяснить индивидуальный или коллективный характер активности субъекта на различных стадиях общественного развития.

Еще одна характеристика связи человека и орудия, по Богданову, заключается в органичной (стихийной) или сознательной его форме. По мнению Богданова, стихийная органичность была присуща раннему периоду общественного развития. Она предполагала преобладание в человеческом сознании инстинктивных импульсов над размышлением, а также недостаточное различие людьми неодушевленного и одушевленного в природе, своих биологических органов и первичных вещественных орудий, выступавших в качестве удлинения или усиления последних. Органичная связь людей с орудиями была сильной, так как они производили, заимствовали из природы «орудие для себя или кровных близких»²⁹. Другими словами, люди в то время «жили с орудием», «срастались» с ним до такой степени, что и само орудие оживало и жило в руках человека³⁰. Богданов подчеркивал, что осознанное отношение к средствам производства вызывалось ростом разнообразия и количества орудий и случаев их применения, а также возможностью смены и совершенствования орудия, возможностью перехода от одних владельцев к другим³¹.

²⁶ Богданов А. *Философия живого опыта...* С. 48.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Там же.

²⁹ Богданов А. *Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах.* М., 1917. С. 4.

³⁰ Там же. С. 8.

³¹ Там же. С. 17.

Третья характеристика, по мнению А.А. Богданова, – это консервативность (устойчивость) или пластичность (изменчивость) отношений человека к средствам производства. Консерватизм и устойчивость были продиктованы условиями жизни, «вписанностью» коллектива людей в природную среду, предполагающую достижение равновесия со средой и его поддержание, так как резкое изменение такого равновесия в связи со слабостью трудовой энергии могло привести к гибели общества. Пластичное, изменчивое отношение людей к орудиям труда определялось только прогрессом техники.

Основываясь на вышеперечисленных бинарных характеристиках, Богдановым было выделено несколько базовых принципов социальной техники:

- 1) пластичная, сознательная связь орудия и коллектива;
- 2) пластичная, сознательная связь орудия с человеком;
- 3) консервативная, стихийно-органическая связь орудия с коллективом;
- 4) консервативная, стихийно-органическая связь с человеком.

По замыслу автора «Тектологии», первый принцип соответствует машинному производству, второй – меновой форме отношения к вещам, третий – первобытной организации вещей, четвертый – авторитарному типу организации.

При этом Богданов сразу делает оговорку, что в реальной социальной жизни данные принципы могут сочетаться между собой и накладываться друг на друга, причем не только в плане тенденции развития, но и в направлении дезорганизации. Так, к примеру, в условиях авторитарно-патриархального общества можно найти еще и первичную связь, причем не только с индивидом, а с общиной, хотя преобладающей является связь орудия с человеком³².

Теперь, используя принцип двойственности и учитывая основные положения современной концепции объекта и субъекта, попытаемся дать субъект-объектное толкование организационных принципов А.А. Богданова.

По мнению ученого, любое разложение на элементы является дезорганизацией в практическом или исследовательском смысле. При этом усиление момента структурной дифференциации объекта – это, по сути, дезорганизующий процесс, который полностью

³² Богданов А. Философия живого опыта...

зависит от субъективной задачи по разложению деятелем или исследователем того или иного организованного целого, выступающего в качестве носителя сопротивления активности субъекта и по превращению его в неорганизованное.

Можно предположить, что нужен процесс, обратный предыдущему, – организация элементов в новые, желаемые сочетания, то есть процесс консолидации и усиления связности объекта, сведение раздробленных компонентов организации в новые активности-сопротивления. В данном смысле понятие «объект», по Богданову, фиксируя направление активности деятеля или исследователя на внешнюю природу, можно охарактеризовать созданием нового организованного целого.

Характеристика, которая отражает преобладание динамических процессов (пластичность-консервативность), выступает, по мнению Богданова, в качестве базовой, основополагающей характеристики. Она имеет наиболее тесную связь с понятием «активность-сопротивление». Консервативная сторона процесса (характеристики «пластичность-консервативность») вызывается действием прогрессивного подбора в отрицательной форме, упрощающим внутренние отношения системы и повышающим к известному пределу организационную консервативность (устойчивость) и прочность системы, порождая консервативные типы обществ (например, авторитарное общество или общество первобытного коммунизма). Позитивный подбор, с помощью которого воплощается пластичная сторона процесса параллельно с увеличением неоднородности внутренних связей общественного целого, приводит к уменьшению такой устойчивости, то есть к возрастанию пластичности комплекса и формированию динамично развивающихся обществ (коллективного и менового общества).

В характеристике, которая фиксирует доминирование структурного элемента, объект-субъект (индивид-общество) является первым элементом данных двойственных терминов, символизирующим дезорганизованное сочетание разных отдельностей, вызванных действиями большого количества дезингрессий. Этой характеристикой обозначается социальный комплекс, который на протяжении короткого или более длинного промежутка времени (при относительно неорганизованном комплексе дополнительных соотношений, либо если дифференцированная система внутрен-

них дополнительных соотношений является достаточно организованной) не сохраняется, не выдерживая натиска среды. В данном случае речь идет о двух потенциально возможных типах:

- 1) о динамическом типе (меновое общество);
- 2) о консервативном типе (авторитарное общество).

Второй элемент (субъект) подразумевает определенную организованную целостность, которая является не только продуктом кризисов D, но и продуктом вторичных кризисов C и в конечном итоге является системно-дифференцированной только с окружающей природной средой посредством создания именно в отношении нее совокупности дополнительных соотношений. Подобная структура имеет гораздо больше шансов на сохранение и дальнейшее развитие. При этом возможны оба варианта – и динамичный вариант (коллективистическое общество), и консервативный (общество первобытного коммунизма).

В конце концов, характеристика, обозначающая преобладание информационно-отражательного элемента, может считаться своеобразным синтезом первых двух, то есть элементом, консолидирующим структурный и процессуальный аспект бытия в информационном плане. Стихийность действий субъекта, который на практике осуществляет несознательное информационное взаимодействие внешней системы связей, может обладать общественным (общество первобытного коммунизма) или индивидуальным (авторитарное общество) характером.

В свою очередь, осознанно выработанный в согласии с каким-либо планом социальный проект, также может обладать социальным или индивидуальным характером (коллективистическое или меновое общество соответственно). Применяя для обозначения названных оппозиций символику единицы и нуля, принимая за нуль стихийность, индивидуальность и консерватизм, а за единицу – сознательность, коллективизм и пластичность, получаем символическое обозначение принципов социальной экономики и техники (в скобках указаны номера принципов):

- 010 (1);
- 000 (2);
- 101 (3);
- 111 (4).

В приведенных цифровых обозначениях первая позиция цифры каждой формулы отвечает характеристике «пластичность-консервативность», вторая отвечает характеристике «индивид-коллектив», а третья – «стихийность-сознательность».

Формула (1) – принцип первобытной коммуны двойственна формуле (3) – принципу менового общества. В свою очередь, формула (2) – принцип авторитарного общества двойственна формуле (4) – принципу коллективистического общества. Пространственное расположение формул по кругу (в ключевых точках пересечения окружности воображаемого круга с горизонтальным и вертикальным диаметрами данного круга) отражает дополнительные средства для интерпретации вопроса о том, почему Богдановым было выделено именно столько типов общества, рассматриваемых в качестве базовых идеальных типов общественных структур, а все остальные исследовались как производные от них. Такая последовательность расположения по временной последовательности соответствует также и нумерации принципов А.А. Богданова.

Давая характеристику историческому аспекту отношений человека и природы, Богданов выделил несколько типичных периодов:

- первобытная эпоха;
- эпоха авторитарных обществ (феодальных и патриархальных);
- развитие менового общества;
- эпоха коллективистского общества.

Каждая из этих эпох характеризуется соответствующим организационным принципом.

Для первобытной эпохи (коммуны) Богдановым сформулирован первый принцип – консервативная, стихийно-органическая связь орудия с коллективом³³.

При этом А.А. Богданов выделил несколько черт, присущих отношениям человека в первобытном обществе к предметам внешней природы, которые использовались как орудия.

В первую очередь, это стихийная общность первобытных орудий. К примеру, А.А. Богданов показывал роль огня для человека следующим образом: «Огонь – главное оружие группы в борьбе с неумолимою природою...»³⁴. Изначально люди не умели добывать огонь самостоятельно. Они могли только поддерживать и переносить

³³ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики // Вестн. социалист. акад. Кн. 4. 1923. Апр.–Июль. С. 272–284.

³⁴ Там же. С. 272.

сить его с собой. Таким образом, люди пользовались случаями, когда природа давала огонь «готовым» – вулканические явления, лесные пожары, молнии. Огонь выступает в качестве первичного орудия, которое выделило человека из природы³⁵. Поддержание огня являлось общим делом группы людей, поскольку в случае его угасания группа могла погибнуть³⁶.

Во вторую очередь, А.А. Богданов говорил о такой характеристике орудий, как стихийная органичность, объяснявшаяся тем, что «преобладали инстинктивные импульсы». При этом практически отсутствовало размышление. Люди слабо отличали орудия от собственных органов, как не различали и одушевленное и неодушевленное в природе. Они жили с орудием, и орудие жило в их руках³⁷.

В третью очередь, крайний консерватизм, по мнению Богданова, – это третья характерная черта отношения людей к орудиям в обществе первобытного типа. Если орудия и совершенствовались, то происходило это стихийно и незаметно для самих людей. Вся жизнь была насквозь пропитана консерватизмом и не могла быть другой, так как любые изменения сложившегося равновесия угрожали гибелью³⁸.

Сама техника в данный период характеризовалась предельной, величайшей слабостью, что позволяло первобытным людям лишь поддерживать свое существование, практически постоянно находясь на пределе, за которым угроза гибели. В этот период полностью отсутствовал «прибавочный труд», то есть любой излишек трудовой энергии сверх того, что абсолютно необходимо для поддержания жизни³⁹. Еще одна характеристика орудий того периода – их зародышевое состояние. А.А. Богданов отмечал, что это еще только орудия, непосредственно даваемые самой природой, – палки, камни. Орудия служили в качестве дополнения и продолжения органов тела. В техническом процессе еще довольно мало места отводилось действиям вещей на вещи (то есть орудий на материалы). Гораздо больше было прямых действий людей на вещи⁴⁰.

³⁵ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 272–284.

³⁶ Там же. С. 274.

³⁷ Богданов А. Философия живого опыта... С. 47.

³⁸ Богданов А. Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. С. 4.

³⁹ Богданов А. Наука об общественном сознании: Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М., 1918. С. 38.

⁴⁰ Там же.

Итак, А.А. Богданов подводит итог, говоря, что в данной тяжелой борьбе первобытные люди далеко не являлись царями природы. Наоборот, первый период существования человечества являлся периодом рабства и угнетения. Только господином и угнетателем являлись не другие люди, а сама природа⁴¹. Богданов подчеркивал, что власть природы над первобытными людьми была безграничной. Только с развитием орудий труда люди постепенно, шаг за шагом, начали высвобождаться из-под этого полного и непосредственного подчинения природе. Лишь с техническим прогрессом, а также с возрастанием производительности общественного труда начала формироваться особая среда, которая противопоставлялась людьми стихийным силам природы. Только с развитием такой среды начал развиваться и ум людей⁴².

Следующий период отношения человека к природе и технике, по Богданову, – это эпоха авторитарных обществ. Для этой эпохи А.А. Богдановым сформулирован принцип консервативной, стихийно-органической связи орудия с индивидом в коллективе⁴³. Этот период характеризовался обществом феодального типа и патриархальными родовыми общинами.

Дифференциация и совершенствование орудий исходя из усложнения труда привели, по мнению А.А. Богданова, к специализации человека. Уже не каждый человек в равной степени мог владеть всеми существующими орудиями труда. Автор «Тектологии» отмечал, что выступает новая связь, связь не орудия с коллективом, а с индивидом в коллективе, то есть с отдельными людьми. Другими словами – связь между орудием и коллективом через отдельных людей⁴⁴. В это время человек специализировался или в индивидуальном изготовлении орудий, или в их применении. У человека возникает некое ощущение органической связи с конкретным орудием⁴⁵, что способствует обеспечению максимальной приспособленности и приводит к появлению «чувства собственности». В качестве наглядного примера данного факта А.А. Богданов

⁴¹ Богданов А. Краткий курс экономической науки. Пг., 1922. С. 13.

⁴² Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии: в 2 т. Т. 1. С. 27.

⁴³ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 276.

⁴⁴ Там же. С. 275.

⁴⁵ Там же.

приводит органическую связь оружия с воином, при которой человек и его меч составляют как бы единое целое, или связь человека с живым орудием (собака, лошадь), потерять которое означало для человека того периода то же, что потерять часть тела⁴⁶.

Рассмотрим, какие именно черты техники отмечал А.А. Богданов в данный период времени. Первая стадия данного периода (эпоха патриархального общества) характеризуется Богдановым как появление новых производственных отраслей, обеспечивающих существование человека (кочевое скотоводство, примитивное земледелие), а также возникновение прибавочного труда, приводящего к порождению избытка трудовой энергии общины сверх необходимого для сохранения. Такой избыток воплощался в относительно постоянном запасе общины (прибавочный продукт)⁴⁷. В это же время дифференцировались и совершенствовались уже имеющиеся орудия. Орудия из грубо обколотых камней сменялись на орудия из полированного камня. Также происходил постепенный переход к использованию орудий из металла (железа, бронзы, меди).

Вторая стадия авторитарного общества – эпоха феодального быта – характеризуется Богдановым как дальнейшее повышение производительности труда, поспособствовавшее такому увеличению прибавочного продукта, которое позволило сделать возможным постоянную эксплуатацию.

Во многих азиатских и европейских странах основу для такого повышения производительности труда дал переход от полубродячего, примитивного земледелия и кочевого скотоводства к оседлому земледелию в сочетании со скотоводством при соответствующем росте ремесел и развитии производства орудий⁴⁸.

А.А. Богданов подчеркивает, что последующее совершенствование привело к возникновению трехпольной системы. Вместе с трехпольем начала развиваться и одна из первых форм искусственного удобрения. Остальные отрасли обрабатывающей и добывающей промышленности (например, горное дело и охота) в феодальную эпоху продолжали находиться в относительно неразвитом состоянии. В жизни общества того периода немалое значение имели

⁴⁶ *Богданов А.* Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 276.

⁴⁷ *Богданов А.* Наука об общественном сознании... С. 56.

⁴⁸ Там же.

войны. Война выступала в качестве необходимого способа охраны всего производства и единственным средством расширения территории общества⁴⁹.

В одном из своих трудов Богданов говорил о том, что власть природы над человеком уменьшилась, но возникла новая власть – власть одного индивида над другими людьми. По сути, это была прежняя власть группы над ее отдельными членами, только теперь она была перенесена на отдельного субъекта – патриарха⁵⁰. По мнению Богданова, это было вызвано тем, что «единство рода выигрывает еще и потому, что находит себе конкретное, живое воплощение в личности патриарха»⁵¹. Говоря об особенной роли авторитарного сотрудничества в формировании взглядов общества на социальную и природную действительность, А.А. Богданов подчеркивал, что разделение исполнительского и организаторского труда привело к созданию своеобразной двойственности во внутренних отношениях родовых общин. Умственная (интеллектуальная) сила отделилась от грубой физической силы, а сознательное начало отделилось от стихийного. Первое приняло форму власти, а второе – форму подчинения. Первое было воплощено в лице патриарха, а второе – в лице остальных членов общества. Наряду с этим, обе составляющие были абсолютно нераздельными и немислимыми одна без другой. При отсутствии организующей воли любая исполнительская деятельность утрачивает свой смысл и целесообразность. Таким образом, и организационная деятельность является бесполезной там, где отсутствует исполнительская⁵². Так, именно благодаря развитию авторитарного сотрудничества, по мнению А.А. Богданова, люди получили модель для систематического мышления или схему постоянной связи явлений⁵³.

В основу развития и формирования менового общества, пришедшего на смену обществу авторитарного типа, заложен третий принцип, сформулированный А.А. Богдановым, – сознательная пластичность, то есть изменчивая связь орудия с индивидом в

⁴⁹ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 33.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 26.

⁵² Там же.

⁵³ Богданов А. Философия живого опыта... С. 32.

коллективе⁵⁴. Согласно Богданову, в данном принципе зафиксирован тот факт, что, при сохранении традиционной связи орудия с индивидом в коллективе или обществе (например, мануфактурного работника или ремесленника), при переходе к машинному производству происходит последовательная замена стихийной органичности и консерватизма орудий на пластичное и сознательное использование работником в своей деятельности различных орудий труда.

Меновое общество, по мнению мыслителя, – это такое общество, внутри которого преобладает товарное производство. То есть каждое хозяйство производит и поставляет на рынок (или получает посредством рынка) все необходимые средства для своего поддержания, покупая чужие товары и продавая свои⁵⁵. Идеальное индивидуалистическое общество, по мнению А.А. Богданова, – это меновое общество мелких независимых производителей. Переходные формы такого общества – система рабства, крепостничество, городской ремесленный строй, торговый капитализм. Затем идет эпоха промышленного капитализма и эпоха финансового капитализма.

Технику общества мелких и независимых товаропроизводителей Богданов охарактеризовал как множественность обособленных технических методов, мелкие размеры производства в каждом из хозяйств.

Производство разделено на несколько отдельных отраслей, имеющих свои особые приемы и орудия. Каждая из отраслей состоит из индивидуальных предприятий, в которых единичный работник одновременно выступает и в качестве организатора, и в качестве исполнителя, ведя весь технический процесс своими силами⁵⁶.

А.А. Богданов отмечает, что переход феодальных систем в восточно-деспотические системы имел место там, где условия «внешней природной среды», которая окружала феодальное общество, требовали тесного и устойчивого сплочения, которое не было свойственно феодальному строю. При этом в качестве внешней среды для социальной системы выступают не только компоненты физической природы, с которыми она взаимодействует

⁵⁴ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 277.

⁵⁵ Богданов А. Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. С. 63.

⁵⁶ Богданов А. Наука об общественном сознании... С. 102.

в ходе производства, но также и иные, не объединенные с нею, человеческие общества, с которыми она сталкивается или ведет борьбу⁵⁷. Давая характеристику античному рабству, А.А. Богданов говорил о том, что система рабства в классическом мире представляла собой другой тип культуры, подобно восточному рабству, завершающемуся деградацией, но являющемуся более высоким в своем развитии. Составляющая меновых отношений в ней выражалась гораздо сильнее, чем в восточном рабстве, а ее основу составляла постоянная, длившаяся веками борьба социально-передовых наций с окружавшими их племенами низшей ступени развития⁵⁸. А.А. Богданов обращает внимание на создание настоящей системы эксплуатации варварского мира посредством насильственного захвата его рабочих сил и торговли ими. Пленники превратились в товар, став простым орудием труда⁵⁹. Рабы не имели собственного хозяйства, а барщина составляла практически все их свободное время. Богданов подчеркивал, что рабовладельческое хозяйство было внизу натуральным, а сверху – меновым. Господа свободно продавали прибавочный продукт, а предметы потребления для более утонченного вкуса приобретали на рынке. Рабы же полностью жили продуктом своего труда, той долей, которая оставалась им от господ⁶⁰.

А.А. Богданов писал о том, что крепостная система хозяйства существовала там, где военная эксплуатация отсталых племен не обладала существенным значением и не наложила особого отпечатка на историческое развитие, – в Японии, России, западноевропейских странах. В качестве основы преобразования общества выступало развитие обмена, создававшего постоянные и довольно прочные экономические связи на обширных феодальных территориях⁶¹. По Богданову, отличия крепостных от рабов в том, что крепостные имели свое особое хозяйство, отличавшееся от городского. Крепостные крестьяне отбывали тяжелую и долгую барщину, но она не занимала все их рабочее время. На крестьянах держалось все помещичье хозяйство⁶². Помещики, в отличие

⁵⁷ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1. С. 203.

⁵⁸ Там же. С. 210.

⁵⁹ Богданов А. Наука об общественном сознании... С. 130.

⁶⁰ Богданов А. Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. С. 6.

⁶¹ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 76.

⁶² Богданов А. Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. С. 66.

от феодалов, не были организаторами военной защиты для крестьян. Это было передано в руки создавшегося в то период государства, обладавшего неограниченной монархической властью⁶³. Даровой труд крепостных позволял помещикам не заботиться о развитии земледельческой техники⁶⁴. А.А. Богданов подчеркивал, что улучшение техники также не было и делом крестьян. Занимаясь работой из-под палки и наперед зная, что любой прирост продукта их труда будет использоваться помещиками в своих целях, крепостные не имели побуждений и стимулов заботиться о повышении производительности труда. К тому же крестьяне не имели ни средств, ни сил для того, чтобы совершенствовать сельскохозяйственную технику⁶⁵.

Возникновение ремесленно-городского строя произошло в связи с ростом городов. А.А. Богдановым высказана такая мысль, что экономическая основа городов состоит в обмене. Зародышем города в основном являлась торговая деятельность. Деревни, располагающиеся особенно выгодно в отношении путей сообщения, со временем превращались в центры обмена и места проведения регулярных ярмарок. Легкость сбыта товаров в новых городах способствовала развитию ремесел. Специализация городских ремесленников подняла их искусство к такой высоте, что те крестьяне, которые еще продолжали заниматься ремеслом, не могли и думать, чтобы сравняться с ними. С того времени даже сами феодалы начали приобретать произведения обрабатывающей промышленности у горожан. Их крестьяне должны были уже не изготавливать эти произведения, а доставлять средства для их приобретения. Таким образом, города постепенно обособились от деревень⁶⁶.

По мнению мыслителя, торговый капитализм является таким строем экономических отношений, при котором торговый капитализм преобладает над производством, выступая в роли его руководителя⁶⁷. Другими словами, торговый капитал – это капитал, присваивающий прибавочную стоимость посредством торговых операций (продажи и покупки) в целях получения прибыли⁶⁸. Общее

⁶³ Богданов А. Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. С. 66.

⁶⁴ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 79.

⁶⁵ Там же. С. 80.

⁶⁶ Там же. С. 81.

⁶⁷ Богданов А. Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. С. 79.

⁶⁸ Там же. С. 78.

понятие о капитале, по мнению А.А. Богданова, выражается в том, что капитал необходимо определять как средства производства, которые превратились в средство эксплуатации благодаря тому, что они находились в частной собственности⁶⁹.

В качестве ключевых технических факторов, обусловивших переход ремесленно-городского общества к торгово-капиталистическому обществу, выступают следующие. В первую очередь, это общее расширение производства. Во вторую очередь, это более стремительное развитие отрасли, заключающееся в перемещении продуктов из мастерских на рынок и приобретающее все большее значение в общей системе производства⁷⁰.

В целом, давая характеристику технике переходных форм общества, А.А. Богданов подчеркивает следующее. Так, прогресс общественного разделения труда и техники, выразившийся в развитии и расширении земледелия и товарного обмена, совсем или почти не совершенствовался. При этом происходило улучшение и рост количества методов ремесленного производства. Постепенно оно начало отрываться от деревни, сосредоточиваясь в городах. Наряду с этим, города постепенно превращались в рынки, центры торговли, причем не только ремесленной продукцией, но также и продуктами земледелия, поставляемыми из деревень и необходимыми для существования городов⁷¹.

Последующее развитие общества привело к появлению финансового и промышленного капитализма. По мнению А.А. Богданова, промышленный капитализм представляет собой организацию крупного производства, основанную на наемном труде⁷². В качестве условий его возникновения выступают следующие факторы. В первую очередь, достаточный капитал в руках предпринимателя для того, чтобы он мог дать средства производства в руки своим рабочим и платить им зарплату до непосредственной реализации продукта. Иначе говоря, требуется первоначальное накопление капитала. Во вторую очередь, на рынке должна существовать свободная рабочая сила для продажи. То есть необходимо первоначальное накопление на рынке занятости свободной рабо-

⁶⁹ *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. С. 93.

⁷⁰ Там же. С. 94.

⁷¹ *Богданов А.* Наука об общественном сознании: С. 130.

⁷² *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. С. 109.

чей силы⁷³. В период промышленного капитализма роль кредитов и банков особенно высокая. При этом А.А. Богданов отмечает, что с переходом последнего в его новую стадию, стадию так называемого финансового капитализма, роль кредитов и банков усиливается в несколько раз. Банковские учреждения начинают принимать все большее участие в управлении торговыми, промышленными и другими предприятиями, выступая в роли организаторов промышленной жизни⁷⁴.

Богдановым выделено несколько основных черт техники данного периода:

- стремительный прогресс техники;
- колоссальное разветвление техники на несколько специализированных отраслей;
- усиливающаяся роль механических методов в производстве – сначала превращение ручного труда в механический посредством его дробления и детализации по простейшим элементам работ (мануфактурная техника), а затем перехода к использованию машин (новейшей научной техники)⁷⁵. Именно в это время и осуществляется наиболее активное использование естественных ресурсов планеты и стремительное развитие научно-технического прогресса.

А.А. Богданов отмечал, что технический прогресс существенно подорожал, создав все возможности прогресса в познании природы, реально неотделимого от первого и представляющего его прямое продолжение⁷⁶.

При этом, несмотря на существенное видовое многообразие индивидуалистических, меновых обществ, а также огромное количество переходных форм со смешанным типом общественных связей, А.А. Богданов считает, что всем им присуще анархическое, неорганизованное разделение труда между обособленными частными хозяйствами, а также господство экономической необходимости над людьми, которой определяются не только личные склонности, желания и действия людей во взаимоотношениях, но и результаты таких действий⁷⁷. По мнению мыслителя, товаропро-

⁷³ Богданов А. Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. С. 87.

⁷⁴ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 109.

⁷⁵ Богданов А. Наука об общественном сознании... С. 156.

⁷⁶ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 250.

⁷⁷ Богданов А. Философия живого опыта... С. 229.

изводитель, вынужденный находиться в постоянном подчинении колебаниям товарной цены, безусловно, усиленно следит за этими колебаниями. Вместе с тем для него становится понятно, что в ценах, несмотря на наличие колебаний, существует и определенная стабильная закономерность, выражающаяся в том, что для каждого товара они тяготеют к определенному уровню – то опускаясь ниже, то повышаясь, причем никогда надолго и не отдаляясь от него очень сильно. Это приводит к возникновению такого понятия, как «стоимость» или «ценность» товара. Данное понятие определяется как основа цены, уровень, к которому они тяготеют, закон, от которого они не могут слишком отклоняться. У каждого товара имеется своя особенная «стоимость», сообразно которой товар может быть обменян на определенное количество другого товара⁷⁸. Изначально «ценность» анимистически сравнивалась с «душой», управляющей передвижением товаров в процессе обмена. Но со временем натуральное было заменено товарным фетишизмом, ставшим своеобразным извращением экономической действительности в сознании членов менового общества⁷⁹. Характерным для него было приписывание товару, продукту труда человека, отношений самих людей. По мнению мыслителя, это происходит по той причине, что производитель в связи с чрезмерной специализацией превращается в обладателя специализированного, ограниченного сознания, которое неспособно понять и осознать общественный характер труда. Такое сознание не может понять, что товар должен обмениваться исходя из количества труда, которого он стоит при конкретной технике общества, поскольку «ценность» или «стоимость» товара и определяется суммой заключенного в нем общественно необходимого труда⁸⁰.

Последующий прогресс и развитие машинного производства, а также возникновение автоматически действующих и регулируемых машин приводит к необходимости возникновения и принципа машинной техники, выражающегося в пластичной, осознанной связи орудия с коллективом⁸¹. Итак, развитие пластичности и со-

⁷⁸ Богданов А. Наука об общественном сознании... С. 111.

⁷⁹ Там же. С. 110.

⁸⁰ Там же. С. 111.

⁸¹ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 278.

знательности в использовании орудий дополняет связь орудия уже не с индивидом, а с конкретной трудовой общностью людей, так как машина для своего производства требует приложения сил не одного человека, а нескольких, и чем более сложной она становится, тем большее количество людей необходимо. Когда машина начинает применяться массово, то на сцену выходит система машин, при которой уже ни одна отдельная машина сама по себе не выступает в качестве орудия. Орудием в таком случае является нечто целое⁸². В основу подобного системного функционирования машин заложен принцип сохранения энергии и ее превращения. Вместе с тем физическое воздействие на машину со стороны человека все снижается – по мере того, как происходит совершенствование и развитие самих машин, а также по мере их приближения и перехода к типу автоматического механизма, всецело снимающего с человека механический аспект его функций⁸³. А.А. Богданов неоднократно подчеркивал, что автоматические механизмы требуют от рабочих такой умственной подготовки, которая далеко выходит за рамки исключительно практических навыков. Рабочие должны понимать механизмы, с которыми имеют дело, причем не только в той части, которая непосредственно соприкасается с руками рабочего, но и в общем⁸⁴. Эксплуатация и производство автоматически регулируемых машин, как отмечает А.А. Богданов, со временем приведет к тому, что главным занятием рабочих при машине будет наблюдение и сопоставление данных, сообщаемых регистрирующими и контрольными аппаратами, управление и общий надзор над работой регулирующих аппаратов⁸⁵. Итак, специализация человека со временем будет полностью перенесена на машины, а разделение труда перестанет являться дроблением человека. Это приведет и к исчезновению различных видов отвлеченного и натурального фетишизма.

С тектологической позиции социальная организация является выполнением познавательных и практических задач по наиболее рациональной комбинации человеческих личностей и коллекти-

⁸² *Богданов А.* Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 277.

⁸³ *Богданов А.* Философия живого опыта... С. 229.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

вов в отдельные группы, исходя из выявленных в природе универсальных организационных механизмов. А.А. Богданов был прав, говоря: «Социальность нераздельна с сознательностью». При отсутствии сознания не будет и общения. В борьбе за свое существование люди не могут организовываться и объединяться между собой иначе, как с помощью сознания. Если два человека вместе поднимают огромный камень, то их отношение к камню принадлежит области «техники», а их отношение друг к другу в процессе поднятия камня – их сотрудничество между собой, т. е. «социально-производственное» явление.

А.А. Богданов неоднократно подчеркивал искусственность разграничения двух сторон одного процесса. При этом он отмечал, что данные моменты исследуются разными сферами социологии. Таким образом, социальная жизнь отдельных индивидов предстает как сознательно-психическая.

Так как общественное развитие является довольно противоречивым процессом, результатом борьбы реакционных и прогрессивных тенденций, дезорганизации и организации, дробления и собирания человека, в трактовке социальной динамики Богданов придерживается следующей диалектической триадичности:

- а) первобытная целостность;
- б) дробление человека (индивидуалистический и авторитарный тип жизни);
- в) стадия собирания (будущий коллективистский тип отношений).

Это, в свою очередь, накладывается на известную характеристику трех типов общественных отношений, данную еще Марксом (в первом варианте «Капитала»):

- а) отношения личной зависимости;
- б) отношений вещной зависимости;
- в) свободная индивидуальность, основывающаяся на универсальном развитии индивида.

А.А. Богданов, резюмируя, обозначил принцип, заложенный в основу развития нового общества. Это – принцип социализма. В этой связи неслучайно немецкий доктор Габриэла Горцха в предисловии к первой книге под названием «Неизвестный Богданов» отмечает следующее. Все творчество философа, каким бы разнородным оно ни казалось на первый взгляд, подчинялось одной цели –

поддержанию процесса формирования в русском обществе фундаментально новых, социалистических, структур в искусстве, политике и экономике и в указании направления данного процесса⁸⁶.

По мнению Г. Горцхи, в качестве основной линии, которая проходит через все научные труды Богданова, выступает ориентация на социалистическую перспективу. А.А. Богданов своими выступлениями в защиту революционизирования культуры делал упор на многоаспектности процесса революции. Он теоретически рассматривал тенденцию, в соответствии с которой развитие технического базиса общества станет требовать коллективистского, планомерно осуществляемого социалистического хозяйства.

Оно будет являться натуральным, а не меновым и в конечном итоге охватит всех людей.

В рамках данного исследования целесообразно более детально рассмотреть черты будущего социалистического общества, спрогнозированного Богдановым. В главе под названием «Социалистическое общество», которая дополнила седьмое (первое официальное) издание труда «Краткий курс экономической науки» (1906 год), выделяется ряд характеристик «послекапиталистического строя», а именно:

- действующая власть общества над природой, которая постоянно развивается на основе научно-организованной техники;
- стройная организованность всей системы производства при высокой подвижности ее компонентов и их группировок, а также на фоне высочайшей психической однородности трудящихся как всесторонне развитых сознательных работников;
- общественно-организованное распределение на основе общественной собственности на все средства производства.

А.А. Богданов отмечал, что люди, воспитанные эпохой ожесточенной конкуренции, а также беспощадной экономической борьбой между людьми, классами и группами, не могут даже представить тот высший уровень развития товарищеской связи между индивидами, органически создающейся из новых трудовых отношений⁸⁷.

Вся предыдущая история человечества приводила к порождению или формированию «человека-дробин», или одностороннего человека. По сути, А.А. Богданов зафиксировал феномен отчу-

⁸⁶ Горцха Г. Предисловие: Стадии жизни и творчества А.А. Богданова // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 7.

⁸⁷ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 109.

жденности, порожденной разделением труда. Самое первое «дробление человека» философ связывал с отделением организатора от организуемых, отделением повелевающих от повинующихся. Однако теперь наступила эпоха «собираания человека» под воздействием индустриального производства и коллективистских отношений в науке и сфере труда. Идея собирания человека и всего человечества сближает позицию А.А. Богданова с позицией русских космистов – К. Циолковского и В. Вернадского, так как он обращается ко всеобщему природному организационному процессу, видя в человечестве одно из его специфических проявлений.

А.А. Богданов отмечал, что рабочий класс является носителем монистического, трудового и социального миропонимания, а также свободы труда на основе подчинения стихийных сил природы человеку, владеющему наукой. Плановость и организованность противопоставлялась Богдановым стихийности и дезорганизации. Рабочие заменят политические, моральные и правовые нормы нормами научной целесообразности.

Сциентистски ориентированный А.А. Богданов в будущем видел бестоварное общество, основывающееся на совместном труде, во главе с тем классом, который будет стремиться к уничтожению классов. Тектология стремится к уничтожению классов и должна помочь в этом рабочим. Тектология выясняет взаимосвязь вещей, идей и людей, анализируя процессы дезорганизации и организации, механизмы формирования и регуляции, организованности и устойчивости общественных систем. По мнению А.А. Богданова, идеальным условием функционирования трудового коллектива является крупное автоматизированное производство, поскольку на его основе может быть создан единый, не знающий разделения труда, высший тип коллектива, его особая коллективистская трудовая психология, которая отличается чертами развития и гармонического сотрудничества всех работников относительно потребностей производства⁸⁸.

А.А. Богданов понимал (о чем говорится в романе-утопии «Красная звезда»), что столетия национального дробления, кровавого противостояния и взаимного непонимания не прошли даром.

⁸⁸ Щелбанина Г.Н. Философия А.А. Богданова в марксистских исследованиях в Белоруссии в 70-е гг. // Межгосудар. Конф. «Богдановские чтения». Гродно, 1994. С. 173.

И никто не мог знать, сколько узости и варварства социалисты принесут в новое общество. Устаревшие типы жизни сохраняются, а затем воспроизводятся. Таким, к примеру, является авторитаризм, который возник в первобытную эпоху и сохранился до настоящего времени. Индивидуализму присуща не меньшая агрессивность, чем авторитаризму. Размышления Богданова для понимания данных феноменов выглядят вполне современными.

Глава 2. Историческая концепция культуры Богданова

Наряду с этим, по мере все более глубокого изучения и анализа российской действительности Богданов укреплялся в мысли, что Россия еще не созрела для «антикапиталистического переворота». Главной причиной этому является культурная несамостоятельность пролетариата. В труде под названием «Вопросы социализма» (1918 г.) А.А. Богданов отмечал, что культурная несамостоятельность пролетариата сегодня является несомненным и основным фактом, который должен быть честно признан и из которого необходимо исходить в программе ближайшей перспективы. Классовая культура – это комплекс его организационных методов и форм. Если так, отмечает А.А. Богданов, то какой злой иронией или каким детским неразумием представляются проекты немедленно навязать пролетариату депо самого трудного, сложного и радикального во всей истории организационного переустройства в мировых масштабах? Но до того времени, пока рабочий класс не имеет своих организационных орудий, а, наоборот, они владеют рабочим классом, до тех пор он, очевидно, не сможет и не должен предпринимать попыток непосредственного решения мировой организационной задачи и попыток осуществления социализма. Это могло бы быть авантюрой без малейшего шанса на успех, попыткой строительства мирового дворца без знания законов архитектуры. А.А. Богданов говорил, что это был бы еще один жестокий урок, возможно, еще более жестокий и кровавый, чем тот, который мы переживаем сегодня⁸⁹.

⁸⁹ *Богданов А.* Судьба рабочей партии в нынешней революции // Новая жизнь. 1918. 26 янв. С. 2.

Для А.А. Богданова пролетарская культура выступает как оружие борьбы пролетариата за «новый мир», как оружие организации новых межчеловеческих связей, «собрания человека». Постепенно А.А. Богданов освобождался от ультрареволюционных взглядов, связывая возможность пролетарской революции, хотя и не близкую, с формированием и развитием классового сознания рабочих, способных не только преодолеть авторитарное руководство, но и организовать коллективное руководство обществом.

По Богданову, в зависимости от экономического и технического уровня возникают три ключевых типа культуры, которые выступают в науке, морали и искусстве: коллективистский, индивидуалистический и авторитарный. Коллективистский тип культуры и является коллективистской идеологией рабочего класса, играющей организующую роль. А.А. Богданов делал ставку на «новую интеллигенцию» и пролетариат, «взращенный» научно. Товарищеская солидарность является главным пролетарским моральным принципом, основой новых социальных норм в целом. Данный принцип превратится в органически руководящую силу в душе каждого индивида. Не случайно А.А. Богданов в 1924 г. для своего сборника «О пролетарской культуре» дал расшифровку моральному принципу в 10 «законах совести»:

1. Не должно быть стадного сознания;
2. Не должно быть рабства;
3. Не должна нарушаться чистота целей;
4. Не должно быть готтентотской морали (установки: плохо, если крадут у меня, но хорошо, если краду я);
5. Гордость коллектива является высшей движущей причиной мышления и воли рабочих;
6. Высшим идеалом новой совести является полное взаимопонимание и др.

Таким образом, искусство, мораль и наука должны воедино собрать и организовать человеческий опыт, но как? Пролетариату необходимо собственное социалистическое искусство, так как оно является наиболее сильным. С помощью живых образов оно преодолевает индивидуализм и формирует желания и чувства. В переживании прекрасного люди забывают себя. Таким образом происходит формирование подлинного гармонического духовного единения отдельных «Я». Искусство способствует организа-

ции живого опыта и в области познания, и в сфере воли, и в сфере чувств. А.А. Богданову приписывают нигилистически варварское отношение к искусству прошлого периода. Среди известных деятелей Пролеткульта были люди, настроенные подобным образом, но Богданов к ним точно не относится. Другое дело, что он не принимал бездумного, пассивного отношения к «сокровищам старого искусства».

Богданова можно назвать страстным пропагандистом научных знаний. Он считал научные знания важнейшим элементом культуры, наряду с искусством и моралью. А.А. Богданов даже мечтал создать «Новую энциклопедию» по аналогии известной французской энциклопедии XVIII в. Образование в России – особая забота мыслителя, связанная с планом создания Пролетарского университета – целого комплекса институтов.

Искусство выступает в качестве одной из идеологий класса, в качестве составляющей его классового сознания, способа сплочения и объяснения классовых сил, в качестве воспитательного средства, орудия социальной организации. Наука также выступает в качестве организации опыта, хотя и оперирует отвлеченными понятиями. Искусство организует не только опыт в живых образах, но и настроения и чувства человека. Например, музыка является звуковым языком чувства, ландшафт – красочным, лирика – словесно-образным, архитектура – языком железа, дерева и камня. Различные искусства разными путями связывают людей в единство настроения, социально формируя и воспитывая их отношение к другим людям и к миру в целом. Нам необходимо искусство прошлого, однако в новом, современном понимании, а пролетариат нуждается в коллективистическом искусстве. Перед рабочим классом в области искусства стоят две грандиозные задачи. Первая задача заключается в самостоятельном творчестве. Это – осознание себя и мира в живых стройных образах; организация своих духовных сил в художественной форме. Вторая задача заключается в получении наследства – это овладение сокровищами искусства, созданными в прошлом. Вторая задача не менее сложная, чем первая⁹⁰. Возникает вопрос: как переосмыслить искусство прошлого? Для примера можно взять былины о богатыре Илье Муромце.

⁹⁰ *Богданов А.А. О художественном наследстве // Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 426.*

Это – воплощение в одном герое коллективной силы крестьянства, истинного защитника и строителя нашей земли. Пусть данный образ и является индивидуалистическим, но в одном лице выражается коллективная сила, и именно это необходимо постичь. Кстати, по поводу известных строк В. Кириллова, насчет сжигания Рафаэля, А.А. Богданов отметил, что это поэзия не в духе рабочего, а в духе солдата⁹¹.

С коллективно-трудовой или научно-организационной позиции он предлагает пересмотр всего личного культурного наследия. Культурная самостоятельность является первым лозунгом рабочего класса. Второй лозунг – социализация и пересмотр науки, как по форме, так и по содержанию, поскольку старая наука способствовала подавлению сознания пролетариата. Отсюда вытекают и проекты создания «Рабочего Университета» – системы учреждений, основанной на товарищеском сотрудничестве учащихся и учащихся; «Рабочей Энциклопедии», в которой изложены методы и научные достижения с позиции пролетариата. Необходимо перековать орало старого естественного и гуманитарного знания на меч «социалистической науки». Старые «энциклопедисты» видели в человеке изолированного индивида, а новые видят в нем клетку или орган коллектива⁹².

В сентябре 1917 г. А.А. Богданов был избран в ЦК Пролеткульта, в который входил до 1922 г. Повторим, что он далек от крайностей и вульгарно-социологических оценок прошедшей культуры. Но сама «классово-пролетарская» ориентация содержала возможность извращений, которые и возникали в условиях государственного феодального социализма.

Таким образом, целесообразно упомянуть еще один интересный аспект. А.А. Богданов ввел в теоретический оборот такое понятие, как «военный коммунизм». Под военным коммунизмом философ понимал итог экономической разрухи и милитаризации жизни общества. С этой позиции весь государственный капитализм Германии и некоторых других государств является не чем иным, как результатом внедрения военного коммунизма в новую систему капитализма. П. Плютто довольно справедливо отмечал,

⁹¹ *Богданов А.* Наука и рабочий класс. С. 32.

⁹² *Богданов А.* Философия современного естествознания // Очерки по философии коллективизма. СПб., 1909. С. 136.

что Богданов вкладывал особый смысл не только в понятие «военный коммунизм», но и в понятие «государственный капитализм», усматривая скрытое взаимопроникновение данных идей⁹³.

В своем письме к В. Базарову, написанном 15.01.1917 г., Богданов писал о европейском государственно-военном капитализме, который за счет государственной планомерности минимизирует разрушительные процессы. В другом письме, написанном 15 июня этого же года П. Лебедеву-Полянскому, Богданов впервые использовал понятие «военный коммунизм», получившее впоследствии всестороннюю содержательную характеристику в письме от 19 ноября этого же года к А.В. Луначарскому.

А.А. Богданов отмечал, что война поспособствовала культурному и экономическому упадку, гигантскому развитию военного коммунизма и регулированию потребления. Военный коммунизм, развитие которого происходило от фронта к тылу, полностью перестроил общество. Государственный капитализм, по Богданову, является «ублюдком» капитализма и военного потребительного коммунизма.

В нашей стране воздействие военного коммунизма как организационной формы является более сильным, чем в странах Европы, поскольку капитализм в России развит более слабо. Революция под знаком военщины привела к глубокому искажению большевистской партии, которая была вынуждена организовать псевдосоциалистические солдатские массы и крестьян, действующих в казарменных коммунах на государственном содержании. Таким образом, партия превратилась в рабоче-крестьянскую и, соответственно, в объективно-солдатскую. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: почему это произошло? Существует тектологический закон, в соответствии с которым, если система состоит из частей низшей и высшей организованности, то ее отношение к среде будет определяться низшей организованностью, выступающей в качестве наиболее слабого ее звена. Как и скорость эскадры определяет наиболее тихоходный корабль, позиция партии, состоящей из разнородных классовых отрядов, определяется ее наиболее отсталым крылом. Большевизм пережил поразительные преобразования. Им была усвоена логика, методы, идеи и специфическая культура казармы.

⁹³ *Плюто П.А.* А.А. Богданов о «военном коммунизме» // Социс. 1990. № 11. С. 150.

Логика казармы, в отличие от логики фабрики, характеризуется тем, что любые задачи воспринимаются ею как вопрос ударной силы, а не как вопрос организованного труда и опыта. Разбив буржуазию, получим социализм, а захватив власть – сможем все. Рабочий-социалист не будет требовать, чтобы зарплата инженера была больше, чем у него. Казарме известен лишь паек. Политический стиль партии большевиков полностью пропитан казарменной трехэтажностью. По сути, большевизм обречен на идейное и политическое крушение. Данную сдачу социализма солдатчине, отмечает А.А. Богданов, выполнял грубый шахматист Ленин и самовлюбленный актер Троцкий⁹⁴.

А.А. Богдановым был сделан вывод, что в Европе не будет социалистической революции. Он объясняет это тем, что рабочий класс еще не достиг требуемого уровня организационности и культуры. В нашей же стране солдатская коммунистическая революция является чем-то полностью противоположным социалистической революции. Рабоче-солдатская партия, как отмечает Богданов, должна распасться. Новой рабочей партии нужна будет новая культура и идеология. Необходимо уже сегодня заняться выяснением их социальных функций, а не только описанием вторичности и генезиса.

В статье под названием «Судьбы рабочей партии в нынешней революции», которая была опубликована в газете «Новая жизнь» 26–27 января 1918 г., А.А. Богданов, давая характеристику Октябрьской революции как крестьянской в деревне и солдатской в городе, отмечал следующее: «Мировая война изменила самое строение общества, а с ним – природу общественных сил». Богданов говорил о том, что это произошло в связи с колоссальным развитием военного коммунизма⁹⁵. Он считает, что «военно-коммунистическая организация» буквально врзается в капиталистическую систему. Применяя к оценке событий создаваемую им организационную теорию, Богданов отмечал, что в рабоче-солдатской партии солдатское крыло является более отсталым и политически менее организованным. Таким образом, рабочему крылу необходимо приспособиться к его методам, точке зрения и уровню. В полити-

⁹⁴ Богданов А. А. В. Луначарскому (19 ноября 1917 г.) // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 189–192.

⁹⁵ Богданов А. Судьба рабочей партии в нынешней революции.

ке рабоче-солдатская партия является, по сути, просто солдатской. Впрочем, это и наблюдается все время⁹⁶. В целом прочность цепи определяет не наиболее крепкое, а наиболее слабое звено.

А.А. Богданов с присущей ему пронизательностью глубоко проникает в суть исторического развития, обобщает, что коммунизм в основном является потребительным, однако в отношении потребностей распределения он может включать в себя и принудительную трудовую повинность, и регулирование производства. Готовые формы для такого коммунизма давала гигантски разросшаяся организация армии.

С развитием войны принципы казармы и пайка начали распространяться на все большую часть населения. За ними идет регулирование сбыта и цен, а затем – регулирование производства и монополизация продуктов⁹⁷.

Богданов говорил о том, что если военно-коммунистическая форма и приводит к массовому уклону в сторону «социализма», то только «социализма» уравниловки и дележа. В основу культурного и экономического строительства заложен следующий приказ: «Вера в декрет есть, в сущности, перенесение на социальную жизнь идеи приказа, который в солдатской жизни действительно все определял и все мог». Однако в культурной и общеэкономической жизни это совершенно не так⁹⁸.

Идея приказа вновь начала расцветать в эпоху тоталитаризма. А.А. Богданов услышан не был. Да, по сути, среди основной массы большевистских вождей и не было тех, кто хотел или мог бы понять Богданова. А ведь А.А. Богданов еще в декабре 1917 г. писал, что рабочий социализм в своей основе является коллективизмом производства. Солдатский же социализм или социализм солдатской партии – это коммунизм потребления⁹⁹.

Для своего труда «Курс политэкономии» Богданов написал главу, не вошедшую в 1-е издание, но опубликованную в 1918 г. в виде отдельной статьи «Новейшие прообразы коллективистического строя». В данной статье было конкретизировано учение об «осадном коммунизме». Первоначально Богданов уточнил собственное

⁹⁶ *Богданов А.* Судьба рабочей партии в нынешней революции.

⁹⁷ *Богданов А.* Версальское строительство // Вестн. Соц. акад. 1922. № 1. С. 120.

⁹⁸ *Богданов А.* Судьба рабочей партии в нынешней революции.

⁹⁹ Там же.

понимание «коммунизма» и «коллективизма» в целом. Коммунизм (общинность или общность) – это понятие, которое связано с областью распределения. Таким являлся древнехристианский «коммунизм потребления», который обязывал членов общины отдавать собственное имущество в ее потребительный фонд. Такое понятие, как коллективизм («соборность»), характеризует объединение усилий людей в труде и действии. В социалистическом идеале оба вышперечисленных аспекта сливаются непосредственно, выражая организационную идею обобществления экономической стороны жизни. Организационные формы обобществления – товарищеская и авторитарная. Как правило, на практике они наблюдаются в смешанном виде, но с преобладанием одной из них. Экстремальные условия (к примеру, войны) приводят к возникновению сочетания военного коммунизма и капитализма. То есть возникает государственный капитализм или «осадный коммунизм». Из европейских стран первой на этот путь встала Германия. Государство распространило свой контроль на распределение продуктов, нормирование их сбыта и цены, постепенно перейдя к регулированию производства. Государственным капитализмом военно-коммунистические тенденции объединяются с организационными чертами новейшего капитализма. Отсюда вытекают и достаточно высокие нормы прибыли, гарантированные государством. Массы трудящихся фактически закрепощаются путем военного положения и милитаризации.

Продолжая развивать данные мысли в докладе «Мировая война и революция» (1921 г.), А.А. Богданов писал, что осадный коммунизм не является развитием какой-либо общественной формации. Он может возникать из любых социальных систем. Это коммунизм потребления, коммунизм осажденных городов. Истинный коллективистский строй обладает совершенно иными предпосылками и новыми организационными методами, сочетание которых приводит к созданию пролетарской культуры: «Основы ее заложены организационным опытом рабочего движения, марксистской теорией, зачатками пролетарского искусства»¹⁰⁰.

Отвечая на вопросы, поставленные экономистом Д. Опариным (14 сентября 1919 г.), Богданов снова указывал на то, что рабочий класс еще не готов выполнять революционные коллективистские за-

¹⁰⁰ *Богданов А.* Доклад «Мировая война и революция» // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 100.

дачи. Он предвидел приход в России господства социал-бюрократии во главе с технической интеллигенцией, возникновение бюрократического государственного капитализма как переходной формы к социализму. Богданов указывал, что произойдет восстановление всех необходимых для социализма производительных сил, а пролетариат сможет подготовиться к мировой роли организатора. Важнейшая предпосылка выполнения пролетариатом общеорганизаторской роли заключается в выработке пролетарской культуры.

По мнению А.А. Богданова, большевики делают великое общенародное дело и спасают трудовую Россию. Однако он называл Октябрьскую революцию социалистической лишь для пролетариата. Другое дело, что утопическим иллюзиям отводится огромная социальная роль. В своем письме к Н. Бухарину, написанном 10.12.1921 г., Богданов писал, что после того, как он разошелся с партией в оценке эпохи, он осознал объективную необходимость ее политики. Поэтому, как пишет Богданов, он должен отказаться и от пропагандистской работы на темы политики, чтобы не быть помехой нужному и важному делу. В идеологии массовых стихийных движений утопизм выступает в качестве жизненно необходимого элемента. Если он не содержит научно-теоретической правды, то речь может идти о правде действительного порыва. Так, в частности, во Французской революции якобинцы, идя по направлению исторической необходимости, утопически понимали и смысл своей работы. Они были уверены в том, что она направлена прямо к высшим идеалам. Но разве они могли бы выполнять ее с такой беззаветной отдачей, если бы с научной точностью знали, куда они идут. В подобном утопизме может не нуждаться только сознательно организованная классовая борьба, а не стихийная¹⁰¹.

А.А. Богданов также указывал на то, что на плечи самого молодого рабочего класса (русский пролетариат) история возложила непосильное бремя, которое вышло далеко за пределы его собственной классовой природы.

А.А. Богдановым был введен такой термин, как «советская изношенность» («совизношенность»). Этим термином Богданов фиксировал кризис человека в условиях послереволюционной

¹⁰¹ *Богданов А. Н.И. Бухарину: Открытое письмо тов. Бухарину // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 205.*

разрухи. Создатель института переливания крови и гематологии именно в переливании (то есть обмене кровью между молодыми и старыми) видел эффективное средство омолаживания организма. С философской позиции это все освящается претворением в жизнь такого принципа, как «физиологический коллективизм».

В статье под названием «Государство-коммуна», изданной в 1917 г., Богданов справедливо писал, что Советы являются несовершенными органами, не обладающими парламентским опытом улаживания противоречивых интересов. Поэтому, по мнению мыслителя, их политика чревата началом гражданской войны с громадным расточением лучших народных сил¹⁰².

Советы, которые были созданы по проекту Ленина, выступали в качестве органов революционной борьбы. Они практически не были пригодными для позитивной работы. Таким образом, необходимо создание демократической парламентской республики. А.А. Богданов проводил аналогию между ленинскими проектами и «донаучным, ребяческим коммунизмом» с его установкой: «Всем всего поровну». «Установить однообразную плату, “не выше средней платы хорошего рабочего”, за самые разные по напряженности, количеству и качеству виды организаторского труда. С экономической позиции это было ошибкой против азбуки... Если комиссар-министр, выполняя работу, изнуряющую нервы и мозг и нередко в несколько месяцев истощающую человека на несколько лет, будет получать те же 200–300 рублей, что и средний хороший токарь, то какой токарь пойдет в министры? За среднюю плату хорошего рабочего только и можно делать среднюю работу хорошего рабочего»¹⁰³.

И здесь целесообразно упомянуть об одном блестящем прогнозе А.А. Богданова, который содержится в его «Красной звезде». Богданов говорил о том, что вопрос, касающийся социальной революции, становится слишком неопределенным. Предвидится не одна социальная революция, а множество – в разное время, в разных государствах и разного характера, но – что самое главное – с неустойчивым и сомнительным исходом. Господствующий класс, опираясь на высокую военную технику и армию, может в отдельных случаях нанести восставшему пролетариату настолько серьез-

¹⁰² Богданов А.А. Проблемы социализма. М., 1918.

¹⁰³ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 348.

ное поражение, которое отбросит назад дело борьбы за социализм в целых странах. А.А. Богданов отмечает, что подобные примеры уже бывали в истории Земли.

Впоследствии некоторые передовые государства, в которых восторжествует социализм, будут как острова посреди враждебного им капиталистического, а в некоторой части и докапиталистического мира. Вступая в борьбу за собственное господство, высший класс несоциалистического государства направит все усилия на разрушение этих островов, постоянно организовывая на них военные нападения. При этом высший класс сможет найти среди социалистических наций достаточное количество союзников, которые будут готовы на любое правительство, из числа предыдущих (мелких и крупных) собственников. Каким будет результат подобного столкновения – предугадать невозможно. Но даже там, где социализм сможет удержаться и выйдет победителем, его характер глубоко и надолго исказится годами осадного положения, военщины и террора, с неизбежным последствием, выраженным в варварском терроризме. Как подчеркивает Богданов, это будет «далеко не наш социализм»¹⁰⁴.

Практически всю свою творческую жизнь А.А. Богданов как социолог интересовался идеологией, ее социальными функциями, сущностью и истоками. В предисловии к 1-му изданию своего труда «Наука об общественном сознании», увидевшему свет в 1913 г., Богданов написал: «54 года тому назад Марксом был формулирован основной закон развития идей, права, нравственности, политики, вообще – всего общественного сознания, всех “идеологий”: их зависимость от способов производства и присвоения». Далее Богданов отмечает, что из этого закона вытекает общий путь исследования – для всех изменений в идеологиях искать причины в условиях хозяйственной и трудовой жизни. Таким образом был решен главный вопрос идеологической науки – вопрос, касающийся ее методов. Впервые она стала возможной как действительная наука, которая объясняет свои факты, а не только нагромождает и собирает их¹⁰⁵. Сам Карл Маркс успел многое сделать в практическом применении разработанного им метода. Из его последователей Богдановым особо выделяется Каутский. По мнению мыслителя,

¹⁰⁴ Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 348.

¹⁰⁵ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 3.

немецкий филолог Людвиг Нуаре (1829–1889 гг.) дал четкие доказательства в пользу метода Карла Маркса. Он показал, что речь и мышление возникли в первобытных общинах из совместного труда, а производство привело к возникновению идеологии. Хотя, безусловно, о марксизме Нуаре ничего не знал¹⁰⁶.

Взяв начало, будучи истоком из фактической общественной жизни, идеология превратилась в орудие общественной организации, а также в орудие организации общественных сил и производства. А.А. Богданов рассматривал понятия «идеология», «духовная культура» и «общественное сознание» в качестве синонимов. По его мнению, духовная культура является той сферой, которая находится за пределами прямой борьбы с природой. Это – искусство, нравственность, мышление и речь. Иначе говоря, это общественное сознание или идеология¹⁰⁷. А.А. Богданов придерживался того мнения, что за любым пониманием причинно-следственной связи стоит та или иная трактовка закона превращения и сохранения энергии.

Коллективизм решающим образом отразился на общественных науках. Ранее историю человечества понимали или в духе авторитарного, или в духе отвлеченного фетишизма. Некоторые видели в ней историю властителей и авторитетов (героев, царей), их деяний и подвигов, которые будто бы определяли дальнейшую судьбу мира. Другие же считали, что ее сущность заключается в развитии нравственных принципов, знаний и идей. Причем они считали, что такое развитие происходит по своим собственным законам и само собою, а идеи, управляя человеком, заставляют его действовать и именно это оказывает влияние на исторические события. Карл Маркс показал, что все такие взгляды не отражают действительности и являются поверхностными и наивными. История человечества в первую очередь – это развитие процесса производства, борьба между природой и обществом. В ходе производственного процесса происходит выработка и формирование экономических отношений между людьми с учетом их самих и их идей¹⁰⁸.

А.А. Богданов упоминал об известном упрощении и вульгаризации материалистического метода (причем даже у Г.В. Плеханова, в произведениях которого «главные идеи отживающего мира,

¹⁰⁶ А.А. Богданов говорит о работе Нуаре «Происхождение языка» (1877).

¹⁰⁷ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 8.

¹⁰⁸ Там же. С. 212.

такие как «свобода воли», «бессмертие души», «бог», рассматриваются в основном в качестве воплощения отдельных классовых интересов, в частности буржуазных). Наряду с этим, в первую очередь это формы мышления, которые возникают из тех или иных производственных отношений. При этом их связь с классовыми интересами уже не является производной – как и любые идеологические формы, они обладают тенденцией к поддержанию создавших их общественных отношений, а через них это выгодно одним, но невыгодно другим общественным классам¹⁰⁹.

Как можем видеть, А.А. Богданов немало сделал для выявления объективного смысла идеологии, несмотря на то, что здесь нет достаточной четкости. К примеру, Богданов пишет, что к идеологии относится много вещей, являющихся, с одной стороны, абсолютно разными – это правила приличия, законы, обычаи, искусство, знание, речь и др.¹¹⁰. Он характеризовал суть каждого указанного элемента. Наряду с этим, Богдановым сделано следующее расширенное обобщение: «Сущность идеологии – это общественное сознание в разных его формах»¹¹¹.

Таким образом, наиболее простейшими элементами идеологии являются мысль и слово. Идеология является социальной. Она отличается от индивидуального сознания, замыкающегося на непосредственных переживаниях, не передающихся индивидом другим людям.

Мышление и речь возникают в единстве, из совместной работы индивидов, из трудового социального процесса. Именно трудовой коллективный процесс способен производить понятные всем звуковые символы и обозначения трудовых актов. По мере того как происходила специализация людей, обособлялись исполнители и организаторы, начали возникать своеобразные нормативные типы – правила приличия, нравственность, право, обычаи и др.

А.А. Богданов придерживался той позиции, что человечество живет во времена великих перемен, связанных с уходом капитализма. Борьба между старыми и новыми силами приводит к воз-

¹⁰⁹ *Богданов А.* Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 219.

¹¹⁰ *Богданов А.* Десятилетие отлучения от марксизма: Юбил. сб. (1904–1914) // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 55.

¹¹¹ Там же. С. 56.

никновению поразительных и противоречивых состояний. Старый мир апеллирует к безумию. Довольно актуальными для нашего переходного этапа являются следующие слова Богданова, которые были сказаны им в 1912–1914 гг.: «Бокс в Европе и Америке становится любимым зрелищем “образованных классов”; с ним соперничают другие развлечения, рассчитанные на грубые инстинкты, вроде “борьбы”, даже боя быков, и прекрасное изобретение – кинематограф – служит средством распространять эти зрелища повсюду; а нелепо – жесткая угольная литература, достигшая повсюду небывалого процветания, удовлетворяет те же потребности другими способами. Шатанье умов среди отживших классов так сильно, что в великих центрах культуры, столицах мира находят успех маги и гадалки. Под костюмами XX в. возрождается дикость и варварство давно пережитых эпох»¹¹².

По Богданову, формирование пролетарской идеологии означает формирование культуры пролетариата. А.А. Богданову неоднократно приписывали вульгарную точку зрения по поводу старой культуры. Но обратим внимание на слова Богданова: «Пролетариат, конечно, законный наследник художественного богатства старой культуры. Но культурное наследство не достигается без усилий, как рубли и копейки от капиталистов с детям (сверить цитату; снять «с» или, возможно, что-то пропущено): его надо завоевать»¹¹³.

Когда Богданову задали вопрос, нужно ли отбросить и отвергнуть все старое искусство, он ответил, что нет. Богданов утверждал, что старое искусство только иначе освещается и воспринимается коллективистическим сознанием. Любая высшая культура имеет художественное наследство, полученное от низшей культуры, но пользуется этим наследством по-своему¹¹⁴. Как можем видеть, геростратовский образ А.А. Богданова, который был создан не без участия В.И. Ленина, далек от оригинала. По сути, А.А. Богданов придерживался азбучной для многих большевиков идеи по поводу культурной революции, не разделяя троглодитскую позицию В. Плетнева и остальных руково-

¹¹² *Богданов А.* Время великих перемен (Очерк первый) // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 78.

¹¹³ *Богданов А.* Десятилетие отлучения от марксизма: Юбил. сб. (1904–1914). С. 85.

¹¹⁴ *Богданов А.* Наука об общественном сознании. С. 8.

дителей Пролеткульта. К примеру, нигилистический проект по созданию культуры «механизированной толпы», который был предложен А. Гастевым, Богданов называл «чудовищной аракеевщиной»¹¹⁵.

В своем письме к В. Базарову, написанном 15.01.1917 г., Богданов указал, что коллективное сознание для него является идеологией: «...ты также склонен, по-видимому, коллективное “настроение” отличать от идеологии. На мой взгляд, поскольку оно реально и длительно, оно представляет лишь мало оформленную идеологию, ее смутную фазу. Например, мораль класса, его идеал возникают сначала как “настроение”, потом оформляются в систему, которая организует все содержание прежних “настроений”»¹¹⁶.

По Богданову, культурные принципы являются организационными принципами борьбы и труда человеческого коллектива, специфическими формами сотрудничества людей. Это формы социальной практики, которые прочно закреплены в формах мышления. Главным отличием культурных принципов является больший консерватизм. Великие революции, происходившие в истории человечества, – это революции, которые приводили к смене культурных принципов, так как формирование нового класса в конечном счете приводит к конфликту культурных принципов. Так, в частности, выход пролетариата на арену истории означал зарождение и нового культурного принципа – «коллективистического», в основу которого заложена товарищеская форма сотрудничества. Данная форма существовала и ранее, но в ограниченных масштабах, находясь в подчинении других форм. Лишь условия социальной борьбы и труда пролетариата способны превратить ее во всеобщий и всеорганизационный принцип. До тех пор пока пролетариатом не будут выработаны собственные организационные методы и формы, он обречен подчиняться культуре буржуазного класса. По сути, А.А. Богданов говорит о том же, о чем писал Ленин в своем труде «Что делать?» по поводу идеологической борьбы, «внесения» научной идеологии в рабочее движение.

¹¹⁵ *Богданов А. О тенденциях пролетарской культуры. Ответ А. Гастеву // Пролетарская культура. 1919. № 9/10. С. 52.*

¹¹⁶ *Богданов А. В.А. Базарову (15 января 1917 г.) // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 181.*

Для А.А. Богданова в качестве обобщающего понятия выступало такое понятие, как «культура». Корни культуры и идеологии – в массовом «настроении» (по Г.В. Плеханову, «общественная психология»).

Теперь целесообразно более детально рассмотреть организационные идеологические принципы, или принципы культуры. Богданов, подчеркивая их производность от организационных принципов социальной идеологии и техники, подставляя вместо орудий слова-понятия, содержательно включающие в себя не только знание как таковое, но и нормы приличия, нравственные правила, законы, обычаи, искусство и общение, выделил несколько ключевых принципов:

- принцип неопределенной «первичной» монистической тенденции в познании;
- принцип анимистического монизма;
- принцип метафизического монизма;
- принцип синтетического монизма.

При этом отметим, что в реальности идеология является наиболее консервативным элементом общества, а потому и последовательная смена идеологических принципов осуществляется с заметным отставанием от организационных принципов социальной экономики и техники.

Определяя отношение к словам-понятиям в первобытной общине, Богданов говорил о его коллективном, бессознательном и консервативном характере. На самом деле на дорелигиозном этапе развития человечества формирование элементов мышления и речи началось с произвольных звуков, которыми люди сопровождали те или иные трудовые акты. В данную эпоху, как отмечает Богданов, из трудовых криков начала возникать речь, которая изначально использовалась лишь для призыва к труду или сочетания трудовых усилий. Впоследствии речь начала использоваться в целях передачи и сохранения внутри группы непрерывно накапливающегося трудового опыта – сначала в виде технических правил выполнения хозяйственных функций, а впоследствии и в форме описания природных явлений¹¹⁷.

Такие трудовые крики, как указывает мыслитель, постоянно развивались и со временем превратились в «слова-понятия», которыми люди обозначали производственные действия. В эту эпоху

¹¹⁷ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 18.

весь мир был для людей миром действий¹¹⁸. Богданов подчеркивает, что первичные слова не были глаголами, а заключали в зародыше все современные части речи. Главным значением выступало действие, из которого выделяли слово. Затем с ним соединялось множество близких значений¹¹⁹.

А.А. Богданов также обращал внимание на то, что до тех пор, пока орудия характеризовались элементарной простотой и брались людьми непосредственно из природы (палки, камни), они не отделялись в мышлении человека от действий, для которых применялись. К примеру, камень могли обозначать таким же словом, как и сам акт удара. Но по мере усложнения орудий (стрелы, лук, каменные топоры) необходимо было обособить их производство как особую работу среди других. Это привело к прекращению смешения орудия с действием¹²⁰.

Последовательность нескольких трудовых актов, которая в итоге приводит к определенным производственным результатам, выражалась в первобытном обществе, как считает ученый, в виде целой совокупности слов-понятий, или «первичных идей», представляющих собой «устойчивые сочетания понятий»¹²¹.

Такие «первичные идеи» являются определенными техническими правилами того или иного процесса производства. Мышление же, в свою очередь, более позднее идеологическое явление, чем речь. Мышление состоит из понятий, которые выражаются словами и сочетаются в идее или мысли. Богданов указывал на то, что мышление является внутренней речью¹²². Вместе с тем Богданов говорил и о коллективизме мышления первобытных людей: «Человек не выделял себя мысленно из той группы, к которой он принадлежал; он не рассматривал себя как особый центр интересов и стремлений; он не мыслил своего “я”, как современный человек, а сливался с родовой группой, как часть с целым. Само мышление, как и первобытный коллективизм, было стихийным, “сплошным”, т. е. одинаковым для всех членов группы. Не было индивидуальности, личности; поколения веками повторяли друг друга, и подражание лишь укрепляло застойные, инертные жизненные формы»¹²³.

¹¹⁸ Богданов А. Философия живого опыта... С. 20.

¹¹⁹ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 46.

¹²⁰ Там же. С. 47.

¹²¹ Там же. С. 48.

¹²² Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 17.

¹²³ Там же. С. 18.

Позднее люди начали обозначать природные явления с помощью основной метафоры слова или их последовательности. В качестве основной метафоры филологами называется перенос смысла первичного слова, означавшего действие человека, на действия стихийных сил природы или на действия животных¹²⁴. Мышление первобытного человека, по мнению философа, не различало трудовые действия человека и стихийные природные действия. Предметы и явления природы первобытное мышление стало выделять в качестве «орудий», которые действуют вне зависимости от рук людей. Например, «солнце» – орудие действия «греть», снег – орудие действия «охлаждать»¹²⁵.

Первичные идеи, применявшиеся в целях воспроизводства последовательности «не действий людей, а действий, наблюдаемых ими во внешней природной среде»¹²⁶, использовались первобытными людьми в целях описания лишь тех стихийных явлений, которые затрагивали их напрямую¹²⁷.

По Богданову, сущность познания природы составляет какая-либо форма причинной связи. Но такая связь, по его мнению, не была заимствована человеком из природы. «Природа непосредственно дает человеку смену одних явлений другими, их хронологическую последовательность, но это не то же, – пишет А.А. Богданов, – что причинность»¹²⁸. Связь причины, по мнению мыслителя, находится в социальной среде, в условиях борьбы с природой и в трудовых отношениях членов родовой общины. В борьбе с природой люди подмечают некоторую последовательность и выражают эту последовательность соответствующим сочетанием слов, создавая себе и своим родичам некое «техническое правило» природных явлений, облегчающее их борьбу за свое существование»¹²⁹.

Главным отличием таких технических правил от схемы причинной связи, возникающей на основе разделения труда, является то, что в первой схеме присутствует устойчивая последовательность двух действий, противопоставление двух трудовых

¹²⁴ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 46.

¹²⁵ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 48.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. С. 49.

¹²⁸ Богданов А. Философия живого опыта... С. 21.

¹²⁹ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 18.

актов. Во второй же схеме отношение постоянной, устойчивой последовательности способствует соединению действий двух разных людей.

В связи с этим в эпоху первобытных людей идеи причинной связи не существовало вообще. Богданов отмечал, что существовало лишь непосредственное трудовое отношение к миру, но не было никакого толкования происходящих явлений и событий¹³⁰.

После обособления организаторского труда появилось авторитарное сотрудничество. Патриарх выступал в качестве авторитета, которому все подчинялись. Власть характеризовалась демократичностью. Авторитарный тип сотрудничества привел к возникновению авторитарной идеи причинной связи и в конечном счете к зарождению анимизма. Во времена феодализма произошло усиление консерватизма авторитаризма. Авторитарный тип мышления привел к формированию фетишизации идеологических норм, к отрыву идеологии от коллективного субъекта и трудового процесса. Впоследствии коллективный субъект был замещен «организатором» или «авторитетом». На данном пути норма достигла того «отрешенного» или «абсолютного» характера, при котором она могла существовать сама по себе, вне зависимости от жизненного опыта, требований и интересов жизни. Но независимо – лишь в мышлении фетишиста¹³¹.

Вначале было Слово... Именно поэтому принцип анимистического монизма характеризуется в первую очередь представлением любой реальности в качестве совокупности двух начал – вещественного и духовного. При этом первое является инертным, а второе – свободным началом¹³². Отношение к словам-понятиям квалифицируется индивидуализмом, консерватизмом и стихийностью.

Идеологические отношения в данную эпоху характеризуются Богдановым как натуральный фетишизм, который предполагает такой взгляд на природу, где отношения вещей представляются аналогичными отношениям людей¹³³. На его взгляд, это является первым типом мировоззрения, при помощи которого люди впервые начали объяснять себе природу, искать связи явлений. Таким

¹³⁰ Богданов А. Философия живого опыта... С. 226.

¹³¹ Богданов А. Падение великого фетишизма. М., 1910. С. 56.

¹³² Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С. 239.

¹³³ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 29.

образом, возникло то, что можно обозначить термином «мировоззрение». Суть такого мировоззрения и составляет натуральный фетишизм. В целом под натуральным фетишизмом понимается именно такой взгляд на природу, которому свойственно представление об отношении вещей вещей как отношения людей¹³⁴. Таким образом, натуральный фетишизм или анимизм, по мнению мыслителя, предполагает незнание человеком свойств и сил предметов внешнего мира, то есть недостаток власти человека над природой, преобладание власти природы над людьми. Это приводит к превращению связи вещей природы в авторитарное сотрудничество (производственные отношения)¹³⁵.

С отделением организаторского труда (патриарха, умственной силы) от исполнительского (грубой физической силы других членов общины) люди привыкали видеть в отношениях людей, а затем и других действиях внешней среды «результат влияния организующей воли на более грубую силу – исполнительскую». Так, каждое «явление превращалось для человека в неразрывное сочетание двух составляющих – материальной силы (подчиняющейся) и воли (приказывающей).

А.А. Богданов указывал на то, что «в сознании людей возникают «души вещей», заменившие причины вещей». Так, даже если заметной является лишь материальная сила, человек авторитарного общества неспособен понять ее без скрытой организующей воли. Поэтому действительность в любых ее проявлениях представлялась ему как однородно-двойственная. Именно в этом, по мнению Богданова, заключается исток религиозного мировоззрения, образующегося из почитания предков-организаторов¹³⁶. По мнению ученого, именно религия являлась в рассматриваемую эпоху всеобщей организацией опыта: «Объединяя в одно целое разрозненные и разбросанные данные трудового опыта, она способствовала сохранению в памяти людей массы практических знаний»¹³⁷.

Богданов также говорил о том, что когда примитивное мышление начало приобретать авторитарную схему причинной связи, то, чуждое всякой критики и тонкостей, оно начало оперировать ею

¹³⁴ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 28.

¹³⁵ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 112.

¹³⁶ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 29.

¹³⁷ Там же. С. 30.

повсюду – как своеобразным универсальным шаблоном¹³⁸. Если какое-либо действие происходило без каких-либо повелений со стороны, то авторитарное мышление обрабатывало опыт по одной модели. То есть всегда разделяло явления природы на две составляющие – исполнительскую и организующую. Не умея укладывать в один предмет понятия, которыми выражались данные составляющие, люди просто удваивали социальный и природный мир на исполнительское тело и организаторскую душу. При этом «душа» вначале являлась просто повторением «тела», со всеми присущими ему биологическими и физическими свойствами¹³⁹.

Таким же способом в авторитарном сознании происходит удваивание растений, животных и прочих вещей. Все они обнаруживают иногда изменения или действия, для которых на том уровне знаний не удается найти особой видимой причины. Поэтому все получают собственные «души» – точное повторение их «тел». По Богданову – это универсальный анимизм. Анимизм, по сути, это начало всех мировоззрений дуалистического типа, то есть таких, которые в природе видят две сущности – телесную и духовную, пассивно-подчиненную и активно-организаторскую¹⁴⁰.

Еще одно организационное орудие данного периода – социальные нормы. Под социальными нормами понимаются обычаи или «правила общежития», которые вначале рассматривались в качестве «заветов предков», а потом – как божьи веления.

Возникает вопрос: как же, по мнению Богданова, именно специализированное производство орудий приводит к порождению мира вещей авторитарного общества из «мира действий» первобытного периода? По мнению ученого, переход от идеи «действия» к идее «вещи» («предмета») не был резким. В мышлении человека «вещь» выступала в качестве устойчивого комплекса действий, с одной стороны, действий человека (воздействия на предмет), а с другой – действий, которые человек испытывает (воздействия от предмета). Среди тех и других «вещь» определялась и фиксировалась в сознании, выступая в качестве прочного единства или их постоянной связи. Так, орудие (особая «вещь») объединяло совокупность трудовых актов, с помощью которых оно было

¹³⁸ Богданов А. Философия живого опыта... С. 23.

¹³⁹ Там же. С. 24.

¹⁴⁰ Там же. С. 25.

сделано, с теми актами, которые с его помощью выполняются, и теми, которые оказывают воздействие на человека. Таким является сложный материал трудового опыта, организующийся в одном слове-понятии, выступающем для обозначения вещи. Весь данный материал является кристаллизованной активностью, в первую очередь, социально-трудовой, а за нею – активностью стихийной, внешней, мыслящейся посредством социально-трудовой активности, путем бессознательного уподобления. Понятия о «вещах» появились раньше всего и имели вид именно понятий об «орудиях». Впоследствии произошло выделение производства орудий в особую область системы труда. Так, «вещи» могли фиксироваться в мышлении только благодаря тому, что само мышление систематически фиксировалось на них в ходе трудового процесса, а данное соотношение впервые получилось при специализированном производстве орудий¹⁴¹. По словам Богданова, на предыдущем этапе развития орудие не могло осознаваться недостаточно развитым сознанием первобытных людей как самостоятельный комплекс именно по причине его недифференцированности от тех элементарно простых одинаково выполняемых любым членом общины действий, для которых оно использовалось. А.А. Богданов писал, что при специализированном производстве орудий происходит создание объективных условий для мысленного разъединения самого орудия и его применений. Орудие делает один, а пользуется им обычно другой член общества. Для первых орудие является постоянной целью определенного, законченного цикла трудовых актов, а для вторых – необходимым условием их собственного труда, для выполнения которого приходится обращаться к его производителям. В обоих случаях отдельный символ стал социально нагруженным и со временем вырабатывается, глубоко преобразуя строй речи и мышления людей¹⁴².

Аналогично происходила специализация в «изготовлении» и практическом применении орудий-жестов и орудий-слов, которые использовались патриархами для отдачи приказов и организации процесса труда. А.А. Богданов отмечал, что роль организатора в производстве была особой ролью и принадлежала лишь одному ему¹⁴³.

¹⁴¹ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1. С. 58.

¹⁴² Там же. С. 59.

¹⁴³ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 26.

С развития авторитарной формы сотрудничества, с зарождения статике «мира вещей» на основе все более углубляющейся специализации организационного труда начинается, по мнению мыслителя, формирование идеи о мировой организации, то есть выработки универсального способа познавательной систематизации мира социальных и природных явлений, которые наиболее полно выражаются в причинной связи. Возникает вопрос: каким же образом из авторитарного сотрудничества получается идея причинной связи? А.А. Богданов отвечает на этот вопрос следующим образом: «В нем имеется постоянная последовательность организации фактов, а именно такая, что за действием организатора – его распоряжением – следует соответственно трудовое действие исполнителя. Но это не только последовательность действий; это их связь организационная, необходимая. Каждый член общины не может не сознавать, что распоряжение организатора вызывает или “причиняет” действие исполнителя, а отнюдь не только предшествует ему. Такова авторитарная причинность в первоначальном виде, как трудовое отношение»¹⁴⁴. Богданов говорит о том, что в ней есть и противопоставление организации причины со следствием: первая – действие одного индивида, второе – действие другого человека. В ней имеется и сознание закономерности организации: – распоряжение должно приводить к выполнению; – это реальная, жизненная необходимость, которая только и доступна неразвитому мышлению¹⁴⁵.

Содержание «причинности», по мнению ученого, приводит к образованию постоянной связи явлений как основы их предвидения¹⁴⁶. А.А. Богданов, говоря о значении схемы причинной связи для мировоззрения, подчеркивает, что она в течение всей культурной истории человечества, развиваясь и изменяя свои формы, продолжала оставаться центральным организующим принципом любого мировоззрения¹⁴⁷.

Отличия причинной связи от остальных типов связей, в которых «в процессе труда или борьбы тесно сплетаются человеческие действия, их соотношение не обладает характером устойчивости и

¹⁴⁴ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 98.

¹⁴⁵ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 61.

¹⁴⁶ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1. С. 59.

¹⁴⁷ Там же. С. 60.

необходимости, – на тот или иной акт человека А, сотрудника или врага, но не организатора, человек В может реагировать различно, смотря по обстоятельствам», в случае схемы причинной связи «одно из них является организаторским, другое – соответственно исполнительским»¹⁴⁸.

Обратим внимание на то, как А.А. Богданов ответил на вопрос о том, каким образом возникающая схема причинности превратилась в универсальную. Он отмечает, что благодаря основной метафоре явления внешней природы мыслились с помощью понятий, которые относились по точному и первичному своему смыслу к деятельности людей, и естественно, что они мыслились в таких же формах, как и сама деятельность. Таким образом, постоянная связь внешних явлений представлялась в качестве постоянной связи человеческих трудовых актов. Усвоение привычной последовательности двух явлений происходило в таком виде, что одно из них вызывало и определяло другое, как приказание или указание организатора, вызывающее и определяющее поступки и действия исполнителя¹⁴⁹. Чаще всего приказания отдаются посредством слов. Желая подчеркнуть особую роль слова, А.А. Богданов отмечал, что в древних мировоззрениях именно слово выступало в качестве основного типа причины. Во многих мифологиях слово, а точнее – творческое повеление, выступало в качестве причины всех вещей и самого возникновения мира¹⁵⁰. Отсюда начали возникать присущие всем народам и племенам на ранних стадиях культуры идеи магизма, власти заклинаний и прочих словесных формул над природными явлениями, предания о сотворении вещей и управлении ими с помощью простых приказаний со стороны верховного авторитета и др.¹⁵¹.

По мнению А.А. Богданов, авторитарная схема причинности с развитием распространяется на мир и на весь трудовой опыт. Таким образом, авторитарная схема все больше укрепляется и превращается в прочный, постоянно действующий механизм в системе мышления. Любой материал опыта, который попадает в данный механизм, как бы автоматически приводится им именно в тот вид,

¹⁴⁸ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1. С. 59.

¹⁴⁹ Там же. С. 61.

¹⁵⁰ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 63.

¹⁵¹ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1. С. 61.

который соответствует схеме, то есть делится на пассивно-исполнительский и активно-организаторский момент, раздваиваясь по данной линии. Например, в реально-нераздельном комплексе, которым является солнце с его теплом и светом, солнце обособляется в качестве причины, а тепло и свет являются следствиями, вызываемыми им¹⁵².

Так, несмотря на свою фетишистическую оболочку, данная схема приобретает огромное значение для трудового социально-го процесса как форма предвидения и опора любой планомерной техники, любой целесообразной и сознательной деятельности¹⁵³.

А.А. Богданов подчеркивал, что в предвидении заключается ее огромное практическое и техническое значение, благодаря которому она превращается в универсальную¹⁵⁴. Богданов писал: «Мы видим, что в этой фазе “причинность” вполне фетишистична, отношения вещей она представляет как отношения людей»¹⁵⁵.

В эту эпоху общество охватывало уже несколько сотен тысяч и даже миллионов людей, и данное обстоятельство накладывало свой отпечаток на идеологические отношения. Это поспособствовало развитию такого средства организации, как язык, который в рассматриваемую эпоху достиг огромного богатства гибкости и выражений. Количество слов увеличилось в несколько раз. Появилось множество новых видов их видоизменений и сочетаний (например, спряжения и склонения)¹⁵⁶. В это время общество представляло собой длинную иерархическую лестницу, где каждая низшая инстанция находилась в подчинении у высшей. При этом роль каждого сословия в организации общества была особой, отличающейся от роли других. Так, воображаемый религиозный мир населен высшими богами, полубогами и богами, находящимися в определенной иерархической феодальной цепи. Они управляют различными природными стихиями, а также всей системой в целом¹⁵⁷. Нормы нравственности и права для разных сословий были разными. Несмотря на то что феодальная идеология характеризовалась крайней консервативностью, все новое в технике и

¹⁵² Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1. С. 61.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. С. 60.

¹⁵⁵ Там же. С. 61.

¹⁵⁶ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 44.

¹⁵⁷ Там же. С. 45.

жизни преследовалось как безбожие и ересь, так как осложняло положение руководящих сословий, угрожая подрывом их авторитета. Консерватизму «мышления противостояли разросшаяся и усложнившаяся социальная система и громадный, тысячелетиями накопленный опыт, благодаря которому сумма элементов развития во много раз превзошла существовавшую ранее»¹⁵⁸.

Развитие менового общества постепенно привело к порождению индивидуалистической идеологии товарно-фетишистского характера. Присущий такому обществу метафизический тип мышления отличается в основном своей бессодержательностью. Это тенденция, которая направлена к обобщениям настолько отвлеченным, что любое конкретное содержание в них исчезает, но остается только слово¹⁵⁹. Поэтому и отношение к словам-понятиям в эту эпоху характеризовалось сознательностью, пластичностью и индивидуализмом.

В общественном сознании, несмотря на преобладание авторитарного мировоззрения, со временем начали формироваться компоненты новой идеологии. Меновый фетишизм, являющийся одним из таких проявлений, представлял собой неспособность производителя осознать общественный характер его труда, с помощью которого произведен продукт, его связь с другими производителями и «совместность» в борьбе с природными стихиями, по причине того, что стоимость или ценность товара «представляется ему непременно в виде известного количества денег, а не в виде известного количества труда». Вполне естественным может казаться и вывод о том, что ценность – это способность продать товар за известную сумму. То есть свойство товара самого по себе – это свойство, которое не зависит ни от общества, ни от людей, а является естественным свойством товара¹⁶⁰.

А.А. Богданов считает, что, не имея возможности постичь, что в обмене выражается трудовая совместность людей в борьбе с природой, то есть общественное отношение людей, товарный фетишизм относит способность товаров к обмену природным или внутренним свойством самого товара. Так, все то, что на самом деле представляет собой отношения людей, кажется товарному

¹⁵⁸ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 46.

¹⁵⁹ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С. 240.

¹⁶⁰ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 89.

фетишизму отношением вещей. В свою очередь, меновый фетишизм – это противоположность натурального фетишизма, представляющего отношения вещей как отношения людей¹⁶¹. Вместе с тем Богдановым выделяется еще один вид фетишизма – денежный. Он порождает ненасытную жажду накопления, так как производителям кажется, что за деньги они могут купить абсолютно все, а степень удовлетворения их потребностей зависит только от количества денег¹⁶². Также Богданов выделяет фетишизм частной собственности, которая является, по сути, общественным отношением к конкретной личности и к конкретной вещи одновременно¹⁶³. Данный вид фетишизма появился при развитии обмена и выступает в качестве иллюзии индивидуального хозяйства.

По мнению философа, развитие общественного сознания этой эпохи продолжало идти в духе индивидуализма. По мере того как устанавливались торговые связи с разными отдаленными областями, происходило и расширение интеллектуального кругозора людей. Люди изучали юридические и экономические условия других стран, знакомились с их обычаями, нравами и языком. Для этого школы духовенства начали заменять светскими школами. Произошла деградация натурального фетишизма, но товарный фетишизм продолжал укрепляться и развиваться. А.А. Богданов подчеркивал, что жажда денег, тесно связанная с товарным фетишизмом, была характерной чертой второй половины Средневековья и начала Нового времени. Ради одной и той же цели алхимики проводили свои исследования, а авантюристы пускались в дальние путешествия. Индия и философский камень играли одинаковую роль в психологии той эпохи¹⁶⁴. Именно в это время, когда европейское общество снова смогло достичь того уровня меновых отношений, на котором стоял античный мир во времена своего расцвета, произошло «возрождение наук и искусств». То есть повысилась востребованность наследства древнего мира в виде художественных, литературных и юридических образцов, что ускорило и облегчило образование новых форм деятельности и мышления¹⁶⁵.

¹⁶¹ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 89.

¹⁶² Там же. С. 90.

¹⁶³ Там же. С. 91.

¹⁶⁴ Там же. С. 107.

¹⁶⁵ Там же. С. 108.

В этой связи не случайно, что в качестве одного из принципов мышления для обществ менового типа Богданов выделяет принцип отвлеченной причинной связи, заложенный в основу метафизических, отвлеченных мировоззрений. Данная связь представлялась ему «по образцу экономической необходимости: скрытой заявляемыми естественной необходимостью порождаются и причины, и их следствия; следствие всегда наступает вслед за причиной, в этом и заключается их зависимость. Следствие может отличаться от причины и количественно, и качественно»¹⁶⁶.

По причине возрастания сложности организаторской деятельности идеология этой эпохи характеризовалась усилением спроса на умственный (интеллектуальный) труд и ускорением роста буржуазной интеллигенции, не сталкивающейся с какими-либо материальными препятствиями на пути своего развития. Усиление воздействия процесса технического на прогресс познания, а также массовое использование машинного производства и увеличение количества познавательного материала – все это приводит к преобразованию методов и форм научного исследования, а также к созданию крупных научных лабораторий и институтов, увеличению количества научных работников, обеспечению производительной и высокоточной техникой. В свою очередь, это подготавливает почву для новых идеологических тенденций. Вместе с тем натуральный фетишизм постепенно сходит на нет, находя опору только в вырождающихся и отсталых слоях общества. Товарный фетишизм и индивидуализм первоначально находят свое выражение в идеале индивидуальной свободы, прежде всего экономической, а впоследствии идейной и политической, выступающей в качестве альтернативы авторитетам прошлого. Но так как данная свобода на деле оказывается свободой развития для буржуазии, но при этом свободой эксплуатации ею пролетариата, то для пролетариата она, выступая в качестве абстрактной и формальной свободы, способствует его борьбе за материальную свободу собственного развития. В таких условиях буржуазией совершен переверот в сторону использования авторитарных сторон общественного строя, сохранившихся в виде капиталистического государства с его армией и бюрократией, в виде подчинения рабочих на фабрике¹⁶⁷. То есть идеал свободы был поменян на идеал порядка, охраняемого милитаризмом.

¹⁶⁶ Богданов А. Философия живого опыта... С. 227.

¹⁶⁷ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 250.

В мышлении товаропроизводителей усиливается разрыв между познанием и коллективной практикой. Для человека – все, природа и другие люди, становятся принципиальной тайной. Фетишизм возвращается в эпоху собирания человека как следствие культурной революции, порожденной машинным производством. Историей создается синтез тех составляющих человека, которые ранее были ею обособлены, начиная с синтеза исполнительской и организаторской социально-трудовой деятельности. Техника машинного производства, по сути, преодолевает не только авторитарное разделение труда, но и специализацию в целом. Происходит перенос специализации с человека на машину. Тем самым работники освобождаются от ее угнетающего влияния на его развитие и жизнь в целом¹⁶⁸. Распадение первобытного коллектива способствовало развитию фетишизма в идеологии, а появление новейшего коллектива привело к падению фетишизма в идеологии. Пролетарский коллективизм породил коллективистскую идеологию, характеризующуюся прозрачностью и жизненной ясностью. Так разрешится современный кризис идеологии. Мучительный «пролог истории» начинает подходить к своему концу. Формируется новый, стройный и гигантский коллектив, который неизмеримо превосходит богатством и силой жизни свои первобытные прообразы. Он готовится к тому, чтобы взять в свои руки все материальные орудия труда, и постепенно приближается к пониманию своих идеальных орудий, познавательно овладевая ими. Его путь трудный и тернистый. Предстоит выполнение огромной организационной работы, а многочисленные вампиры прошлого «впиваются в его тело, жадно выпивая его кровь»¹⁶⁹. Таким был исторический прогноз А.А. Богданова в 1910 г. Будущее оказалось более противоречивым, чем виделось в начале XX в. Однако неверно было бы считать данный прогноз полностью утопическим. Целесообразно вернуться к характеристике четвертого идеологического принципа А.А. Богданова.

Общественная идеология новой общественной организации характеризуется Богдановым следующими чертами:

- духом коллективизма и высшей степенью социальности;
- отсутствием фетишизма в принципе;

¹⁶⁸ *Богданов А.* Падение великого фетишизма. С. 97.

¹⁶⁹ Там же. С. 141.

– прогрессивным устранением «принудительных норм и элементов принуждения в общественной жизни»¹⁷⁰, а отношение к словам-понятиям – коллективизмом, пластичностью и сознательностью.

Указанный высший принцип синтетического монизма диктует необходимость рассмотрения всех человеческих действий как вполне закономерных и обусловленных, но, с другой стороны, как тождественных по существу, различающихся только по условиям их выполнения. В связи с этим А.А. Богданов задавался такими вопросами:

Не есть ли это приспособление к возрастающей однородности особей, однородности, благодаря которой действия людей при сходных условиях становятся все более сходны и каждый человек на основании личного психического опыта получает все более возможности предвидеть действия других людей и заранее приспособляться к ним?;

Не есть ли это – приспособление к возрастающему единству технических методов в автоматически-машинном производстве самых различных продуктов?;

Не есть ли это необходимое приспособление к основной технической тенденции машинного производства – уменьшать затраты человеческой энергии путем применения энергии внешней природы?¹⁷¹.

Новым типом причинной связи в данном случае выступает трудовая причинность. А.А. Богданов утверждал, что организованное товарищеское сотрудничество, на основе которого осуществляется борьба против власти экономических отношений над людьми, приведет к неограниченно возрастающему господству человека над природой. Осмысление таких отношений представляет собой схему, в которой причина выступает в качестве технического источника следствия, той энергии, за счет которой она получается. При этом причина и следствие полностью равны между собою¹⁷². К данной форме причинности, по мнению мыслителя, сводится в своей всеобщей форме и подстановка, которая произошла из отношения между высказываниями, с одной стороны, и их содержа-

¹⁷⁰ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 258.

¹⁷¹ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С. 244.

¹⁷² Богданов А. Философия живого опыта... С. 227.

нием, с другой, между символом и тем, что символизируется¹⁷³. По мнению А.А. Богданова, подстановка, которая применяется в разных объяснительных теориях неорганизованно и бессистемно на ранних стадиях развития общества (в авторитарном и меновом обществе), обладая тенденцией к замене более или менее организованного опыта более богатым и слабее организованным, то есть дающая большую сумму комбинаций и легче поддающаяся обработке, в своей научной форме «должна быть сведена к социально-трудовой причинности». В таком случае подстановка приобретет форму всеобщности и непрерывности, приведя к монистической картине мира, в соответствии с которой «вселенная представляется нам как бесконечный поток организующих активностей» от «бесконечно малой организованности» «первичной мировой среды» до гораздо более высокоорганизованных уровней органической и неорганической природы, вплоть до высшего предела для нас – «человеческого коллектива»¹⁷⁴.

А.А. Богданов подчеркивает, что такой и является наша картина мира – непрерывный ряд форм организации элементов; форм, развивающихся во взаимодействии и борьбе, без начала в прошлом и без конца в будущем¹⁷⁵.

¹⁷³ Богданов А. Философия живого опыта... С. 257.

¹⁷⁴ Там же. С. 255.

¹⁷⁵ Там же. С. 256.

Глава 3. Эмпириомонизм Богданова как методология развития марксизма

Понятие «эмпириомонизм» был введен в философию А. А. Богдановым, который в книге «Десятилетие отлучения от марксизма: Юбилейный сборник» при раскрытии его смысла поясняет, что суть его заключается в единстве опыта, представляющего большую цель для человеческой мысли: «Бесконечное богатство и разнообразие вселенной – ее вещей, событий, образов, идей – свести к единству: представить с одной точки зрения, в одной непрерывной цепи, – по одному принципу, как выражаются философы. Я искал такой точки зрения, и нашел, что разрешить задачу может только одна: организационная».

По сути, такая трактовка свидетельствует, что значение практики было открыто К. Марксом в качестве познания. Он смог методологически подвести практический фундамент под философские категории и научные понятия. Понятия, которые образовались из наблюдений за практическим взаимодействием объекта и субъекта, были применены к объяснению природы. Ф. Энгельс, например, писал, что фундамент человеческого мышления наиболее существенно отражает изменение в природе, которые вносит человек. Процессы жизнедеятельности общества представляют обоснование представлению причинности, свидетельством того, что одно движение происходит в результате другого.

Началом философии К. Маркса, по весьма справедливым суждениям А. А. Богданова, была практическая деятельность, выражающаяся в целенаправленных материальных поступках

субъекта относительно объекта. При рассмотрении мира как с субъективной, так и с объективной точки зрения нельзя говорить о возможности существования «среды» за пределами человеческой деятельности, разделение мира на «я» и «среду» является следствием трудового опыта. Философ считал, что описывающие взаимодействие естественных процессов понятия исходят из опыта человека – силы, причин и т. д. Данные понятия являются характеристикой волевого напряжения в труде, которое встречает сопротивление вещей и подставляется под объяснение взаимодействия вещей. На самом деле А.А. Богданов при пояснении хрестоматийного для марксиста тезиса по поводу практики, рассматриваемой в качестве базы познания, прав. Наряду с Махом и Р. Авенариусом, он принимает познание в качестве приспособления к среде (социальной и естественной), изучая динамику и структуру его процессов. Мыслитель называет присущее материализму понятие «чувственное данное» другим термином – «элемент». Хотя с «нейтральностью» элементов опыта, о которой рассуждает Богданов, можно не согласиться, усомниться в его идеализме невозможно, поскольку в своем объяснении дихотомии термина «чувственные данные», происходящей из XVIII в., он говорил о его обозначении как того, что имеется в чувствах человека, и того, что дано чувственно.

Картина мира и человеческое положение в нем, по мнению философа, устанавливается связью между человеком и миром, то есть способом производства. Имеющиеся частнособственнические отношения и разделение труда становятся причиной символического, фетишистского восприятия мира, так как человек попадает в зависимость от вещей и сил, которые самостоятельно создает. Дальнейшие отношения коллективистского социалистического характера дают возможность сформировать адекватный образ деятельности субъекта по отношению к объекту, отражая фактически монистический взгляд на действительность. Существующие представления знаний, в том числе и философия, по сути, являются «частичными» и в будущем будут замещены наукой, так как опыт имеет монистический характер. Философия использует эмпириомонизм в качестве переходного этапа на пути к науке, тектологии. Именно такой представляется гносеологическая позиция А.А. Богданова, и дискутировать на ее счет можно

долго, в частности в аспекте неприятия элементов абсолютного знания, она далеко ушла от созданной по этому поводу карикатуры Лениным.

Мировая картина представляется в виде предметно-практической деятельности, «опыта». Высказывания Маркса относительно отсутствия у человека адекватного представления природы как с точки зрения объективности, так и субъективности могли бы восприниматься А.А. Богдановым положительно. С позиции философии революция во всех науках, произошедшая в конце XIX – начале XX вв., имеет непосредственную связь с отказом от онтологизма, предшествовавшим времени ориентации объекта на достижение «самого по себе» и определенной удаленности субъекта от постигаемых объектов. В.С. Степин отмечал начало переосмысления взаимосвязи онтологических постулатов науки со свойствами метода: «В противовес идеалу единственно истинной теории, “фотографирующей” исследуемые объекты, допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждой из них может содержаться момент объективно истинного знания... На этой основе выросло новое понимание категорий истины, объективности, факта, теории, объяснения и т. п.»¹⁷⁶. Собственное объяснение этим обстоятельствам в дальнейшем было представлено А.А. Богдановым и Махом, а вот В.И. Ленин, наряду с Г.В. Плехановым, не придавал этому аспекту особого значения, однако выделил весьма глубокий гносеологический подход относительно анализа революции в физике. При оценке позиции Богданова в исторической перспективе и отказе от устаревших понятий просматривается его собственное восприятие преобразования гносеологической ситуации, обусловленной революцией в физике. Безусловно, в суждениях философа были ошибки, однако они двигались по направлению к будущему, в отличие от позиции Ленина, который уходил в прошлое и принимал позицию Дидро. В этой работе проблемы психологии познания, которые рассматривал А.А. Богданов и которые уже давно стали историей, рассмотрены не будут, но на данном этапе представляется необходимым подвести определенный итог. Как писал М.Э. Омеляновский: «В классической фи-

¹⁷⁶ *Степин В.С.* Научная рациональность в гуманистическом измерении // *О человеческом в человеке.* М., 1991. С. 156–158.

зике наблюдаемые явления позволяли получить информацию (во всяком случае, в принципе) о поведении объектов независимо от взаимодействия их со средствами наблюдения (измерительными приборами). В квантовой физике наблюдаемые явления информируют также и об условиях эксперимента, от которых нельзя уже отвлечься в принципе, то есть квантовые явления характеризуют не свойства объекта самого по себе, а всю экспериментальную ситуацию в целом. Образно говоря, с точки зрения квантовой физики экспериментирующий физик оказался не просто зрителем, но и актером в драме познания. Отсюда и возникли соответствующие вопросы о физической реальности¹⁷⁷. Из этого следует, что корреляция между объектом и субъектом достигла качества, неизвестного классической науке.

Со стороны Богданова было довольно опрометчивым попытаться образовать синтез между марксистской философией и эмпириокритицизмом, поскольку результатом этого стало возникновение эмпириомонизма, воспринимаемого в качестве этапа развития подхода Маркса, который пересматривает ряд его моментов.

Некоторыми отечественными философами, представляющими социал-демократическую позицию, гносеологический подход Э. Маха рассматривали как определенное дополнение социальной философии К. Маркса, что обусловлено некоторой близостью Маха к ним, причислением корреляции элементов к опыту и атеистическими взглядами. Так, Н. Валентинов задавался вопросами: «Вокруг имени венского философа Э. Маха у нас возникла полемика. Соединимы ли марксизм и философия Э. Маха? Соединимы ли принципы научной социологии, называемой материалистическим пониманием истории, с философскими принципами критического реализма, в той его форме, в какой он выдвинут со стороны психолога – Р. Авенариуса, а со стороны физиков – Э. Махом?»¹⁷⁸. Его ответы на поставленные вопросы были положительными, так как марксизм по своей сущности и направлению соотносится с критическим эмпиризмом Р. Авенариуса и Э. Маха. По мнению Валентинова, желание Богданова гносеологически объединить К. Маркса и Э. Маха в пределах эмпириомонизма в идеализме было невер-

¹⁷⁷ *Омельяновский М.Э.* О физической реальности // *Вопр. философии.* 1971. № 1. С. 105.

¹⁷⁸ *Валентинов Н.Э.* Э. Мах и марксизм. М., 1908. С. 1.

ным: «Его “Эмпириомонизм” ...если уже и высветил истину, то – помимо своей воли – только старую истину дряхлого идеализма и метафизики»¹⁷⁹. Тем временем сам Богданов начинает ощущать определенный релятивистский выход за разумные пределы и проявления субъективного идеализма. В одной из его записей отмечается: «Значит ли это, что тело и восприятие тела одно и то же? Нет. Элементы тождественны, но связь их различна»¹⁸⁰. Богданов упрекает Э. Маха и других эмпириокритиков относительно объяснения «элементов». В первую очередь, он отмечает, что его трактовка элементов в созерцательности отличается статичностью, хотя в живом опыте они формируют активный поток. Во-вторых, Э. Мах, в его понимании, руководствуется устаревшим опытом отдельного индивида и придерживается позиции эмпиризма, в то время как необходимо брать ориентир на коллективный опыт. Он говорит: «Материя – это сопротивление активности; идея – организующая форма активности; то и другое относится первоначально к активности именно человеческой, коллективно-трудовой»¹⁸¹. Истинным познание является только в той мере, в которой оно обеспечивает правильный практический ориентир.

Эмпириомонизм (единство опыта) представляет философское учение, которое рассматривает вселенную с точки зрения единого ряда событий, всеобщего организационного процесса. Богданов, трактуя данный процесс, отталкивается от существующего определения труда, отраженного в «Капитале»: «Труд человека, один и тот же по существу, преодолевает и силу природы, и ее тайну: организует ее элементы, в интересах людей, физически, и располагает их в стройный порядок опыта духовно»¹⁸².

Тем не менее его суждения ошибочны. Он отождествляет единство целереализующей и целеполагающей деятельности в труде, считая, что между духовными и материальными элементами опыта нет никакой разницы, отличаются только их способы организации. В «Десятилетии...» Богданов написал: «Я дал еще иное доказательство того, что в мире нет особых элементов материальных и духовных. Наше усилие управляет нашим материальным телом и

¹⁷⁹ *Валентинов Н.Э.* Философские построения марксизма. М., 1908. С. 307.

¹⁸⁰ *Богданов А.* Философия живого опыта. Популярные очерки. М., 1920. С. 139.

¹⁸¹ Там же. С. 70.

¹⁸² *Богданов А.* Десятилетие отлучения от марксизма: Юбил. сб. С. 32.

называется тогда “физическим усилием”; но другое усилие управляет ходом наших представлений, и называется “умственным” или “духовным”»¹⁸³. Однако следует заметить, что философ не смог каким-либо образом доказать свой тезис и все его предположения относительно отличий между духом и материей и заблуждений «мудрости веков» имели исключительно декларативный характер. Другое дело (чего не хотели замечать Г.В. Плеханов и В.И. Ленин), что при анализе конкретных процессов как последователь К. Маркса (и это главное для А.А. Богданова) А.А. Богданов придерживается противоположной позиции.

С другой стороны, А.А. Богданов, будучи учеником К. Маркса, анализируя конкретные процессы, принимает другую позицию. На его взгляд, философия является одной из высших идеологий любого общественного класса, что свидетельствует о необходимости ее отражения и выражения в практическом опыте класса: его организации, роли в производстве, жизненных стремлений и интересов: «Пролетарий в производстве имеет дело с материальными вещами. Он выполняет в них перемещения, разделения, новые соединения, перегруппировки частей, – все это в интересах общества. Это – деятельность, по существу, организационная: пролетариат своими физическими усилиями организует внешние вещи для людей. Вместе с тем, он организуется и сам, в сотрудничестве и в борьбе, шире и глубже, чем какой-либо класс, выступавший на арену истории. Организация людей – вторая его характерная черта. Он вырабатывает свое сознание, стремясь к тому, чтобы сделать его единым, стройным и привести его в научную гармонию со всей практикой и жизненными интересами класса. А это значит – организовать идеи во всеобъемлющем для класса масштабе. Организация вещей, организация людей, организация идей – вот жизнь рабочего класса в ее целом»¹⁸⁴.

Несмотря на то, что А.А. Богданов не был знаком с «Немецкой идеологией», эти выводы были очень близки ее содержанию в плане понимания Марксом практической деятельности с точки зрения «обработки людей людьми» и «обработки природы людьми», его представлением производства идей. Не знал он и «Рукописей 1857–1859 гг.», но подобным образом рассуждал на тему того, что

¹⁸³ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма: Юбил. сб. С. 35.

¹⁸⁴ Там же. С. 37.

каждый отдельный индивид причисляется к классу пролетариата или буржуазии исходя из общественно-организационных связей их пребывания, где ключевое значение имеют отношения присвоения, но сами по себе они не являются таковыми. Из этого становится очевидным, что в его понимании чувственного познания с точки зрения психологии (по сути «Эмпириомонизм» относится к работам по психологии) существует определенная путаница, которая теряется на фоне его выступлений в качестве философа (хотя этого не хотели замечать В.И. Ленин и Г.В. Плеханов из-за политических причин). «Для пролетария материя есть объект его труда, живое, осязаемое явление, а не вещь, спрятанная “в себе”, как черепаха в своей коробке»¹⁸⁵. Сам философ считает, что именно эмпириомонизм позволил ему приблизиться к преодолению философии, фундаменту всеобщей науки организации.

Специфическая окраска у А.А. Богданова появляется в трактовке понятия «опыт» в период его следования утверждениям Маха, гносеологический подход заменяется психологическим (социальной и индивидуальной психологией). В это время образуется путаница в концепции относительно отождествления элементов психического и физического опытов, односторонний эмпиризм, который гласит, что вещи являются такими, каким они чувственно воспринимаются человеком, а не «тайна», открывающаяся «в себе» под оболочкой явлений. В указанных опытах элементы не тождественны, они имеют коррелятивный характер. Большинство неточностей Богданова были ловко использованы в политических целях Плеханова и Ленина, которые не имели полного представления о сущности эмпириомонизма. Это же и относится к обещаниям философа исключить понятия духа и материи ввиду их «неточности» и «запутывания анализа». Несмотря на все недостатки позиции Богданова, стоит отметить его стремление идти дальше, которое позволило ему отойти от эмпириомонизма к разработке тектологии.

В своей работе «Философия живого опыта», которая завершает «предтектологический» период развития мысли философа, Богданов приходит к выводу: «Философия доживает последние дни. Эмпириомонизм – уже не вполне философия, а переходная форма»¹⁸⁶. Философия живого опыта не может быть представле-

¹⁸⁵ Богданов А. Философия живого опыта. Популярные очерки. М., 1920. С. 327.

¹⁸⁶ Там же. С. 307.

на идеализмом и материализмом, поскольку эти явления отдаляли «материю», отражающую сопротивление активности объекта, от «идеи», которая создает формы активности. Даже с учетом того, что материализм стоял ближе к живому опыту, ни одно из этих понятий не сопоставило «дух» и «материю» с практической деятельностью человека, с его активностью. С точки зрения анализа организации категорий духа и материи утверждения Богданова имеют смысл, хотя некоторые односторонние толкования этих понятий он сопоставляет с их реальным соотношением и существованием.

Объединение раздробленной практики человека, его социальный опыт оказался не под силу философии, поэтому ей на смену приходит тектология, которая является универсальной наукой об организации. Ее финальная стадия развития завершится по достижении человеческим опытом единства, в тот момент, когда он станет универсальным, а общественные взаимоотношения приобретут коллективистический характер и производство будет реализовываться посредством автоматически регулирующих механизмов.

Таким образом, рациональные элементы философии должны стать частью тектологии. В этом плане особое значение обретает марксистская философия, которая дополнена дальнейшими идеями в эмпириомонистическом варианте и составляет основу философии тектологии по Богданову. Опыт человеческой практики, являющийся отправным пунктом, дал возможность рассмотреть во вселенной непрерывающийся поток организующих активностей. В неорганической материи хаотическая масса организует элементы в примитивных формах; из-за разрушения внешними силами ее собственная активность не может ее восстановить. Жизнь – совсем другое дело. Она представляет уровни организации от самой простой клетки до организма человека. «Высшим пределом лестницы является для нас человеческий коллектив, в наше время уже многомиллионная система, составленная из индивидуумов. В труде и познании вырабатывает человечество свою “действительность”, свой объективный опыт с его строгой закономерностью, с его стройной организацией. Практика великого социального организма есть не что иное, как миростроительство... Этот построенный и дальше развивающийся мир, область побежденных работой и мыслью стихии, царство социально-организованных элементов Вселенной, есть наиболее грандиозное и совершенное, какое мы

знаем, воплощение жизни в природе... Такова наша картина мира: непрерывный ряд форм организаций элементов, форм, развивающихся в борьбе и взаимодействии, без начала в прошлом, без конца в будущем». Перед тем как анализировать позицию А.А. Богданова, представляется необходимым разобрать иные отечественные варианты марксизма, сопоставимые с эмпириомонизмом.

В отличие от Ленина, А.А. Богданов не рассматривал вариацию Г.В. Плеханова на тему марксизма в период своей политической деятельности. Это послужило причиной того, что именно плехановцы стали первыми, кто «отлучал» Богданова от философии Маркса. Ученики Плеханова отправились в бой сразу же после знакомства А.А. Богданова с В.И. Лениным. Публикация Л.И. Аксельрод-Ортодокс, ученицы Плеханова, «Новая разновидность ревизионизма» была издана в меньшевистской «Искре» (№ 77) в 1904 г. Это был унылый текст академического характера, который в итоге заключал, что Богданов идет дорогой субъективного идеализма. По мнению автора, «субъективный идеализм в философии с железной необходимостью должен вести к социальному консерватизму»¹⁸⁷. Замечания Богданова относительно известной незавершенности материалистического понимания истории еще больше возмущали Ортодокс. Однако стоит отметить, что автор писала: «Приблизительно года полтора тому назад Ленин обратился ко мне с предложением выступить против новой “критики” марксовской теории, выразившейся в сочинениях т. Богданова...»¹⁸⁸.

Свое мнение по поводу третьей книги «Эмпириомонизма» высказал и другой плехановец, А.М. Деборин, в 1907 г. в журнале «Современная жизнь». Хотя он максимально точно определил имеющиеся у А.А. Богданова противоречия и слабые места, он не смог установить гносеологические корни этой позиции. Марксистская философия у Деборина, как и у его учителя, не рассматривается с точки зрения философии практики. Он считал: «Диалектический материализм примыкает к французскому и представляет дальнейшее развитие последнего»¹⁸⁹. Данная позиция отражает убеждения Г.В. Плеханова, который к цитируемой книге Деборина в предис-

¹⁸⁷ *Аксельрод Л.* (Ортодокс). Филос. очерки. М.; Пг., 1924. С. 186.

¹⁸⁸ Там же. С. 173.

¹⁸⁹ *Деборин А.* Введение в философию диалектического материализма. М., 1922. С. 222.

словии написал: «Кто отправляется от объекта, у того создается... одна из разновидностей материалистического мирозерцания. Кому точкой отправления служит субъект, тот оказывается... идеалистом того или другого оттенка»¹⁹⁰.

Однако это заявление далеко от истины. Подтверждением этому можно назвать Фому Аквината, который за основную точку принимал объект, или Гегеля и Шеллинга, опиравшихся на равенство субъекта и объекта. В свою очередь, Фейербах считал основой субъект и сформировал уникальное материалистическое учение. Примечательным является тот факт, что А.А. Богданов, хоть и имел определенные противоречия в пределах эмпириомонизма, смог уйти от созерцательности, представленной в домарксовском материализме.

Г. В. Плеханов в 1908 г. обнаруживает два письма к А.А. Богданову (третье письмо было опубликовано в 1910 г.). “Materialismus militans” – оригинальные пассажи, демонстрирующие, что их автор ничуть не желал вникать в теоретическую позицию А.А. Богданова Плеханов в своем письме к Мартынову (05.10.1908 г.) доводит до сведения, что он берется за перо с целью уничтожить «эту бестию». Он уверен: «Богданов должен умереть сейчас и без разговоров»¹⁹¹. По политическим причинам Плеханов и большевик Богданов враждовали. По словам самого Богданова, Плеханов, А.М. Деборин, Л. Аксельрод являются его отлучателями от марксизма. Процесс отлучения довел до конца в 1909 г. В.И. Ленин своим «Материализмом и эмпириокритицизмом». Подобные доводы высказывает и Плеханов: «Диалектический материализм есть высшее развитие материалистического понимания истории»¹⁹². Г.В. Плеханов и В.И. Ленин осваивали философию Карла Маркса с учетом «Людвига Фейербаха» и «Анти-Дюринга». Поэтому Богданов допускает, что в конечном счете они отталкивались от воззрений домарксового материализма, дополненного диалектикой. Среди прочего, Богданов обнаруживает у Плеханова упрощение материалистического метода, в сочинениях которого такие понятия, как «бог» или «бессмертные души», воплощают определенные классовые интересы, а именно буржуазные. Однако это прежде всего

¹⁹⁰ Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. С. 357–364.

¹⁹¹ Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения. Т. III. М., 1957. С. 715.

¹⁹² Там же. С. 732.

формы мышления, которые развиваются благодаря определенным производственным отношениям. Их связность с классовыми интересами – это уже производная. Как любая философская модель, они настроены на поддержание общественных отношений, создавших их. В конечном счете это выгодно для одних общественных классов и невыгодно для других, «притом в изменяющейся мере и далеко не всегда одинаковым путем»¹⁹³.

Примечательно, что с момента своего возникновения большевизм не был таким монолитом, как его изображали в эпоху товарища Сталина. А.А. Богданов, человек выдающихся организаторских способностей и широчайшей естественнонаучной и обществоведческой эрудиции, побудил В.И. Ленина предпринять прямые и косвенные упреждающие удары с целью укрепиться в качестве единоличного вождя большевиков. Во многом этому способствовали определенные черты характера Ленина. Среди них Богданов выделяет ленинские феодализм мысли, грубую властность и стремление к авторитаризму. Из записей Богданова можно узнать, что Ленин стремился к единоличной диктатуре, несмотря на то, что она грозила превратить общество в стадо. Во многом данная характеристика сходна с той, которую Ленин в известном «Завещании» давал Сталину. Факт, что после Октябрьской революции 1917 года сформировалась группа профессоров, с трепетом ссылающихся на ленинскую «детскую книгу», говорит о возникновении стада, равно как о его «умственном рабстве»¹⁹⁴. А.А. Богданов упоминал о рассуждении кадета Маклакова относительно того, что политические партии не должны признавать этики. Однако, с точки зрения Богданова, для носителя высоких идеалов, считающегося великим классом, такие установки недопустимы. Нацеленность Ленина на безраздельную истину позволяет беспристрастно искать лидера, умеющего отличить истину от всего остального.

Поэтому, когда большевизм дал трещину, Ленин все силы направил на уничтожение Богдановича как теоретически, так и политически. Ленинский труд «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» имеют, в сущности, и другое название – «Анти-Богданов». Канонизация

¹⁹³ Богданов А. Страна идолов и философия марксизма. С. 219–220.

¹⁹⁴ Плютто П.А. Время и люди (из архивов А.А. Богданова) // Социс. 1992. № 11. С. 142.

данной работы началась с момента ее появления. Это отлично видел Богданов и по этому поводу написал: «Она была, в сущности, политическим действием, и практики – я в том числе – были, может быть, не правы, прилагая к ней научно-философскую мерку. Просто надо было пожертвовать старыми друзьями, чтобы закрепить связь с новыми»¹⁹⁵. Конфликт с Лениным, Каменевым и Зиновьевым разгорался, и Богданову запретили печататься в газете «Правда». Богданов с Юшкевичем писали об авторитарном, религиозном умонастроении «истинно русских» марксистов. Они упоминали о догматизме, который порождал «пап» и «антипап», имеющих власть «проклинать и отлучать».

Поддерживая А.А. Богданова, П.С. Юшкевич рекомендовал «разрушить китайскую стену предрассудков... признать свободу мнений». Марксистскую теократию, по его мнению, следовало «преобразовать в европейское государство». Он считал правильным отделить политику от теории, партию от идеологии, программу от системы. Советовал «ввести две параллельные и независимые друг от друга линии: политическую, покоящуюся на принципе строгой дисциплины, и теоретическую, исходящую из начала полной свободы мнений». Делал вывод: «В теории лучше перехватить в сторону свободы, чем недохватить до нее. Лучше свобода ошибки, чем рабство перед истиной»¹⁹⁶.

Ленин же не желал, а как политик не мог признавать правоту Богданова. Поэтому Богданова ждала политическая расправа, которую собирался учинить Ленин на почве философии. Когда вышла книга В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» (1909 г.), труд заметили и предоставили критический анализ разные авторы, например И.А. Ильин и Л. Аксельрод. Самый развернутый ответ исходил от самого А.А. Богданова, который написал обширную статью «Вера и наука». Данная статья заняла свое место вместе с трудом «Падение великого фетишизма» в книге, которая была опубликована в 1910 г. Статья содержит такие слова: «Это скромный памфлет, посвященный одному из эпизодов борьбы веры и науки»¹⁹⁷. Эти слова четко указывают рамки ответа, которым удостоил А.А. Бог-

¹⁹⁵ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма: Юбил. сб. С. 8.

¹⁹⁶ Юшкевич П.С. Столпы философской ортодоксии. СПб., 1910. С. 71.

¹⁹⁷ Богданов А. Вера и наука // Вопр. философии. 1991. № 12. С. 59.

данов В.И. Ленина. Справедливости ради, следует заметить, что у Ленина слабых мест, на которые обратил внимание Богданов, совсем не меньше, чем Ленин обнаружил их у Богданова. К примеру, Богданов указывает на онтологизацию истины Лениным, который заявлял о том, что пределы приближения человеческих знаний к абсолютной и объективной истине условны исторически. Однако существование этой истины безусловно. Другими словами, В.И. Ленин, стараясь излагать гносеологическую позицию Ф. Энгельса и К. Маркса, ставит целью раскрыть диалектику познания. Указывая на недостатки Богданова, Ленин высказывается так (по-видимому, из-за торопливости), что заходит слишком далеко, рассуждая об абсолютизации абсолютного в познании. Ленин, вместо того чтобы рассуждать о единстве относительного и абсолютного в истине, говорит об относительных и абсолютных истинах. Он пытается доказать, что абсолютная истина формируется из относительных истин, сложенных вместе. Данное представление отдает метафизичностью. Данная позиция, обнаруживающая, с нашей точки зрения, неряшливость стиля, отдает гегелевским панлогизмом. К тому же получается некая онтологизация абсолютной истины на манер Гегеля. Из цитаты Богданова: «С точки зрения современного материализма, то есть марксизма, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней»¹⁹⁸. Возникает закономерный вопрос: где же эта абсолютная истина? В божественном разуме, в абсолютной идее Гегеля или в царстве идей Платона? Одним словом, Богданов обращает внимание, что абсолютная истина существует вне человека. Он соответствует абсолютной природе. Хотя рвение Ленина понятно: продемонстрировать диалектику относительного и абсолютного моментов в процессе постижения объективной истины, в процессе познания. Богданов, подобно Ленину, указывает на относительные и абсолютные истины, а не на соотношение относительного и абсолютного в знании. Можно сделать вывод, что абсолютной и безусловной истины никакие познания дать не в состоянии. Истина познания неизменно относительна, то есть ограничена. Обладает силой исключительно в пределах опре-

¹⁹⁸ Богданов А. Вера и наука // *Вопр. философии*. 1991. № 12. С. 42.

деленных условий. Это несомненно, хотя, может быть, и грустно. «В познании, если что и может быть абсолютным, так только отрицание абсолютного. Если что и может быть постоянно, так только изменчивость»¹⁹⁹.

Однако дело не касается гносеологических сюжетов. А.А. Богданов всеми силами стремится предоставить доказательства того, что для В.И.Ленина возможен лишь один источник такого знания. Это вера, «и вера слепая»²⁰⁰. А.А. Богданов не собирается оставаться в долгу и идеологически. Он настаивает, что позиция Ленина связана с идеалистической традицией. Припоминает «уходивших в идеализм» марксистов с их воззваниями «назад к Лассалю», «назад к Фихте», «назад к Канту», назад «вообще, куда угодно», заменявших высшую цель социальной демократии ничтожными буржуазно-этическими идеалами²⁰¹. Между прочим, Н. Бердяев, принявший решение покинуть почву марксизма, стал приходить к пониманию прогрессивного общественного развития как приобщения к абсолютным идеалам. А именно, к абсолютной красоте, абсолютному добру, абсолютной истине. По предположению Богданова, Ленин склонен признавать лишь треть триединого идеала, являющегося у идеалистов «формулой божества»²⁰².

Используя ленинский прием, Богданов отыскивает истоки подобных убеждений у «идеалистов западных». У Лейбница, к примеру. Комментируя общеизвестные положения из «Анти-Дюринга» Энгельса, которые учитывает Ленин, Богданов, невзирая на лица, замечает, что для Ф. Энгельса мышление «по своей тенденции» абсолютно. В данном качестве оно осуществляется через неисчислимое количество поколений. Это «идеально-математическая, то есть чисто символическая возможность»²⁰³. Богданов склонен упрекать Ленина в том, что к марксизму он относится с религиозным рвением. В.И. Ленин запрещает нарушать пределы метода Маркса. По его мнению, никогда другие методы «ни к чему, кроме путаницы и лжи, привести не могут»²⁰⁴.

¹⁹⁹ Богданов А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899. С. 9.

²⁰⁰ Богданов А. Вера и наука. С. 45.

²⁰¹ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С. 111.

²⁰² Богданов А. Вера и наука. С. 45.

²⁰³ Там же. С. 47.

²⁰⁴ Там же. С. 48.

Мировоззрение Ленина, как рассуждает Богданов, основывается на вере и признании абсолютных ценностей. Оба критерия религиозного мышления очевидны. Третий критерий следующий: «Раз есть вера, должен существовать и авторитет». Этот авторитет должен внушать веру. Одним из имен этого авторитета можно назвать Абсолютное. В данной ситуации «абсолютное воплощается в идеях... высказанных Марксом и Энгельсом». Они уподобляются пророкам абсолютной истины. Поэтому немислимо, чтобы они ошибались и говорили что-то неверно. Если же они ошибаются, тогда они не отличаются от обычных людей. В таком случае кто же будет «устанавливать абсолютную истину?»²⁰⁵. Полемиически Богданов перегибает палку – Ленин замечает ошибки основоположников марксизма, но это ошибки частного свойства. Впрочем, Богданов судит справедливо: оценочное отношение Ленина к Марксу и Энгельсу возвышается над содержательным. В.И. Ленин позволяет себе высказать несколько критических замечаний, касающихся некоторых рассуждений Маркса и Энгельса. Однако он совершенно не может терпеть замечаний других. Как замечает Богданов: «... авторитарный тип мышления наиболее в себе замкнут, наиболее неспособен понять и допустить возможность иных типов»²⁰⁶.

Нельзя не согласиться с Ю.Г. Коргунюком, который интерпретировал статью А.А. Богданова «Вера и наука». В частности, он сказал: «Критика Ленина относительно эмпириокритицизма, а также эмпириомонизма несла в себе частично и правдивые моменты. Правомерной и верной была также критика богдановского релятивизма и субъективизма»²⁰⁷. Так, разъясняя объективность истины, А.А. Богданов трактует понятие «объективность» следующим образом: «Это в буквальном смысле означает “предметность”. Т. е. объективность можно сравнить с предметами, которые нас окружают, которые мы видим и с которыми мы сталкиваемся на практике»²⁰⁸. Иная точка зрения гласит: «С философской точки зрения “объективность” отождествляется со словом “общеобязательность”, иными словами “общезначимость»»²⁰⁹.

²⁰⁵ Богданов А. Вера и наука. С. 49.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Коргунюк Ю.Г. «Материализм и эмпириокритицизм» и его критики // Вопр. философии. 1991. № 12. С. 30.

²⁰⁸ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма: Юбил. сб. С. 43.

²⁰⁹ Там же.

При этом он ссылается на труды К. Маркса и цитирует его самые значимые места в «Капитале», касающиеся объективных мыслительных форм.

Дискутируя таким образом, А.А. Богданов навлек на себя новые упреки вместо того, чтобы предупредить явные релятивистские ошибки. Например, рассмотрим общепринятое мнение о том, что император Наполеон скончался 5 мая 1821 г. По этому поводу А.А. Богданов берет на себя ответственность доказать относительность данного суждения. При этом он выделяет несколько аспектов: личность императора, смерть Наполеона как физиологический процесс и третий аспект – дата смерти. Он пишет: «Подтверждается, что умер тот же человек-“личность”-“я”, который фигурировал в определенных ранее происходивших событиях, которые были связаны с его фамилией». “Тело”, в физиологическом его смысле, Наполеона, который умирает, до последнего атома было уже совсем другим, в отличие от “тела” императора, который был командиром армии в битве под Аустерлицем»²¹⁰. Продолжая полемику в этом же духе, он дошел до разногласий в дате смерти по разным календарям: григорианскому и юлианскому. А.А. Богданов твердо убежден, что заблуждение более вечно, чем истина. Однако, несмотря ни на что, общий вывод В.И. Ленина относительно философского идеализма А.А. Богданова «внизу» и реакционности его воззрений в корне предвзят и ошибочен. Какой идеалистический подтекст в таком обобщающем заключении?

Соответственно, эмпириомонизм расценивает вселенную в форме бесчисленного количества элементов, которые объединяются в комплексы все большей сложности и стройности, от группировок, которые отражаются в человеческой природе как “неорганическая природа”, к сочетаниям ассоциативным, которые воспринимается людьми, как “одаренные психикой существа”, к человеческой организации опыта, индивидуальной и социальной, а возможно, еще более совершенным формам и типам. В частности, трудовая деятельность, как и познание, эмпириомонизм, относительно своего видения мира, воспринимает как противостояние, направленное на формирование низших и неконтролируемых комплексов среды в формы, облаченные в социальное бытие. Формирующей формой социального бытия выступает идеология²¹¹.

²¹⁰ Богданов А. Вера и наука. С. 44.

²¹¹ Там же. С. 61.

Концепция о формирующей роли идеологии, понятия «истина» и «заблуждение» были категорически отвергнуты В.И. Лениным. Исследователи утверждают, что А.А. Богданов имел не менее веские основания не соглашаться с В.И. Лениным. Ведь они оба заблуждались. С точки зрения В.И. Ленина истиной являлось следующее: человеческое познание предопределялось с содержательной стороны, что является истиной. Однако и А.А. Богданов, и В.И. Ленин считают свои аспекты не поддающимися критике. Обозначить человеческое познание как организующую силу представляется возможным, но с другой стороны – это вполне по-марксистски и глубоко тривиально. Тот факт, что В.И. Ленин преуменьшил теоретическую ценность марксистской философии, хотя при этом придерживался сциентистской ориентации Ф. Энгельса, остается очевидным фактом. Тогда как А.А. Богданов, выявив ценность практического освоения мира в философской интерпретации К. Маркса, в противостояние со своей общей сциентистской установкой начал принимать любое познание с точки зрения единства содержательного и оценочного аспектов. Это является его заслуженным достижением. При этом, согласно утверждению В.И. Ленина, не нуждается в оправдании его односторонность. В частности, он отмечает: «В феодальную эпоху католицизм являлся истиной, объединявшей максимальную сумму человеческих переживаний и эмоций». При этом подразумевается не истинность католицизма в гносеологическом смысле, а ее ценность в организационной роли. А.А. Богданов на этот счет выразился достаточно ясно: «Что касается католической религии, каждый историк марксизма в состоянии объяснить, что данная система идей на протяжении многих веков была не просто “безвредной”, но и полезной, как некая сила, являющаяся общественно-организующей»²¹².

Одно из самых известных изречений: ложь во спасение. В годы Великой Отечественной войны культ личности Сталина сыграл значимую роль, как в мобилизационном плане, так и в организационном. Какую роль при этом играет истинность религиозной идеологии культа личности? Несоответствие наполняемого и оценочного аспектов в познании, индивидуальном и коллективном сознании присутствует на протяжении всей истории человечества, и, судя по всему, нет никаких предпосылок к его исчезновению. Однако это не

²¹² Богданов А. Вера и наука. С. 63.

исключает упразднения различий между содержательным и оценочным знаниями. Не значит и то, что мы должны, как и А.А. Богданов, отождествлять объективное и социально значимое.

Богданов отмечал, что книга В.И. Ленина всем своим построением учит вере в учение Карла Маркса и в профессиональную ученость специалистов. Первая вера позорна и вредна, а вторая – не только вредна, но и смешна. При этом культ «абсолютного» выступает в качестве основы таких противоречий, как антирелигиозный и резкий тон, глубокое религиозное мышление, приписывание враждебной стороне стремления к «поповщине». А.А. Богданов, обращаясь к читателю, приводит в пример историю про алкоголика, который в ответ на упреки товарищей по поводу его алкоголизма гордо отвечал: «Нет, я-то еще не допился, а вот он (указывая рукой на фельдшера) действительно допился: так по нему и прыгают, так и прыгают: Я сам видел».

В. Ильин также не находился в религиозном опьянении от своей «абсолютной истины». Однако он сам видел, как клерикальные чертики прыгают по разным «махистам»²¹³.

По поводу реформирования Богдановым философского языка и его стремления к изложению философского содержания в научных терминах должно быть выделено особо, поскольку такая тенденция препятствует адекватному пониманию философской мысли А.А. Богданова.

Можно спорить с этим стремлением, но, на наш взгляд, данная попытка не даст философии ничего хорошего. Ю.Г. Коргунок отмечает, что ленинская критика «попыток А.А. Богданова по перекладыванию основных постулатов исторического материализма на язык биологической и энергетической терминологий» была достаточно меткой. Ленин довольно резонно подчеркивал, что в таком переодевании не содержится ни грамма истинного исследования, что, кстати, было одним из немногих упреков, на которые Богданов не смог возразить²¹⁴.

Довольно интересную мысль по этому поводу высказал Н. Бердяев. Он считал, что Богданов претендовал на то, чтобы дать учение о познании с позиции материалистического понима-

²¹³ Богданов А. Вера и наука. С. 84.

²¹⁴ Коргунок Ю.Г. «Материализм и эмпириокритицизм» и его критики // Вопр. философии. 1991. № 12. С. 30.

ния истории. Натуралистическая и биологическая интерпретация исторического материализма, предложенная Богдановым, является абсолютно чуждой традиционному марксизму. Сложные проблемы философии не могут решаться по ту сторону философии. Их должны решать только философы и только в рамках философии. Это является центральной мыслью, к которой подводят труды Богданова²¹⁵. При этом необходимо учитывать, что Богданов был прав, говоря о недостатках языка предшествующей (в том числе и гегелевской) философии. К примеру, А.А. Богданов был убежден в том, что принцип социального детерминизма может быть выражен количественно и доведен до измерения. В этой связи при проведении анализа общественных явлений он оперировал такими понятиями, как «закон подбора», «закон сохранения энергии» и «энергия». Видеть в этом идеализм, как нам кажется, нелепо. По А.А. Богданову, взгляд на мир как процесс можно передать точнее понятием «историческое», чем «диалектическое». При этом вместо термина «метафизический» Богданов рекомендовал использовать понятие «статический».

История науки и философии является свидетельством победы «исторического» взгляда над «статическим»²¹⁶. «Историческая точка зрения» впоследствии получила название концепции «подвижного равновесия» и стала называться «организационная диалектика». Этими понятиями характеризуется любой процесс подлинно и всесторонне, в единстве изменчивости и устойчивости.

Понять следующее высказывание можно только с учетом такого видения мира: «Равновесие есть идеал статический, развитие – исторический»²¹⁷. В данном смысле, подчеркивая различие между эмпириомонизмом и эмпириокритицизмом, Богданов выделяет два таких аспекта:

1. Эмпириокритики рассматривают элементы опыта статически, а эмпириомонисты – динамически;
2. Школа Р. Авенариуса и Э. Маха видит в связи элементов опыта простое соединение, а эмпириомонизм рассматривает в качестве организации элементов.

²¹⁵ Бердяев Н. Заметки о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // *Вопр. философии и психологии*. Кн. IV. 1902. С. 850–853.

²¹⁶ Богданов А. Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 210.

²¹⁷ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С. 111.

Теоретическая карикатура на Богданова, созданная В.И. Лениным, включает в себя «богостроительский» фрагмент. Давая оценку богдановскому понятию «подстановка», В.И. Ленин решил, что оно дает все основания для того, чтобы отнести Богданова к числу богостроителей. Отдельно подчеркнем, что большевистские теоретики, являвшиеся приверженцами светской религии, и в данном случае обнаружили достойное восхищения совпадение взглядов с религиозными философами серебряного века. В труде под названием «История русской философии» Н. Лосского (гл. XXV «Влияние Э. Маха и Р. Авенариуса на марксистов» уместается на 2,5 страницах) о Богданове говорится, что он, начав заниматься философией, подпал под влияние Авенариуса и Маха, а впоследствии разработал теорию, которую назвал эмпириомонизмом²¹⁸. Не много для книги, которую авторы аннотации представляют как «получившую всемирную известность». Несколько более серьезно философские воззрения Богданова анализируются В. Зеньковским²¹⁹. «История русской философии» этого автора в аннотации называется фундаментальным научным исследованием. При этом она содержит множество фактических неточностей, в т. ч. и в отношении концепции Богданова. Например, Зеньковский назвал «первой» книгой Богданова книгу «Основные элементы...». Вероятно, о существовании «Краткого курса экономической науки» он не знал. А это является принципиальным. Если бы Зеньковский знал о существовании «Краткого курса», то у него не возникло бы мнение о том, что А.А. Богданов не слишком подчеркивал свой марксизм.

Рассуждения Зеньковского о «мизерности» теоретических результатов «Тектологий» не отвечают действительности. Как видим, указанным авторам до объективности так же далеко, как и В.И. Ленину, и у этого есть одна общая причина, заключающаяся в политической предвзятости.

Оценка Ленина прочно вошла в сталинизированную философию. Даже в материалах труда «Богдановские чтения» отмечается: «Если богоискатель Бердяев порывает с марксизмом, то богостроитель Богданов пытается расширить поле марксистской философии за счет дополнения ее религией»²²⁰. Но причислять Богданова к

²¹⁸ Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 482–483.

²¹⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Ч. 2. М., 1991. С. 42–44.

²²⁰ Белоусова Е.В., Смаль Д.Я. О смысле творчества Бердяев и А. Богданов. Сравнительный анализ // Межгосударственная научная конференция «Богдановские чтения». Гродно, 1994. С. 169.

приверженцам идеи, названной Горьким «богостроительством» (в повести «Исповедь»), совершенно нелепо. Именно Богданов, прекрасно понимая суть дела, посоветовал Луначарскому отказаться от использования религиозной терминологии, так как «слово – не простая одежда идей, которую можно на них надевать или с них снимать. Слово – организационный центр, вокруг которого собираются наши представления, наши воспоминания, образуя понятия»²²¹. Как видим, мышление А.А. Богданова было строго системным и цельным. Наверное, именно отсюда и вытекают многие упрощения в понимании философии, ее судьбы и сущности.

А.А. Богданов никогда не придерживался богостроительских увлечений (к примеру, Луначарского). Говоря о том, что А.В. Луначарский и он являются приверженцами коллективизма, Богданов отмечает следующее: «Коллективизм в нашем понимании есть целое мироотношение. Не мирозерцание, а мироотношение, и практическое, и теоретическое отношение к миру; практический идеал и теоретическая идея»²²². По утверждению Богданова, идеал коллективизма представляет собой гармонически стройную, объединенную товарищескую организацию производства и всей творческой деятельности человечества. Идея коллективизма заключается в том, что истинным деятелем познания и труда, истинным строителем жизни, борцом с природными тайнами и стихиями выступает коллектив. Личность, в свою очередь, является элементом живой ткани коллектива, а в деятельности выступает в качестве частичного воплощения его сил. Коллективизм труда и общественной борьбы признавался не только Богдановым, но и его отлучателями – как и коллективизм мышления и познания, отвергаемый ими. Искусство и наука, как отмечал Богданов, является для него приведенным в порядок, собранным и организованным коллективным опытом²²³.

Так, В.И. Ленин, после устранения Богданова из политической жизни государства, после формирования нового строя, решил устранить его и из идеологической жизни, используя факт переиздания книги в 1920 г. тиражом 30 тыс. экземпляров. Вероятно, В.И. Ленин не следил за трудами Богданова, которые были изданы

²²¹ *Богданов А.* Десятилетие отлучения от марксизма: Юбил. сб. С. 107.

²²² Там же.

²²³ Там же.

после 1909 г., поручив В.И. Невскому, занимавшему должность ректора Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова, написать к данному изданию статью, чтобы показать, что «под видом “пролетарской культуры” Богданов проводит реакционные и буржуазные воззрения»²²⁴. Как говорится, еще не слушали, а уже постановили. Вождем была дана команда, а Невский ее исполнил. Реакционность и буржуазность одного из создателей партии, выдающегося ученого и мыслителя, истинного приверженца социализма была доказана в очередной раз.

Невский, по сути, выступал против Марксовой философии практики, того варианта онтологии, которая была представлена Марксом и которую, при всем несовершенстве терминологии и недостаточном знании основополагающих работ Маркса, Богданов ухватил теоретически. Как и против того решения основного вопроса философии, характерного для социального материализма Маркса и связанного с преодолением социологической и гносеологической робинзонады в понимании субъекта, которое оставалось характерным и для ленинского, и для плехановского его понимания. В основу онтологии Карла Маркса заложен социальный коллективный опыт, о котором писал Богданов. Мир дан в формах определенного опыта, исторической общественной практики и объективно-мыслительных форм, о которых Карл Маркс говорил в первом томе своего известного труда «Капитал» (данное место процитировано Богдановым).

По сути, Богданов, давая философскую интерпретацию научным открытиям, к примеру, в астрономии, показывает, что факты, которые выступают перед исследователями как факты опыта и наблюдения, не являются вещами сами по себе, а лишь втянутыми в социально-организованный опыт человечества «предметами» как фрагментами объекта. Они втянуты в мир физики, астрономии, механики, геометрии и др.

С позиций ленинской теории отражения и с точки зрения Г.В. Плеханова, следующий вопрос Богданова должен оцениваться только идеалистически: «Можно ли принять этот мир, эту схему опыта независимо от человечества? Можно ли сказать, что она существовала раньше его?»²²⁵. Невский особенно был возмущен пре-

²²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 12.

²²⁵ Богданов А. Философия живого опыта. Популярные очерки. М., 1920. С. 289.

тензией Богданова на развитие идей Маркса. Вероятно, уже тогда в стране и партии сложилось мнение, что главный вождь – он же и главный и единственный теоретик, который может совершенствовать «священное писание». К концу 1920 гг. это превратилось в «закон» применительно к Сталину. Невский высмеивал тектологию, всеобщую организационную науку, по сути, предвосхитившую системный и кибернетический подход. В тектологии Невский видел «все тех же старых знакомых богдановской философии: элементы и комплексы»²²⁶. Статья Невского заканчивалась в традициях ленинской политизации: в последних трудах Богданова «ни слова не говорится о производстве и системах управления им в эпоху диктатуры пролетариата. Впрочем, мало ли о чем умалчивает Богданов в своих трудах, вышедших в эпоху диктатуры пролетариата. Зато он много говорит о “философии живого опыта”, вернее – о философии мертвой реакции»²²⁷.

В последующем Сталин и его клеветы изобрели ленинский этап развития философии марксизма. Одной из вех канонизации книги В.И. Ленина и утверждения ленинского этапа в философии стала монография, которую подготовил Институт философии Коммунистической академии, «25 лет “Материализма и эмпириокритицизма”».

Многие авторы – от В. Адоратского до В. Познера – прославляют товарища Сталина, толкуя о «борьбе внутри», «борьбе за», «борьбе с» и иных вещах. Т. Павлов (П. Досев) нашел развитие диалектического материализма в ленинском русле «во всех без исключения работах товарища Сталина» (в деятельности и решениях, принимаемых ВКП(б) и Коминтерном)²²⁸.

И. Луппол, одна из жертв сталинских репрессий, находясь в одной камере с Н. Вавиловым, писал, что история является политикой, обращенной в прошлое. Данное определение, относимое им с учетом специфики материала и к истории философии, соотносится также и с принципом партийности в философии. Именно эти установки должны пронизывать всю работу по истории фи-

²²⁶ *Невский В.И.* Диалектический материализм и философия мертвой реакции // *Ленин В.И.* Соч. 3-е изд. Т. XII. М., 1935. С. 321.

²²⁷ Там же. С. 324.

²²⁸ *Досев П.* Вопросы теории отражения в «Материализме и эмпириокритицизме» // 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». М., 1934. С. 68.

лософии²²⁹. Безусловно, мировая общественность давала и другие оценки произведению В.И. Ленина. В частности, Конрад Шмидт в известном труде «Словарь государственных наук» не без оснований издевался над «уголовным преследованием за образ мыслей» Э. Маха, Р. Авенариуса и И. Канта. Он приписывал им тайное стремление держать угнетенных и эксплуатируемых в ярме буржуазии. Шмидт вполне справедливо отмечал, что в книге В.И. Ленина мысль Маркса о внутренней связи между социальными отношениями и философским мышлением насильственно упрощена и доведена до абсурда²³⁰. Тем не менее в нашем Отечестве Богданову пришлось умереть. После казни Н. Бухарина и публикации в 1938 г. труда «Краткий курс истории ВКП(б)» довольно продолжительное время не могло быть и речи о каком-то положительном упоминании идей Богданова. К примеру, все издания «Краткого философского словаря» под редакцией П. Юдина и М. Розенталя, начиная с первого издания, вышедшего в 1938 г., содержали жесткую и непоколебимую оценку Богданова как одного из главных врагов марксизма.

Таким образом, Богданов был вынужден отойти от активной идеологической и политической деятельности. Но, давая оценку его вкладу в сфере социалистической мысли, Ю.Г. Кургунок подчеркивает: «Так же как в политике А.А. Богданов выступал за свободу существования в РСДРП и большевистской фракции самых разнообразных оттенков, так и в области теории, и в философии, в первую очередь,) он боролся за право свободного поиска, за необходимость самокритичного отношения к собственному направлению и терпимого отношения к оппонентам. Марксизм должен отвергать абсолютное значение за любой системой идей, в том числе и за собственной – таков лейтмотив философской и мировоззренческой позиции Богданова»²³¹.

Книга «Вера и наука» заканчивается следующим гуманистическим призывом: «Перед нашим классом и нами – великая работа: создание новой культуры, для которой все прошлое и настоящее –

²²⁹ Луптол И. «Материализм и эмпириокритицизм» и вопросы истории философии // 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». С. 78.

²³⁰ Там же. С. 171.

²³¹ Кургунок Ю.Г. «Материализм и эмпириокритицизм» и его критики // Вопр. философии. 1991. № 12. С. 33.

только материал, для которого формы лишь смутно намечаются. Вместить бесконечно развивающееся коллективное содержание в бесконечно-гибкие и пластичные рамки – такова задача этой культуры: гармоничное сотрудничество коллектива – ее орудие! На этом пути мы поймем трудовую связь поколений и наш идеал выступит перед нами как непреложный вывод из прошлого и настоящего всего человечества»²³².

Только, по мнению Богданова, выполнить эту задачу довольно сложно. Разделение труда, специализация и «дробление человека» привели к подрыву взаимного понимания людей, а интересы личности отделились от коллективных интересов. Появилась борьба всех против всех. Каждая наука «организует» лишь отдельную часть опыта и потому является специальностью. Философия также стала цеховой специальностью. Необходима новая философия, которая будет способна охватить познание и опыт всего человечества; философия, которая сможет выразить монистическую потребность мышления человека. Оценивая с этой позиции эмпириомонистическую концепцию Богданова, отметим ее некоторую незавершенность и противоречивость. Но, с другой стороны, а много ли существует «завершенных» философских учений?

Из «одного куска стали»? Мы считаем, что протестовавший против «стального» подхода к философии, науке Богданов все же был прав. В любом случае он был прав в своих протестах. Другое дело, что он сам, интерпретируя Маха, оставался в границах психологии познания, с явными уступками субъективному идеализму. При интерпретации Маха Богданов развивал социологию познания Маркса. Карл Маркс являлся наименее традиционным гносеологом. Это понимал и В.И. Ленин – отсюда, собственно, вытекают и все его рассуждения о диалектике как теории познания Маркса и Гегеля. Но Богданов стремился к выведению своего эмпириомонизма за пределы философии, ставя перед собой цель по созданию тектологии, всеобщей организационной науки.

Насколько глубоко и далеко смотрел (теоретически) Богданов, можно подтвердить метким обобщением выдающегося современного ученого академика Н.Н. Моисеева, прокомментировавшего известный тезис Гейзенберга, который в свое время (как и богдановский эмпириомонизм) поверг в шок многих. Это тезис, в соот-

²³² Богданов А. Вера и наука. С. 88.

ветствии с которым отделить исследователя от объекта исследований невозможно: «Выделение любого элемента всегда условно. Он всегда лишь часть целого – часть другой, более сложной системы, из которой его выделить иногда нельзя ни при каких обстоятельствах». Именно поэтому говорить о нем можно лишь в сослагательном наклонении. По сути, сам по себе электрон не существует. (Впрочем, как и сам человек, что осознал еще великий Сеченов. Он считал, что человек существует только в единстве окружающей природы, души и плоти.) Говоря «электрон», подразумевают вполне определенную интерпретацию определенного явления. Это лишь словесное обозначение наблюдаемого явления, а раскрытие смысла термина «электрон» и является задачей науки! И данная задача будет зависеть от наблюдателя. Электрон и наблюдатель, который вооружен камерой Вильсона, в которой видно след «электрона», как и любых материальных частиц, – это одна система, а электрон и дифракционная решетка, где он ведет себя как волновой пакет, является другой системой. И разделить, т. е. выделить электрон как таковой, не представляется возможным. Человек же, наблюдая – всего лишь наблюдая происходящее, – уже одним этим вмешивается в происходящие процессы, меняет их ход, пусть и совсем в ничтожной степени. Не осознавая этого, люди могут проникнуть к силам природы, скрытым в недрах атома.

Все, о чем было сказано, подтверждает, что ключевые парадигмы рационализма, в первую очередь принцип стороннего наблюдателя, должны быть подвергнуты пересмотру и ревизии. Физика подтверждает это экспериментом. Без квантовой механики не была бы создана атомная бомба. Соответственно, мы все должны изучать «изнутри», с позиций участника событий, с учетом нашей ограниченности и нашего влияния. Такой отказ от рационализма XVIII в. (точнее, переход к новому) совершенно не будет означать потери научности. Необходимо просто иначе понимать смысл науки. Нильс Бор, величайших мыслитель XX столетия, говорил, что ни одно действительно сложное явление не может быть описано при помощи языка. Требуется множественность ракурсов рассмотрения одного явления. Но Н.Н. Моисеев выразил эту мысль несколько иначе. Чтобы человек имел нужное понимание (не знание, а именно понимание), ему нужен определенный голографический портрет явления, который могут дать разные интерпретации. В по-

строении таких интерпретаций на основе эмпирических данных (а значит, не согласных с ними) и заключается главная задача современной науки (причем не только квантовой физики). А вовсе не приближение к мифической «абсолютной истине», как утверждал Гегель и вслед за ним теоретики диалектического материализма.

В гуманитарных науках имеет место и то, на что указывала физика XX столетия. Усвоенная догма, новые знания – все это приводит к изменению сознания и, соответственно, к изменению действий людей. В свою очередь, это означает также и изменение всего исторического процесса. Люди, изучающие историю, делающие какие-либо выводы, неизбежно вмешиваются в саму историю. Данный факт не должен игнорироваться. Фраза Гейзенберга, как считает Н.Н. Моисеев, превратилась в принцип – принцип неразделимости объекта исследования и исследователя. Поэтому необходимо учиться жить в этом относительно и несколько странном мире, извлекая из него информацию, помогающую людям существовать в нем; информацию, без которой не сможет выжить человечество. Как признается сам Н.Н. Моисеев, именно таким образом он однажды и начал относиться к науке²³³.

²³³ *Моисеев Н.Н.* Как далеко до завтрашнего дня... свободные размышления 1917–1993. М., 1994. С. 198.

Глава 4. Марксистская критика Богданова. Полемика, отлучения, травля

«Краткий курс экономической науки», высоко оцененный Лениным в журнальной рецензии²³⁴, стал первым трудом, где явно видны расхождения взглядов Богданова с идеями ортодоксального марксизма. Это демонстрирует реализованное в данной диссертации сопоставление текстов «Капитала» К. Маркса и «Краткого курса...». И то, что лидер большевиков не только не выделил в своей рецензии данного факта, а, напротив, высказался о книге Богданова как о последовательно марксистской, позволяет взять под сомнение обоснованность обвинений в ревизионизме, которые были выдвинуты в адрес Богданова Лениным десять лет спустя. Также следует заметить: «Краткий курс экономической науки» замечателен тем, что здесь впервые в истории мировой экономической мысли было осознано, что для стабильного развития экономики необходимо сохранять динамическое равновесие между потреблением и производством²³⁵. Сам по себе рост производства этим условием не является. Интересно, что Джон Мейнард Кейнс, американский экономист, один из соавторов рузвельтовского проекта «нового курса», сделал подобное заключение лишь 30 лет спустя²³⁶. В конце концов, именно «Краткий курс экономической науки»

²³⁴ См.: Ленин В.И. Рец. на кн. А. Богданова «Краткий курс экономической науки» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 35–43.

²³⁵ См.: Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 3–5.

²³⁶ См.: Galbraith J.K. The New Industrial State. 4th ed. Boston: Houghton Mifflin, 1985. P. 1; Holland S. The Socialist Challenge. L.: Quartet Books, 1975. P. 14–15.

уки» – первый труд Богданова-просветителя. Тот факт, что только при царском режиме он переиздавался девять раз, свидетельствует о том, что книга приобрела большую популярность.

Полемика с Плехановым

Возражая Богданову, Плеханов применил принципиально иную методику доказательства своей правоты: не критикуя по существу взгляды своего оппонента, он в своих работах, посвящавшихся совершенно иным темам, систематично давал уничижающие характеристики этих взглядов. К примеру, когда вышла вторая книга «Эмпириомонизма», Плеханов незамедлительно нанес первый удар, назвав в своем «Предисловии ко второму изданию брошюры Ф. Энгельса “Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии”» философские теории Р. Авенариуса и Э. Маха «солипсизмом»²³⁷. К этому он добавил, что «солипсизм может быть соединен с каким-нибудь (не только с материалистическим) взглядом на историю только последователем Поприщина»²³⁸. Любой образованный читатель понимал, кого именно Плеханов сравнил с героем «Записок сумасшедшего».

Далее, используя рецензию «Иосиф Дицген», Плеханов, критикуя воззрения Богданова, уже прямо выразил свою враждебность. Например, к одной из цитат из книги о Дицгене Плеханов подготовил следующий комментарий: «Выходит, что “философская” мысль Г.А. Богданова естественно развивается в направлении к диалектическому материализму... Бога вы не боитесь, Г.П. Дауге!»²³⁹. После чего, указав на многочисленные расхождения между умозаключениями немецкого философа и теорией диалектического материализма Маркса, Плеханов иронично заявил: «Это такая большая путаница... философия И. Дицгена начинает становиться похожей на весьма “оригинальную” философию г. Богданова. ... На эту философию походит все, отзывающееся путаницей понятий»²⁴⁰. Что же общего между философией Дицгена, стремящейся

²³⁷ Плеханов Г.В. *Materialismus militans* // Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения: в 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 71–72.

²³⁸ Там же. С. 72.

²³⁹ Там же. С. 110.

²⁴⁰ Там же. С. 120.

объединить во что-то «монистическое» «все силы, считая небо и ад»²⁴¹, и эмпириомонизмом читатель должен был разобраться самостоятельно.

На подобные методы полемики Богданов отреагировал «Открытым письмом тов. Плеханову»²⁴². Вот некоторые фрагменты этого письма: «...я ожидал найти с Вашей стороны серьезную и глубокую критику, которая, может быть, будет очень нелестной для меня лично, но даст многое для выяснения истины...». Автор письма дал понять, что Плеханов очень резко относится к его взглядам и к нему лично. Далее, Богданов посчитал оскорблением то, что Плеханов многократно называл его господином: «...является оскорблением по отношению к товарищу, и на что Вы... никакого права не имели». В конце письма автор дал понять, что наблюдал за деятельностью Плеханова и объявил: «Это было очень энергично и очень интересно. И это было бы также очень убедительно... но тут не хватало одного – а именно доказательств»²⁴³.

Прошел примерно год. Плеханов предоставляет массу доказательств своей правоты при помощи открытого письма, которое он озаглавил «Воинствующий материализм» (“*Materiismus militans*”):

1. Вы представляетесь мне чем-то вроде блаженной памяти Василия Тредьяковского: мужем немалого прилежания, но – увы! – очень малого дарования. Чтобы возиться с людьми, подобными покойному профессору элоквенции, нужно обладать огромной силой сопротивления скуке. У меня не так много этой силы. И вот почему я до сих пор не отвечал Вам, несмотря на Ваши прямые вызовы. В действительности я просто-напросто не считал нужным спорить с Вами, полагая, что сознательные представители российского пролетариата сами сумеют оценить Ваши мудрости философические²⁴⁴.
2. ...Если бы не... г. Анатолий Луначарский. Пока Вы тредьячили в своем “эмпириомонизме”, он выступил – наш пострел везде поспел – с проповедью новой религии, а эта проповедь может иметь гораздо большее значение, нежели пропаганда Ваших будто бы философских идей²⁴⁵.

²⁴¹ Плеханов Г.В. *Materialismus militans*. С. 120.

²⁴² Вестн. жизни. 1907. № 7.

²⁴³ Там же. С. 46–47.

²⁴⁴ Плеханов Г.В. *Materialismus militans*. С. 208.

²⁴⁵ Там же. С. 209.

3. ...Мне гораздо приятнее разоблачать изящную софистику г. Луначарского, нежели Ваши, г. Богданов, неуклюжие софистические потуги²⁴⁶.

4. Однажды... в... постный день захотелось монаху Горанфло полакомиться курочкой. Но ведь это грех. <...> Монах Горанфло очень быстро нашелся. Он поймал соблазнявшую его курицу и совершил над нею обряд святого крещения, дав ей при этом имя караса. <...> Так и съел курицу наш Горанфло....

Вы, г. Богданов, поступили совершенно так же, как этот хитрый монах. Вы лакомились и продолжаете лакомиться идеалистической философией “эмпириомонизма”... и в то же время причисляете себя к семье ортодоксальных марксистов. <...> Вы в своем остроумии превзошли знаменитого монаха. <...> Вы, г. Богданов, можете назвать свой идеализм марксизмом; однако Вы не сделаетесь от этого марксистом-диалектиком²⁴⁷.

5. ...Все здание этого учения покоится на *диалектическом материализме*, и которые понимают, что Вы в своем качестве убежденного махиста на материалистической точке зрения не стояли и стоять не можете²⁴⁸.

6. ...Вы просто-напросто не в состоянии понять, в чем заключается главная отличительная черта этого (диалектического) материализма. В интересах беспристрастия надо, впрочем, сказать, что материализм вообще остался для Вас закрытой книгой²⁴⁹.

Более того, Богданов был прозван «мыслителем из породы Молчалиных», недостойным казни лишь из-за отсутствия таланта²⁵⁰. Мало того, Плеханов поработал еще над двумя письмами аналогичного содержания. Цель этого внушительного труда своему оппоненту он объяснил так: «Для меня вообще речь идет не о том, чтоб *преследовать* Вас, а о том, чтоб Вас *определить*, т. е. чтобы выяснить моим читателям, к какой именно категории Любомудров Вы принадлежите».

Данный подход к философской полемике, как казалось, для Богданова устранял возможность отстаивать свои взгляды. Тем не менее Плеханов вместо оскорбительных выпадов со стороны Богданова

²⁴⁶ Плеханов Г.В. Materialismus militans. С. 215.

²⁴⁷ Там же. С. 212–213.

²⁴⁸ Там же. С. 203.

²⁴⁹ Там же. С. 213.

²⁵⁰ Там же. С. 212, 202, 212, 225, 208.

получил аргументированный и спокойный анализ своих философских взглядов. Результат: защитник марксистской теории и патриарх российской социал-демократии сам не безгрешен. Открылся такой факт: в середине сороковых годов девятнадцатого столетия Маркс предоставил основные положения (всего одиннадцать) для создания новой философии. Энгельс напечатал их в брошюре «Людвиг Фейербах». Данная брошюра была переведена Плехановым на русский язык. Второе положение он перевел неверно. Здесь говорится об истине и заблуждении, которые определяются на практике. Как сказал Маркс: «Практикой должен человек доказать силу и истину своего мышления, доказать его посюсторонность».

Слово «посюсторонность» должно было передать мысль о том, что мышление остается «по сю сторону», а не уходит в «потусторонний мир». Другими словами, оно не блуждает в пустых умствованиях насчет «сущностей» либо «вещей в себе». А придерживается действительности и живого опыта.

Как перевел Плеханов? Фразу «доказать посюсторонность своего мышления» он перевел как «доказать, что его мышление не останавливается по сю сторону явлений». Как видно, появилось отрицание “не”. В итоге перевод приобрел вид, противоположный подлиннику. А это уже непростительная ошибка.

Неверный перевод был напечатан в 1892 г. Перепечатан в 1905 г. В 1906 г. в напечатанном русском переводе данной статьи появились большие переделки; и в переводе цитата продолжена: включено искаженное место – «не останавливается по сю сторону явлений»²⁵¹.

При этом Плеханов знал о неверности перевода. Поэтому он выбирал для цитирования только подходящие места, поскольку для «вещей в себе» подлинник был невыгоден. Богданов заставил задуматься: «Не надо быть юристом, чтобы сказать, как называется такой прием в судебной практике»²⁵².

Итак, Богданову удалось уличить Плеханова в умышленной фальсификации основ марксизма. При этом Богданов не был намерен «определить» Плеханова в какую-либо категорию «любо-

²⁵¹ Ср. современный перевод этого фрагмента 2-го тезиса: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1–2).

²⁵² Богданов А.А. Десятилетие... С. 147–148.

мудров». В деятельности Плеханова мыслитель желал найти доступный пониманию побудительный мотив. Он писал: «Я думаю, что Плеханов, несмотря ни на что, искренен... Попробуйте-ка защищать какие-нибудь старинные “вещи в себе” против организационного понимания форм – философии машинного производства: ведь это – пицаль против маузера. Или отстаивать истину абсолютную, застывшую, против истины живой, вечно растущей, организующей жизнь: ведь это – Талмуд против естествознания. <...> Поневоле вы потеряете всякое хладнокровие и начнете вести себя, как “герой на поле... брани”»²⁵³. Первопричину такого поведения Плеханова, как считал Богданов, следовало наблюдать на более глубоком уровне: «Судьба заставила его, одного из первых русских марксистов, популяризировать социально-философские и общеполитические идеи Маркса и Энгельса. Выполнил он это не без ошибок; но дело было полезное и необходимое, да и судить об этих ошибках тогда было некому». Общество требовало разрешения философских вопросов. Поэтому россияне обращались к Плеханову. «Так он попал в положение, которое, в конце концов, оказалось довольно фальшивым»²⁵⁴. То есть в положение того, кому «дана дискреционная власть определять пределы марксизма»²⁵⁵.

Причиной доверия к антибогдановским высказываниям в России следует считать чрезвычайно высокий авторитет Плеханова в социал-демократической среде, которым он обладал в те времена. В то же время работ Богданова – «Приключения одной философской школы» (1908), «Падение великого фетишизма» (1910) и «Десятилетие отлучения от марксизма» (1914), – содержавших критику «марксизма по-плехановски», мыслящие читатели практически не знали. Более того, последнюю из названных работ читатели смогли увидеть только в 1995 г.

С учетом сложившейся ситуации нетрудно догадаться, чью именно сторону предпочла занять большая часть образованных членов партии: неважно, меньшевиков или большевиков она поддерживала.

²⁵³ Богданов А.А. Десятилетие... С. 93.

²⁵⁴ Там же. С. 145.

²⁵⁵ Там же. С. 89.

Полемика с Лениным

Постоянно увеличивающееся влияние Плеханова не осталось незамеченным В.И. Лениным. Это было обусловлено еще и тем фактом, что некоторые меньшевистские публицисты считали, что «ревизионизм» Богданова присущ всему большевистскому лагерю, включая лидера фракции²⁵⁶. Для того чтобы снять эти обвинения, доказать свою приверженность идеям марксизма и укрепить идейную гегемонию большевизма в рядах социал-демократов, Владимиру Ильичу предстояло сделать сложный выбор. Первое – дискредитировать Плеханова перед партийцами. Это был бы довольно рискованный шаг, поскольку публикации Плеханова были довольно популярны среди марксистов, которые не допустили бы раскола РСДРП. Альтернативой могло стать переубеждение Богданова и его публичный отказ от устоявшихся философских взглядов, которые могли вызвать такие серьезные разногласия. Однако и эта затея могла привести к краху, поскольку эмпириомонизм философа основывался на достижениях естественных наук, о которых лидеры РСДРП имели отдаленное представление. Опровергнуть данные экспериментов путем абстрактно-логических построений было не под силу никому, ни античным софистам, ни современным философам. Ситуация была довольно неоднозначной, однако Ленину удалось разрешить ее, разыграв поистине уникальную многоходовую комбинацию.

Заклучалась она в следующем. Являясь председателем редколлегии большевистской газеты «Пролетарий», Ленин предложил никак не реагировать на философскую полемику между Богдановым и Плехановым, а также запретил любую поддержку какой-либо из сторон на страницах печати. Заключительное решение по данному вопросу было принято единогласно на совете редакционной коллегии 11.02.1908 г. В итоге Богданов был лишен возможности отстаивать свои убеждения в печати. Большевистский «Пролетарий» придерживался своего решения о нейтралитете, а другие печатные российские издания не интересовали философские споры социал-демократов.

²⁵⁶ Рахметов Н. [Блюм О.В.]. К философии марксизма. Две статьи о русских эмпириокритиках. Женева, 1906. 78 с.

Однако оставались еще меньшевистские издания, но они единогласно были настроены поддерживать Плеханова. Что при этом сделал Ленин? Он заключил политический союз с группой Плеханова и опубликовал в прессе внушительную монографию «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», направленную против Богданова²⁵⁷. В своей работе он активно защищал марксизм и выступал против махизма, последователем которого был назван Богданов даже несмотря на то, что последний еще в 1906 г. в своей книге «Эмпириомонизм» достаточно прозрачно упомянул о том, что махистом он себя не признает: «Я перенял у Маха единственное – представление об индифферентности элементов опыта относительно “физического” и “психического”, о взаимозависимости этих элементов исключительно от связи опыта. Касательно учения о генезисе психического и физического опыта, в учении о подстановке, а также об “интерференции” комплексов – процессов на общем фоне мира, основанной на всех этих посылках – я исключаю что-либо общее с Махом»²⁵⁸. Однако и такого неполного заимствования было достаточно, чтобы окрестить его махистом. В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин объяснял свое негативное отношение к этой философии. В частности, он отмечал, что Авенариус и Мах, «отвлекая внимание читателя нападками на идеализм... на самом деле является приверженцем все того же идеализма... ощущения – это “элементы”, в одной связи только психические, в другой же связи (хотя и “тождественные” элементы, но) физические. Совершенно новым определением, новомодными выражениями, характеризующими якобы новую теорию, Авенариус в конце концов все-таки вернулся к главной идеалистической своей посылке»²⁵⁹, планомерное развитие которой, по мнению Ленина, может в конечном итоге привести только к солипсизму. А по факту ни один из философов в своих философских суждениях не продвигался дальше характеристик параллельных рядов психических и физических элементов, не найдя в себе силы обозначить с помощью естественных наук единую базу для объединения этих рядов, а только лишь постулируя первич-

²⁵⁷ Владимир Ильич Ленин: Биограф. хроника. 1870–1924. Т. 2: 1905–1912. М., 1971. С. 391, 395.

²⁵⁸ Богданов А.А. Предисловие к 3-й книге «Эмпириомонизма» // Богданов А.А. Эмпириомонизм. Ст. по философии. Кн. 3. СПб., 1906. С. XI. (11?)

²⁵⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 86–87.

ность, а также вторичность другого. Под «первичным» Мах подразумевал именно физический опыт, что и было описано Богдановым в его работе «Эмпириомонизм»²⁶⁰. Резюмировать таким образом доктрину о тождестве философий Маха и Авенариуса в противостояние епископу Дж. Беркли, как это сделал Владимир Ильич, означает быть совершенно незнакомым с понятием критического разбора или домысливать за тех, кто склонен критиковать, их теоретические доктрины, основанные на некоторых совпадениях или похожести в терминах. В публикации «Десятилетие отлучения от марксизма» Богданов сказал: «Приводя свои бесчисленные цитаты различных философов, принадлежавших различным столетиям и народам, автор (“Материализма и эмпириокритицизма”) напрочь упустил те обстоятельства, что одни и те же термины означают на языке разных школ далеко не одно и то же; например, такое понятие, как “идеи”, у Спинозы имеют одно значение, у Беркли – другое, совершенно противоположное. Все это он Ленин смешивал в единое; а историческую связь различных учений принимал за простое их тождество.

Он, в частности, считал, что «...родственные связи Юма и Маха являются неоспоримым доказательством того, что Мах придерживается принципов “идеализма”. По аналогии с данным примером, таким образом можно провести родственную линию Маркс–Гегель. Однако никому не пришло в голову причислить Маркса к идеалистам»²⁶¹.

Проявив такое отношение к философскому спору, Ленин обрек себя на серьезные последствия. В своем стремлении доказать неправоту Богданова большевистский лидер «...окончательно запутался в хаосе своих цитат, в полглаза прочитанных или вскользь просмотренных авторов, запутался до такой степени, что по ключевым вопросам, которым посвящена его книга, отстаивает совершенно различные взгляды на протяжении всей книги»²⁶².

Аналогично с Плехановым, отстаивая понятие «вещь в себе» от нападок эмпириомониста, В.И. Ленин трактует это понятие совершенно по-разному, при этом совершая переходы от одного значения к другому, даже не замечая того, что они кардинально отличаются друг от друга:

²⁶⁰ См.: Богданов А.А. Эмпириомонизм. Кн. 1. С. 8–9.

²⁶¹ Богданов А.А. Десятилетие... С. 94–95.

²⁶² Там же. С. 95.

- 1) «вещь в себе», в отличие от «явления», не наделена никакими «чувственными» свойствами, не отражается в восприятии и поэтому непознаваема²⁶³;
- 2) «вещь в себе» представляет собой целостную единицу, а «явление» представляет собой составляющую часть этого целого; и то, и другое наделено идентичным «чувственным» характером и доступно познанию²⁶⁴;
- 3) «явление» по своей сути – «отражение» «вещи в себе» в сознании человека²⁶⁵.

Таким же образом, относительно объективности истины, у лидера большевиков также имеется несколько мнений, противоречащих друг другу. Однако в каждом из мнений неизменно присутствует один объединяющий элемент – это уверенность в непреломном характере истины:

- 1) есть огромное множество абсолютных и вечных истин, в которых никто не сомневается, например: «Лондон находится в Англии» и т. д.²⁶⁶;
- 2) абсолютная истина состоит из множества истин относительных, посредством которых «мы, безусловно, приближаемся к ней»²⁶⁷;
- 3) абсолютной истиной является исключительно метод познания, в частности марксистский исторический материализм²⁶⁸.

Если же скинуть со счетов все эти терминологические разногласия, довольно часто встречающиеся в «Материализме и эмпириокритицизме»²⁶⁹, то позиция, так рьяно отстаиваемая Лениным, сводится к одному: «Материя, которая влияет на человеческие органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. каким-либо образом организованной материи. Ощущения не влияют на существование материи. Материя – понятие первичное.

Ощущение, мысль, человеческое сознание представляют собой высший продукт организованной материи. Такова концепция материализма, которую принимали также Маркс и Энгельс»²⁷⁰.

²⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 80–81.

²⁶⁴ Там же. С. 121.

²⁶⁵ Там же. С. 245–246, 248, 277.

²⁶⁶ Там же. С. 133–134.

²⁶⁷ Там же. С. 138.

²⁶⁸ Там же. С. 146.

²⁶⁹ Там же. С. 124–125.

²⁷⁰ Там же. С. 50.

Богданов, в свою очередь, таким образом, аннотирует утверждение Ленина:

Существует только чувственное бытие, а также одна из его составляющих – явление, опыт человека. Это является противоположностью взглядам “махистов”, которые признают только опыт, мир “элементов”, что, по словам В. Ильина (В.И. Ленина), является идеализмом.

Что на самом деле представляют собой отрицаемые В. Ильиным “элементы опыта”, которым он противопоставляет “чувственное бытие”. Этими элементами является все, что доступно человеческим органам чувств для восприятия: цвета, запахи, что-то мягкое, холодное, твердое и т. д. Это все часто упоминается у Маха, Авенариуса и других “махистов”, а также людей, которые пользуются этим понятием. Но является ли это чувственными элементами или элементами чувственного бытия? Видимо, да. Очевидно, в этом нет разницы между В. Ильиным и “махистами”, поскольку никакого истинного бытия, за исключением чувственного, “махисты” не принимают. Но, возможно, их чувственные элементы не являются таковыми по мнению В. Ильина? Вероятно, он знаком с какими-либо другими? Данная информация, к сожалению, остается неизвестной, поскольку никакого анализа “материи”, “явления”, “вещей” на чувственные элементы в своих публикациях не производит. Но может в том и заключается суть, что настоящий материалист подобного анализа не должен проводить? Подтверждения этому В. Ильин не дает, и пока он подобной бессмыслицы не высказал, каждый должен усомниться в том, что он действительно об этом думает²⁷¹.

Соответственно, ключевыми философскими разногласиями между Богдановым и Лениным являлись понятия, которые носили терминологический характер, поэтому не были принципиальными. Кроме этого, в середине февраля 1908 г., задолго до выхода в печать «Материализма и эмпириокритицизма», Ленин в своих письмах к Луначарскому отмечал следующее: «Я бы временно оградил от партийной работы любые философские разногласия между материалистами и эмпириокритицистами»²⁷². То, что последовало за этим ленинским «временно» и предшествовало

²⁷¹ Богданов А.А. Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). С. 164–165.

²⁷² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 135.

вторичному отлучению Богданова было чисто политическое противостояние Ленина с целью единоличного управления партией большевиков.

Не лишним будет подчеркнуть тот факт, что изначально основной причиной разногласий Ленина и Богданова было противостояние по ключевым стратегическим и тактическим критериям фракции большевиков. Это противостояние отражало несоответствия в анализе изменений, которые произошли в России во время первой революции и имели отношение к интеллигенции и ее роли в социал-демократическом движении. Эти вопросы являлись краеугольным «камнем преткновения» в партийных дебатах, а не «ревизионизм», который приписывали Богданову после того, как в свет вышла его книга «Эмпириомонизм». Это случилось именно с подачи Ленина, который в своем письме В. Воровскому писал: «Неминуем раскол с Богдановым, и причина этому – его обида на критику его философских взглядов»²⁷³.

К сожалению, некоторые современные иностранные историки также убеждены, что причиной раздора Ленина и Богданова является философская несогласованность²⁷⁴. Но это не является доказанным фактом, ведь согласно утверждению самого Богданова в его обращении к Бакинской организации РСДРП отмечено: «Мой уход из редакции никоим образом не связан с философскими разногласиями...»²⁷⁵. Ленин тоже не придерживается в этом вопросе единого мнения. Раннее его отношение к «ревизионизму» Богданова было таким: «...на протяжении летних и осенних месяцев 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым и заключили тот молчаливый договор, продержавшийся на протяжении всего революционного периода 1905–1907 гг., который также молчаливо устраняет философию»²⁷⁶.

Однако заключенный договор просуществовал намного дольше: на заседании редакционной коллегии «Пролетария» в феврале 1908 г. Ленин голосовал за то, чтобы в философских дебатах Богданова и Плеханова не оказывать никому поддержку²⁷⁷.

²⁷³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 159–160.

²⁷⁴ Bailes K.A. Lenin and Bogdanov: the End of the Alliance // Cordier A.V. Columbia Essays in International Affairs. New York–London, 1967. P. 108.

²⁷⁵ Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 147.

²⁷⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 142.

²⁷⁷ Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника. Т. 2. С. 391–392.

Такого же мнения Ленин придерживается и во время переписки с писателем М. Горьким. Так, в своем письме от 25.02.1908 г. он пишет: «Нами был заключен договор с целью проведения в рабочей партии определенной тактики, которую мы ведем давно и продолжаем вести до сих пор без разногласий»²⁷⁸. И еще: «...единственное разногласие заключалось в бойкоте III Думы»²⁷⁹, но это не имело никакого отношения к богдановской философии. Апогеем стала статья в немецком журнале “Die Neue Zeit”, который поддерживал партию социал-демократов. Во время публикации одной из статей Богданова редколлегия журнала сопроводила его ремаркой, в которой речь шла о том, что «большевизм» перестал быть одним целым именно из-за философских разногласий. В ответ на это редакционная коллегия «Пролетария» написала: «На самом деле этот философский спор не есть фракционный и, по мнению редакции, быть не должен»²⁸⁰.

Правдинская полемика

Выход Богданова из состава «Вперед» непосредственно связан с газетой «Правда», которая впервые увидела свет в апреле 1912 г. Начиная с самого первого номера, все публикации находились под личным жестким контролем В.И. Ленина. Финансировали газету пролетарские группы, причем не обязательно социал-демократические, но проявляющие интерес к концепции социализма, которая облагораживалась в просветительских статьях «Правды». В одной из своих статей В.И. Ленин сам приводил сравнительную таблицу²⁸¹, и выяснилось, что на протяжении всего 1912 г. и первого квартала 1913 г. в «Правду» сделали пожертвования 1.022 групп рабочих. По сравнению с другими газетами именно «Правда» получала самое большое денежное вливание. По-видимому, это обстоятельство и повлияло на то, что редакция «Правды» стала принимать самостоятельные решения, которые Ленин не мог контролировать, что, несомненно, его сильно раздражало.

²⁷⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 144.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Заявление редакционной коллегии // Пролетарий. 1908. 26/13 февр. С. 8.

²⁸¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 101.

Неожиданным поворотом для И. Арманд и Г. Сафарова, которые прибыли в Петербург во время предвыборной кампании в IV Думу, был холодный прием в редакции «Правды», а также в Нарвском районном комитете. Это выражалось в том, что было озвучено, что районная организация всегда стояла на позициях «старого большевизма Богданова и Луначарского». Зарубежные гости, покидая Россию, вынуждены были констатировать тот факт, что среди рядовых членов партии далеко не все разделяют идеи ленинцев²⁸². Можно только представить себе реакцию вождя на комментарий. Ведь, согласно данной Н. Крупской характеристике, Ленин был очень эмоциональным и бурно реагировал на все раздражители²⁸³. Ленин всегда обращал пристальное внимание на деятельность «Правды», поэтому замечал, что руководство проявляет самостоятельность²⁸⁴. Большевик же, который утверждал, что их организация «впередовская», встревожил Ленина гораздо сильнее: это была откровенная констатация того факта, что влияние Богданова имело место и нельзя допустить, чтобы оно продолжилось²⁸⁵. Ленину было хорошо известно, что Богданов имел авторитет и большое влияние на партийцев. В отсутствие Ленина в России, Александр Александрович оставался единственным партийным лидером, поэтому его идеи и принципы господствовали в партии.

«Так как он взял единоличное управление на себя»²⁸⁶, то непосредственная связь с местными партийными фракциями по насущным вопросам базировалась на взаимопонимании и была построена гораздо эффективнее «той несовершенной линии ЦК, которая заключалась в том, что людям постоянно ставили ультиматум – или ты наш, или не наш»²⁸⁷.

Однако выбранная Богдановым стратегия господствовала намного позже. Активисты группы «Вперед» вели активную пропагандистскую работу, в отличие от зарубежного партийного центра.

²⁸² Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 19, 29–30.

²⁸³ *Крупская Н.К.* Воспоминания о В.И. Ленине. М.: Политиздат, 1968. С. 479–495. Цит. по: *Шарапов Ю.П.* Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию // *Отеч. история.* № 5. М., 1997. С. 65.

²⁸⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 99.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ *Покровский М.Н.* О В.И. Ленине. Стенограмма выступления в Институте Красной профессуры 7 февраля 1924 г. // *Отеч. архивы.* № 3. М., 1992. С. 98.

²⁸⁷ Там же. С. 99.

Подготовка будущих социал-демократических агитаторов велась таким образом, чтобы направить революционные силы в стране не на поддержание легальной работы, а на решение культурно-воспитательных задач, которые были бы полезны в проведении идеологической революции среди пролетариата, поддерживающего идеи социал-демократии. Причем эти задачи являлись первостепенными, поскольку участие именно рабочего класса в общественном переустройстве даст свои результаты только в том случае, когда это будет сделано осознанно.

Ленин в этом вопросе придерживался совсем иной точки зрения. Он считал, что воспитательные задачи не являются первостепенными, главная задача – власть. В связи с этим «навязываемая» Богдановым точка зрения является «бунтом» относительно положения марксизма о том, что первоочередной задачей пролетариата является свержение царского режима. С теми же, кто не был с этим согласен, разговор был короткий: «полный разрыв и война *сильнее, чем ведется с меньшевиками*»²⁸⁸.

Богданов же стоял на своем и утверждал, что положение марксизма о революционности задач является одной из составляющих частей пропагандистской работы и принципиальность нужно проявлять в вопросах нетерпимости «к врагам, а не к своим»²⁸⁹.

Владимир Ильич был крайне возмущен такой позицией, с его уст часто слетали различные ругательные слова в адрес Богданова и его приверженцев. Несмотря на то, что Ленин имел большое влияние на многих партийных лидеров, идеи Богданова разделяло большое количество революционных деятелей из таких городов, как Петербург, Москва и т. д. Понимание богдановской позиции имело под собой веские основания, базирующиеся на многолетнем опыте: именно пропагандистам было хорошо известно, насколько малоэффективной оказывается работа с малосознательными элементами без реализации революционно-просветительской программы. А постоянная смена тактики в партийном сотрудничестве никак не способствовала повышению авторитета Центра, потому что зачастую была непонятна на местах по причине непо-

²⁸⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 203.

²⁸⁹ Записная книжка А.А. Богданова. РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 79–8. Цит. по: Шаранов Ю.П. Ленин и Богданов... // Отеч. архивы. № 3. М., 1992. С. 58.

нимания мотивации. Ленин понимал положение дел, однако любое проявление несогласия с его позицией касательно политических изменений воспринималось им крайне негативно. Он понимал, что вслед за Богдановым могут найтись и другие несогласные с ленинским стилем руководства, которые смогут заявить, что «ленинцы извратили основы марксизма, исковеркали их и деформировали – дай только свободу действий этому «махисту» и возможность свободно излагать свои убеждения, и он немедленно своими ревизионистскими «идейками» взорвет фракцию изнутри.

Как только начала издаваться «Правда», Богданов сразу же обратился в редакцию с предложением напечатать свой роман под названием «Инженер Мэнни». Об этом романе позднее Ленин в письме Горькому сказал следующее: «Тот же махизм = идеализм, спрятанный так, что ни рабочие, ни глупые редакторы в “Правде” не поняли»²⁹⁰; а «“Правда” дала о нем сочувственный отзыв»²⁹¹, «когда он вышел книжкой»²⁹². Но роман, отосланный Богдановым в редакцию «Правды», не спешили печатать, хотя друзья-посредники говорили Богданову, что роман понравился и рабочим-депутатам, и членам редакции. Богданов не был в курсе того, что произошло нелепое стечение обстоятельств. Поэтому он неверно истолковал ситуацию. Он пишет: «...в тот момент я смог сделать только один вывод – что руководители газеты моего сотрудничества не хотят; а отсюда и другой – что рабочие не вполне хозяева... своей газеты»²⁹³. После начала редакцией «Правды» подписной кампании в числе сотрудников газеты напечатали и имя А.А. Богданова. Впоследствии он писал, что воспринял это как издевательство и начал требовать от редакции объяснений²⁹⁴. Как оказалось впоследствии, произошло недоразумение. Редакция хотела сотрудничать с Богдановым и искренне предлагала работать. Богданов удивился этому, но все же согласился на сотрудничество²⁹⁵. Таким образом, протокольный казус был разрешен. В январе 1913 г. в «Правде» было опубликовано письмо с согласием Богданова о

²⁹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 161.

²⁹¹ Богданов А.А. Десятилетие... С. 102.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же. См. также: Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 30.

сотрудничестве с газетой²⁹⁶. Ленин назвал это письмо «архиглупостью»²⁹⁷, сам же немедленно отправил в редакцию «Правды» послание, в котором выразил возмущение по поводу письма Богданова, которое назвал наглым и глупым²⁹⁸. Ленин считал, что Богданов снова вмешивается в партийные дела своими рассуждениями о полезности выдвижения одного кандидата от рабочих на выборах в IV Думу, а не двух социал-демократов, соперничающих между собой, поскольку последнее свидетельствует не о силе РСДРП. В примечании к письму Богданова редакция газеты сообщила читателям, что соглашение на эту тему не состоялось «по вине ликвидаторов»²⁹⁹. В свою очередь, Ленин выдвинул обвинение против редакции газеты в том, что они нарушают условия, словно издаваются³⁰⁰. Вместе с тем он категорически требовал, чтобы его письмо было передано лично издателю «Правды» депутату Бадаеву. Еще одно требование Ленина заключалось в том, чтобы газета больше не печатала таких вещей «без сношения»³⁰¹. Впоследствии В.И. Лениным была предпринята еще одна попытка по лишению Богданова мандата сотрудника социал-демократической прессы. Правда, вторая попытка была более корректной. Ленин обратился к Н.Г. Полетаеву, издателю газеты «Звезда», и предупредил, что «с Богдановым, например, невозможно и сотрудничество: это ясно из его новых произведений»³⁰². В примечании к этим строкам содержалось следующее сообщение: «В 1913 г. А. Богданов начинает издавать свою работу “Всеобщая организационная наука (Тектология)”, представлявшую собой дальнейшее развитие эмпириомонистической точки зрения»³⁰³.

Несмотря на такие эмоциональные выпады со стороны лидера большевиков, «Правда» не прервала сотрудничества с Богдановым. Наоборот, газета в № 87 от 1913 г. напечатала его «Очерк о системе

²⁹⁶ *Богданов А.А.* Письмо в редакцию газеты «Правда» // *Правда*. № 24. 30 янв. 1913 г.

²⁹⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 161.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ *Богданов А.А.* Письмо в редакцию газеты «Правда». С. 1; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 387; *Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 30.

³⁰⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 159.

³⁰¹ Там же. С. 159–160.

³⁰² Там же. С. 168. См. также: *Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 20.

³⁰³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 389.

Тейлора». А в номерах за 24 февраля, 24, 28 апреля и 5 мая 1913 г. появились статьи «об “иностранных словах”, в которых выяснялись основные понятия общественно-классовой борьбы и жизни³⁰⁴. Это были такие статьи: «Политика», «Тактика», «Партия», «Класс» и «Программа». Для этой серии статей Богдановым была подготовлена еще одна статья, получившая название «Идеология». Эта статья и стала главной предпосылкой нового отлучения ученого.

Все началось с заявления В.И. Ленина в редакцию газеты «Правда», сделанного в мае 1913 г.: «А богдановская “Идеология”, наверно, ересь: обещаюсь вам доказать это точно!»³⁰⁵. Ленин, еще не прочитав статью, знал, что начнет боевые действия. Однако для этой цели он предполагал использовать Алексинского, на которого должен был повлиять Каменев. Идея, которая возникла при написании письма Горькому зимой 1913 г. (в феврале) о том, что Алексинский начал отделяться в политике от Богданова³⁰⁶, зрела постепенно. В апреле 1913 г. Ленин задал Каменеву вопрос: есть ли у него возможность устроить для общего разговора тактичное тет-а-тет с Алексинским?³⁰⁷. А уже в конце апреля Ленин сам для такой встречи нашел вариант: «Надо помочь депутатам писать речи. Сядьте сами и посадите Алексинского. Удобный повод Вам: напишите ему рпеу (по пневмопочте), как сотруднику “Правды”, и устройте свидание»³⁰⁸. Ленин дал Каменеву прямое поручение и подробные инструкции, что и как тот должен сказать Алексинскому: «...или ты восстаешь в печати и против философского... и против отзовистского крыла “Впереда”, ты заявляешь – была в этой группе и философия реакционная и политически-анархистская тенденция. Я (Алексинский) рад, что от них избавился».

В этом эмоциональном протесте Ленина угадывается следующая подтекст. В первую очередь, позиция Ленина и позиция партии – это равноценные понятия; во вторую очередь, другая позиция, которая не совпадает с точкой зрения партии и Ленина, подлежит цензуре; в третью очередь, положительный отзыв об Алексинском являлся поводом для скорого самоуничтожения груп-

³⁰⁴ Богданов А.А. Десятилетие... С. 102.

³⁰⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 183.

³⁰⁶ Там же. С. 161.

³⁰⁷ Там же. С. 176.

³⁰⁸ Там же. С. 177.

пы в атмосфере подозрительности и вражды. Таким образом, Ленин, говоривший об исчезновении «впередовства», будет прав и в глазах партии, и в глазах ее оппонентов.

Насколько ошибочной являлась тактика Ленина, можно судить только по ее результатам, так как он в то время верил, что действует в интересах дела. После закрытия «Правды» (18 июля 1913 г.), постановлением Санкт-Петербургской судебной палаты по требованию министра внутренних дел Н.А. Маклакова все открывавшиеся большевистские газеты, которые сменяли одна другую («Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда труда», «За Правду»), придерживались ленинской позиции, поэтому осуществить задуманное не составляло особого труда. Теперь Ленину не приходилось добиваться своего «прятками» от партии.

Но А.А. Богданов продолжал считать, что своим участием в газете он по-прежнему приносит пользу революционному движению, однако ему все труднее становилось выдерживать атаки Ленина. В письме от 9 июня 1913 г., адресованном Женевскому идейному кружку «Вперед», Богданов написал, что очень дорожит сотрудничеством с «Правдой», но только в том случае, если там не будет заграничного хозяина³⁰⁹. Ленин, несомненно, сыграл огромную роль в новом отлучении Богданова. В.И. Ленин написал в редакцию «Правды» о статье Богданова «Идеология» следующие слова: «Увеличению... тиража марксисты рады, когда он увеличивается марксистскими статьями, а не статьями против марксизма. Мы хотим идейной газеты, – все сотрудники и читатели “Правды” хотят этого – марксистской, а не махистской»³¹⁰. Статья Богданова «Идеология» так и не была напечатана. Впрочем, избавились от него не очень уважительно. Просто в один момент не указали его фамилию в числе сотрудников. При этом вместе с именем Богданова из списка сотрудников исчезли имена Базарова, Калинина и Луначарского. «Правда», которая задумывалась в интересах рабочих, начала изгонять из своих рядов тех, кто уже продолжительное время служил социал-демократическому движению, а среди них и того, кто своей просветительской деятельностью еще задолго до прихода в «Правду» сделал намного больше остальных членов партии для революционного воспитания пролетарских масс.

³⁰⁹ Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 233–234.

³¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 183.

Из эмиграции в Россию Богданов вернулся в октябре 1913 г. в связи с амнистией по случаю трехсотлетия Дома Романовых. После возвращения он жаждал полезной деятельности в родной стране. Но Отечество встретило его заметкой в газете «Путь Правды» о том, что Богданов скрыл главную причину своего расхождения с газетой «Правда». Автором заметки указывалась причина, звучащая как пощечина: «А.А. Богданов не марксист», поэтому его сотрудничество в рабочих журналах и газетах стало невозможным³¹¹.

Послереволюционная деятельность

Начиная с 1918 г., Богданов постепенно начал включаться в общественную жизнь. Сначала он согласился работать в Пролеткульте, затем вошел в состав Социалистической Академии. Социалистическая Академия и Пролеткульт не значили бы так много, если бы не осуществляемая ими просветительская деятельность. Эти организации были тесно связаны с Первым пролетарским университетом, созданным в Москве в том же 1918 г. усилиями таких же энтузиастов, как и Богданов, надеявшийся на апробацию новых форм обучения, основывающихся на равноправии слушателей и преподавателей. Преподавательские кадры готовились в Социалистической Академии. Пролетарские университеты должны были быть открыты не только в Москве и Петрограде, но и в других городах³¹². Перед первым таким университетом стояла задача по подготовке «рабочих вождей» из рабочей среды.

Наряду с этим на базе Пролеткульта началась работа по подготовке к изданию Новой Энциклопедии. В этом Богданову помог опыт работы над «Энциклопедией для изучения России» – одного из литературно-общественных начинаний Горького в 1908 г. В это время была разработана программа, составлен план написания книг по истории России (языка, литературы, экономического развития, политической истории). Для сотрудничества в Энциклопедии Горький пригласил М.Н. Покровского, Г.А. Алексинского, А.В. Луначарского, В.А. Базарова, В.И. Ленина и А.А. Богданова.

³¹¹ Путь Правды. 31 янв. 1914 г.

³¹² Богданов А.А. О провинциальных пролетарских университетах // Пролетарская культура. 1919. № 9/10. С. 53–56.

Однако данная Энциклопедия для рабочих так и не была издана³¹³. Переговоры по созданию Новой Энциклопедии проводились Богдановым со специалистами разных профилей. Он предполагал поставить в центре этого свода знаний освещение практических, политических и экономических вопросов, а также сообщения о ходе строительства советского хозяйства и вопросы по истории международного революционного движения. Богданов писал, что результат переработки науки с организационной точки зрения должен быть изложен в Рабочей энциклопедии и стать достоянием миллионов через Пролетарский университет³¹⁴.

В поле зрения Пролеткульта попало и движение за научную организацию труда. Богданов открывал докладом Первую Всероссийскую конференцию по НОТ. В своем докладе Богданов сформулировал идеи, которые впоследствии стали в экономической науке классическими:

- удовлетворение потребностей населения как исходный пункт планирования;
- цепная связь хозяйств (к примеру, рост производства предметов потребления приводит к увеличению объемов производства, средств производства, обостряя потребность в рабочей силе);
- принцип равновесия между производством и потреблением;
- закон минимальных относительных сопротивлений (благополучное состояние общества определяется экономическим положением его наиболее бедной части) и др.

Богданов связывал успехи социалистического хозяйства не только с НОТ, но и с революцией в сфере науки и техники. Кстати, широко известное сегодня сочетание НТР было введено в обиход именно Богдановым. Это является еще одним его изобретением, имеющим большую смысловую нагрузку в век технического прогресса.

Он много думал об обществе будущего. Его угнетало то, как далеко мечты о революции ушли от реальности. Как показывал тектологический анализ, те малозаметные на первый взгляд предвестники опасности, с которыми каждый ежедневно сталкивался,

³¹³ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 157, 227.

³¹⁴ Гловели Г.Д., Пустильник С.И. Сотри случайные черты... // Химия и жизнь. № 12. М., 1990. С. 14.

спровоцируют в стране страшную трагедию. Богданов продолжал начатую еще в 1914 г. работу над теорией «военного коммунизма», исследуя тему на основе всеобщей организационной науки. Результат его работы – «Вопросы социализма» (1918 г.).

Деятельность и идейная позиция Богданова в период с 1918 по 1921 г. была постоянно на виду. Все, что говорилось им в докладах и лекциях в Социалистической Академии и на съездах Пролеткульта, все, что писалось им в серии статей «Искусство и рабочий класс», все это служило и подчинялось одной цели – приближению знания к трудовым слоям общества, обучению пользоваться этими знаниями для развития способностей и сил пролетариата. Богданова уважали, и это было заслужено. С его мнением считались и признавали его как ученого. Богданова два раза избирали в Президиум Социалистической Академии³¹⁵. В 1921–1922 гг. Богданов был командирован в Лондон в качестве эксперта-экономиста Наркомата внешней торговли³¹⁶.

Такая активная деятельность оказала положительное влияние на душевное состояние ученого. Он помолодел, оживился, его отзывы стали более объективными, рекомендации выполнимыми, а письма по-деловому краткими.

В одном из своих писем, адресат которого не установлен (возможно, письмо было адресовано начинающему поэту, который желал разобраться в проблемах культуры, а также во внутренней и внешней политике молодой Республики Советов, поскольку этот период как раз характеризовался началом перехода к новой экономической политике), Богданов писал следующее: «На русский пролетариат пали более тяжелые задачи, благодаря негодности нашей буржуазии и буржуазной интеллигенции». При этом Богданов отмечает, что пролетариат неспособен «поднять себя за волосы». Политика того периода, как отмечает Богданов в этом письме, ведет к внедрению зарубежного капитала и усилению его обмена, показывая тем самым, что руководители отказались от утопий, безнадежных для того периода. В вопросе о профсоюзах Богданов считает исторически и *практически* более правильной ленинскую платформу (если отбросить упомянутые утопии). Но если придерживаться их, то более логичной видится позиция Троцкого. Слабее всех оказывается пози-

³¹⁵ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 214.

³¹⁶ Там же. С. 204, 240.

ция Шляпникова, хотя она, как отмечает Богданов, является наиболее «пролетарской». Она могла бы пригодиться, если бы имелось в виду сиюминутное осуществление в России настоящего социализма. В этом же письме Богданов пишет, что в «Очерках русской культуры» Покровского выведение религии из страха перед мертвецами есть некоторая немарксистская, ребяческая теория. О работе Бухарина («Экономика переходного периода») Богданов придерживался того мнения, что вначале данный метод хорош, однако в конце все сбивается на желательные и произвольные выводы³¹⁷.

Начало очередного отлучения было незаметным на фоне активной деятельности. Оно произошло в виде очередной полемики по вопросам философской направленности, возникшей после публикации второго издания книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (вторая половина 1920 г.). Публикация сопровождалась статьей В.И. Невского, в которой автор дал ряд необходимых указаний³¹⁸ о том, как нужно понимать последние произведения Богданова. Теперь у Ленина не было необходимости в том, чтобы самому устраивать философские и иные баталии с «инакомыслящими». Для этого у него был «аппарат», обязанный обрабатывать все указания партийного вождя. Свой ответ Богданов написал в документе под названием «От философии к организационной науке». В частности, Богданов пишет, что плехановцы объявили школу Маха–Авенариуса идеалистической, что не является верным (под знаменем философии Маха–Авенариуса работали многие ученые, а глубокое обобщение идеи относительности, данное Махом, помогло Эйнштейну в его открытиях). Богданова всецело причисляли к этой школе, что он отрицает. На этом основании его отлучали от рабочей партии, считая его идеалистом и буржуазным философом. Еще один обостряющий момент, по мнению Богданова, в том, что он был большевиком, а большинство плехановцев – меньшевиками. Богданов также пишет, что только в 1909 г. на их стороне в роли философа выступил В.И. Ленин³¹⁹.

Но ответ, данный Богдановым, так и не был опубликован. Статья Невского при этом не отразилась на деятельности ученого. Организационная работа, направленная на создание учреждений

³¹⁷ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 203.

³¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 12.

³¹⁹ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 112–113.

Пролеткульта, и активная работа в Социалистической Академии требовали от Богданова полной самоотдачи. Однако развитие ситуации было стремительным. Буквально после выхода книги Ленина деятельность Пролеткульта подверглась жестокой критике. Поводы, несомненно, были, и Богданов сам пытался разобраться с некоторыми из них. Так, в частности, 21 июля 1919 г. Богданов в письме, адресованном Лебедеву-Полянскому, сообщил, что собирается в командировку «в Петербургский Пролеткульт улаживать раскол»³²⁰. Там все больше обострялась полемика между противниками и сторонниками его автономии³²¹. Противоречия, которые возникли летом 1919 г., так и не удалось устранить. К 1920 г. – году наступления на Пролеткульт – в Пролеткульт входило свыше четырехсот тысяч членов, 80 тысяч из которых занимались в клубах и художественных студиях. Агитбригады, передвижное кино, избы-читальни – все это результат деятельности пролеткультовцев. Ими издавалось более двух десятков журналов, в числе которых «Твори», «Зарево заводов», «Грядущее», «Горн» и другие. Благодаря им стали известными такие поэты, как В.Т. Кириллов, В.В. Казин, В.Д. Александровский, М.П. Герасимов, П.Т. Полетаев и другие. Большинство из них пафосно воспевали коллектив «железных» пролетариев, заводской труд и Октябрь. Время от времени на страницах пролеткультовских печатных изданий вспыхивали дискуссии о независимости от государства, о сепаратизме, об отказе от достижений культуры прошлого в соответствии с лозунгом «Во имя нашего Завтра сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы». Автором этих стихов был В.Т. Кириллов, который написал их в ответ на заявление Луначарского, опубликованное в издании «Новая жизнь» (от 3 (16) ноября 1917 г.), о выходе в отставку в знак протеста против разрушения памятников культуры. В Москве для подавления сопротивления верных Временному правительству воинских частей была применена артиллерия, и Кремль, где закрепились остатки гарнизона и юнкера, был поврежден при обстреле³²². Есть ли вина Пролеткульта в том, что подобные стихи имели место в русской литературе того периода? Ответ Богданов дал в письме Луначарскому, напи-

³²⁰ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 196.

³²¹ Там же. С. 238.

³²² См.: Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. С. 237.

санном 19 ноября 1917 г. Он писал, что рабоче-солдатская партия, по сути, является просто солдатской. Богданов был поражен тем, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил всю логику, всю культуру и методы казармы. Политический стиль при этом полностью пропитался «казарменной трехэтажностью», а редакции помещают стихи «о выдавливании кишок у буржуазии». В этом же письме Богданов пишет следующее: «На другой день после того, как ты закричал “не могу!”, один из твоих ближайших товарищей Емельян Ярославский печатает в “Социал-Демократе” статью об “истерических интеллигентах, которые жалеют камни и не жалеют людей”, которые “верещат ‘не могу!’, ломая холеные барские... руки” и пр.». При этом, обращаясь к Луначарскому, он подчеркивает, что их безудержная демагогия является необходимым приспособлением к задаче собирания солдатских масс, а культурное принижение выступает как результат такого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата³²³. И хотя в октябре 1920 г. съездом был подведен итог дискуссиям в организациях Пролеткульта, Богданов выступил с речью о важности объединения усилий каждого и направления их на формирование общего нового сознания, призывая опираться в этом на многовековой коллективный культурный опыт человечества и учиться у великих людей прошлого мудрости. Тем не менее внимание Политбюро ЦК РКП(б) и В.И. Ленина было привлечено словами Богданова о том, что ядром программы пролетарской культуры является не новое искусство, а именно «социализация знаний», то есть пролетарская наука.

После этого началось активное наступление на Богданова, итогом которого стало его очередное отлучение. Сначала было объявлено, что богдановская концепция «чистой» пролетарской культуры, создающейся только самим пролетариатом, практически вела к отрицанию связи между культурой прошлого и социалистической культурой, к обособлению пролетариата в сфере культурного строительства – от интеллигенции и крестьянства³²⁴. Удивительная метаморфоза произошла с идеями Богданова в интерпретации руководителей государства в конце 1920 г., особенно если учесть, что на самом деле Богдановым было сказано следующее: «Каждый

³²³ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 190–191.

³²⁴ БСЭ. 3-е изд. Т. 21. С. 74.

класс имеет свою идеологию, а это значит – свою особую культуру»³²⁵. Богданов также писал о том, что смена классов является сменой господствующих культурных принципов³²⁶, а оформление класса как самостоятельной активной социальной силы имеет неразрывную связь с его развитием по линии специфического культурного принципа³²⁷. Так как пролетариат не выработал окончательно свои новые организационные методы и не оформил свою новую культурную линию, то он обречен на подчинение культуре буржуазного класса³²⁸.

³²⁵ Богданов А.А. Десятилетие... С. 66.

³²⁶ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 120.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же. С. 133.

Заключение

Марксистское направление кажется нам изученным вдоль и поперек. Тем интереснее бывает обнаружить значительный пласт в русском марксизме, не уместяющийся в стройную, привычную ленинскую версию революционного движения в России и марксизма в целом.

В представленной книге сделана попытка исследовать этот пласт, основанный на позитивистском подходе, для того, чтобы избавиться от «белых пятен» в понимании философии российской социологии и истории общественного развития.

Русский позитивизм олицетворяет Александр Богданов – философ, ученый, естествоиспытатель, просветитель, политический деятель, человек масштаба титана Возрождения, предвосхитивший появление и развитие целых направлений в науке XX в. Долгое время он был фактически персоной нон грата в СССР, что определялось повсеместным изучением книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», как самого значительного философского произведения русского марксизма начала XX в., и лишь отдельные ученые и историки науки писали работы о нем и его творчестве. Однако в последнее время выходит так много работ, посвященных наследию Богданова, что можно говорить о богдановском ренессансе. Но некоторые аспекты творчества Богданова и сегодня исследователи упускают из виду, и, первую очередь – его позитивистское понимание марксизма.

Надо заметить, что, не взирая на марксистские убеждения, Богданов не был стопроцентным сторонником подхода исторического материализма – он стремился заменить вульгарный материализм, к которому склонялось большинство его соратников, на теорию организованной материи, позволяющую увидеть динамику развития в природе и социуме. В какой-то момент Богданова разочаровался в философии вообще и почувствовал необходимость в метатеории, претендующей на подоснову современной ему науки. Так была написана «Тектология», в которой была показана применимость организационного подхода не только к изучению естественных наук, но и к философской антропологии, социологии и истории, что для нас, пожалуй, важнее всего.

Эмпириомонизм, согласно представлениям Богданова, был той разновидностью позитивизма, которая была призвана оживить окостеневающую марксистскую диалектику. Ленин был прав, когда говорил о ревизии ортодоксального марксизма у Богданова. Но он не понимал, что Богданов хотел не разрушить марксизм, а спасти его, потому что только этот подход позволил бы марксизму остаться действительно живой и развивающейся теорией, избежать догматизма и слепой ортодоксии.

Скажите, наконец, прямо, что такое ваш марксизм, наука или религия? Если он наука, то каким образом, когда все другие науки за эти десятилетия пережили огромные перевороты, он один остался неизменным? Если религия, то неизменность понятна; но тогда так и скажите, а не лицемерьте и не протестуйте против тех, кто остатки былой религиозности одевает в религиозную терминологию. Если марксизм истина, то за эти годы он должен был дать поколение новых истин. Если, как вы думаете, он не способен к этому, то он – уже ложь³²⁹.

Возобладай в партии подход Богданова, то большевистский переворот, неизбежность которого была очевидна, возможно, принес бы в нашу историю гораздо меньше кровавых страниц. Но, увы, в истории не существует сослагательного наклонения.

³²⁹ РГАСПИ Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 96об.

Список литературы

Богданов А.А. А.В. Луначарскому (19 нояб. 1917 г.) // *Неизвестный Богданов*: в 3 кн. Кн. 1: А.А. Богданов (Малиновский). Ст., докл., письма и воспоминания. 1901–1928 гг. М.: ИЦ «АИРО–ХХ», 1995. 252 с.

Богданов А.А. Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. М.; Пг.: Госиздат. 1923. 187 с.

Богданов А.А. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1910. 221 с.

Богданов А.А. Версальское строительство // *Вестн. социалист. акад.* 1922. № 1. С. 106–154.

Богданов А.А. Вопросы социализма / Под ред. Л.И. Абалкина (отв. ред.), Г.Д. Гловели, В.К. Пармёнова, Н.К. Фигуровской; сост. и коммент. Г.Д. Гловели; предисл. Г.Д. Гловели и Н.К. Фигуровской. М.: Политиздат, 1990. 479 с.

Богданов А.А. Время великих перемен (Очерк первый) // *Неизвестный Богданов*: в 3 кн. Кн. 3: А.А. Богданов (Малиновский). Десятилетие отлучения от марксизма. 1904–1914 гг. М.: ИЦ «АИРО–ХХ», 1995. 244 с.

Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма: Юбил. сб. // *Неизвестный Богданов*: в 3 кн. Кн. 3: А.А. Богданов (Малиновский). Десятилетие отлучения от марксизма. 1904–1914 гг. М.: ИЦ «АИРО–ХХ», 1995. 244 с.

Богданов А.А. Доклад «Мировая война и революция» // *Неизвестный Богданов*: в 3 кн. Кн. 1: А.А. Богданов (Малиновский). Ст., докл., письма и воспоминания. 1901–1928 гг. М.: ИЦ «АИРО–ХХ», 1995. 252 с.

Богданов А.А. Из психологии общества. СПб.: Паллада, 1906. 289 с.

Богданов А.А. К вопросу о новейшем философском движении: предисловие к русскому переводу брошюры М. Ферворна «Вопрос о границах познания» // *Ферворн М.* Вопрос о границах сознания. СПб.: Товарищество «Знание», 1909. 50 с.

Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. М.: Госиздат, 1923. 263 с.

Богданов А.А. Н.И. Бухарину: Открытое письмо тов. Бухарину // *Неизвестный Богданов*: в 3 кн. Кн. 1: А.А. Богданов (Малиновский). Ст., докл., письма и воспоминания. 1901–1928 гг. М.: ИЦ «АИРО–ХХ», 1995. 252 с.

Богданов А.А. Наука и рабочий класс // *Пролетарская культура.* 1918. № 5. С. 31–32.

Богданов А.А. Наука об общественном сознании: Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоиздат. товарищество «Книга», 1918. 313 с.

Богданов А.А. О провинциальных пролетарских университетах // Пролетарская культура. № 9/10. С. 53–56.

Богданов А.А. О тенденциях пролетарской культуры. Ответ А. Гастеву // Пролетарская культура. № 9/10. С. 52.

Богданов А.А. Организационные принципы социальной техники и экономики // Вестн. социалист. акад. Кн. 4. 1923. Апр.–Июль. С. 31–32.

Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: Акционер. о-во печ. дела «Издатель», 1899. 251 с.

Богданов А.А. Падение великого фетишизма. М.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1910. 221 с.

Богданов А.А. Письмо в редакцию газеты «Правда» // Правда. № 24. 30.01.1913.

Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. СПб.: Типолитография А. Лейферта, 1901. 217 с.

Богданов А.А. Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. Филос. сб. СПб.: Безобразов и Ко, 1908. С. 215–242

Богданов А.А. Судьба рабочей партии в нынешней революции // Новая жизнь. 1918. 26 янв.

Богданов А.А. Тектология. Т. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.

Богданов А.А. Философия живого опыта: Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. М.; Пг.: Книгоиздат. товарищество «Книга», 1923. 347 с.

Богданов А.А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки по философии коллективизма. СПб.: Товарищество «Знание». 1909. С. 44–79.

Богданов А.А. Эмпириомонизм. М.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904. 396 с.

Богданов А.А., Степанов И.И. Курс политической экономии: Т. 1. М.: Госиздат, 1923. 345 с.

Абалкин Л.И. Тектология Богданова: на пути к новой парадигме // Вопр. философии. 1995. № 8. С. 3.

Аксельрод Л. (Ортодокс). Философские очерки. М.; Пг., Изд. М. Дружининой и А.Н. Максимова, 1924. 241 с.

Бердяев Н. Заметки к книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопр. философии и психологии. Кн. IV. № 9–10. СПб., 1902. С. 850–853.

Вайнштейн И. Тектология и тактика // Под знаменем марксизма. 1924. № 6–7. С. 90–96.

Валентинов Н.Э. Э. Мах и марксизм. М.: Изд. Книжного Магазина «Сотрудник провинции», 1908. 118 с.

Валентинов Н.Э. Философские построения марксизма. М.: Тип. В.М. Саблина. 1908. 307 с.

Гловели Г.Д., Пустильник С.И. Сотри случайные черты... // Химия и жизнь. 1990. № 12. С. 11–19.

Горька Г. Предисловие: Стадии жизни и творчества А.А. Богданова // Неизвестный Богданов: в 3 кн. Кн. 1: А.А. Богданов (Малиновский). Ст., докл., письма и воспоминания. 1901–1928 гг. М.: ИЦ «АИРО–XX», 1995. С. 5–11.

Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. М.: Госиздат. 1922. 376 с.

Досев П. Вопросы теории отражения в «Материализме и эмпириокритицизме» // 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». М.: Партиздат, 1934. С. 68–79.

Записная книжка А.А. Богданова. РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 79–8.

Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Акад. проект; Раритет, 2001. 880 с.

Коргунок Ю.Г. «Материализм и эмпириокритицизм» и его критика // Вопр. философии. 1991. № 12. С. 27–38.

Крупская Н.К. Воспоминания о В.И. Ленине. М.: Политиздат, 1968. 440 с.

Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1967.

Ленин В.И. Рецензия на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» // Мир Божий. СПб., 1898. № 4. С. 290.

Локтионов М.В. А.А. Богданов, как основоположник общей теории систем // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 80–96.

Локтионов М.В. Загадки «Тектологии» - книги, опередившей время // Анатомия философии: как работает текст: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М.: Издат. Дом ЯСК, 2016. С. 705–724.

Локтионов М.В. Позитивизм в контексте российской истории // Полилог / Polylogos. 2017. Т. 1. № 2. URL: <https://polylog.jes.ru/s258770110000022-6-1>

Лосский Н.О. История русской философии. М.: Сов. писатель, 1991. 480 с.

Луппол И. «Материализм и эмпириокритицизм» и вопросы истории философии // 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». М.: Партиздат, 1934. С. 78.

Любутин К.Н., Толмачев В.Д. Александр Богданов: от философии к тектологии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 292 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1955.

Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня... свободные размышления 1917–1993. М.: Тайдекс Ко. 1994. 488 с.

- Моисеев Н.Н.* Тектология А.А. Богданова – современные перспективы // *Вопр. философии.* 1995. № 8. С. 16–18.
- Моисеев Н.Н.* Человек, среда, общество. Проблемы формализованного описания. М.: Наука, 1982. 240 с.
- Нарский И.С.* Богданов-философ // *Филос. науки.* 1991. № 4. С. 58–73.
- Невский В.И.* Диалектический материализм и философия мертвой реакции // *Ленин В.И. Соч. Изд. 3. Т. XII. М., 1935. С. 5–7.*
- Огурцов А.П.* Тектология А.А. Богданова и идея коэволюции // *Вопр. философии.* 1995. № 8. С. 191–201.
- Омельяновский М.Э.* О физической реальности // *Вопр. философии.* 1971. № 1. С. 99–108.
- Плеханов Г.В.* Изб. филос. произведения: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1957.
- Плюitto П.А.* А.А. Богданов о «военном коммунизме» // *Социс.* 1990. № 11. С. 147–151.
- Плюitto П.А.* Время и люди (из архивов А.А. Богданова) // *Социс.* 1992. № 11. С. 133–160.
- Покровский М.Н.* О В.И. Ленине. Стенограмма выступления в Институте Красной Профессуры 7 февраля 1924 г. // *Отеч. архивы.* № 3. 1992. С. 99.
- Рахметов Н. [Блум О.В.].* К философии марксизма. Две статьи о русских эмпириокритиках. Женева, 1906. 78 с.
- Родоначальники позитивизма. Вып. 4: Огюст Конт. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. 672 с.
- Садовский В.* Эмпириомонизм Богданова: забытая глава философии науки // *Вопр. философии.* 1995. № 8. С. 50–63.
- Стейла Д.* Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / Пер. с итал. О. Поповой. М.: Акад. проект, 2013. 366 с.
- Степин В.С.* Научная рациональность в гуманистическом измерении // *О человеческом в человеке.* М.: Политиздат, 1991. С. 138–167.
- Таштаджян А.Л.* Тектология: история и проблемы // *Систем. исслед.: Ежегодник / Под ред. И.Г. Блауберга.* М.: Наука, 1972. С. 93–102.
- Уайт Д.* От философии к всеобщей организационной науке: источники и предшественники тектологии А. Богданова // *Вопр. философии.* 1995. № 8. С. 38–50.
- Шарапов Ю.П.* Ленин и Богданов... // *Отеч. архивы.* № 3. М., 1992. 119 с.
- Шемякинский В.М.* Философия и наука. Пермь: Пермский гос. тех. ун-т, 2006. 225 с.
- Шкуринов П.С.* Позитивизм в России XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 416 с.
- Юшкевич П.С.* Столпы философской ортодоксии. СПб.: Типо-Лит. «Печатное искусство», 1910. 79 с.

Adams Mark: Red Star. Another Look at Alexandr Bogdanov // *Slavic Review*. 48. 1989. P. 1–15.

Bailes K.A. Lenin and Bogdanov: the End of the Alliance // *Cordier A.V.* Columbia Essays in International Affairs. N. Y.; L, 1967. P. 98–142.

Gorelik G. Bogdanov's "Tektology", General System Theory and Cybernetics // *Cybernetics and Systems: An International Journal*. 1987. Vol. 18. No. 2. P. 157–175.

Gorelik G. Bogdanov's Tektology: Its Nature, Development and Influence // *Studies in Soviet Thought*. 1983. 26 July 1983. P. 37–57.

Rowley D.G. Bogdanov and Lenin: Epistemology and Revolution // *Studies in East European Thought*. 1996. 48:1 March. P. 1–19.

Scherrer J. The Cultural Hegemony of the Proletariat: The Origins of Bogdanov's Vision of Proletarian Culture // *Studies in History*. 1989. 5:2 Aug. P. 195–210.

Steila D. „Die Idee der Wissenschaft bei Bogdanov und den russischen Positivisten“ // *Alexander Bogdanov: Theoretiker für Das 20. Jahrhundert*, eds. Stefan Plaggenborg and Maja Soboleva. Munich: Sagner, 2008. P. 66–79.

Wetter G.A. Der Empiriomonismus Bogdanows // *er Dialektische Materialismus*. Freiburg, 1953. P. 102–110.

Yassour A. The Empiriomonist Critique of Dialectical Materialism: Bogdanov, Plekhanov, Lenin // *Studies in Soviet Thought*. 1983. 26:1 July. P. 21–38.

Zenovia A. Sochor Revolution and culture: the Bogdanov-Lenin controversy. Cornell University Press, 1988. 258 p.

Alexander Bogdanov between Marxism and positivism

Mikhail V. Loktionov

Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: m.loktionov@iph.ras.ru

When we talk about Russian philosophy, then, as a rule, we distinguish three areas: religious, liberal and Marxist. Of course, these areas do not exhaust the full picture of the Russian philosophy, and therefore the more interesting will be the other approaches to philosophy proper, the theory of knowledge and philosophy of history. But the Marxist trend seems to have been studied along and across. Topics it is more interesting to discover the ideological stratum in Russian Marxism, which does not fit into a seemingly orderly one, familiar to all, Lenin's version of the revolutionary movement in Russia and Marxism in general. This book is written as an attempt to study this formation, based on the positivistic approach (first and second) in Russia.

Its relevance lies in the fact that at the moment it is still there is no way to get rid of "blank spots" in understanding the philosophy of Russian sociology and history social development.

Speaking of Russian positivism, we first of all see colossal figure of Alexander Bogdanov, philosopher, scientist, natural scientist, educator, political actor – a man of Leonard scale, predicted and anticipated the emergence and development whole directions in the science of the twentieth century. For a long time he was actually persona non grata in the USSR, that was determined by ubiquitous study of V.I. Lenin's "Materialism and Empirio-Criticism", and only some scientists, such as V.N. Sadovsky, V.A. Lectorsky and N.N. Moiseev, could write works on he and his work. But recently we have had a lot of work devoted to different aspects its heritage, perhaps, we can even talk about a Bogdanov renaissance.

But to this day there is aspects of his work, to which not much attention was drawn, and the first priority is his positivist understanding of Marxism. We must immediately note that, despite his Marxist persuasion, he was not an absolute supporter of historical materialism. In general, the concept of materialism seemed to him too coarse, leaving no room for dynamics within the object research. Thus, he sought to replace vulgar materialism, to what understanding more and more of his comrades-in-arms, the theory of organized matter, allowing to see the dynamics of development in both inanimate and in living nature and in society.

Empirionism, according to his ideas, was precisely the kind of Machism that was called upon develop, in his opinion, Marxist dialectics. Lenin was absolutely right when he spoke about revision orthodox Marxism from

Bogdanov, it is another matter that in fact only this approach allowed remain a truly living and developing theory of Marxism, avoid dogmatism and ossification.

At some point Bogdanov began the stage of disappointment in philosophy in general and there was a need for a certain metatheory, claiming the basis of modern science. Thus was written "Tectology", in which the applicability of the organizational approach was shown not only to the study of natural sciences, but also to philosophical anthropology, sociology and history, which is perhaps the most important for us.

For a long time the classical philosophy tried to find answers to questions that at all times worried humanity, using speculative theoretical reasoning, but Hegel's philosophical system put an end to these attempts. If earlier contemporaries admired the grandeur of this system, then in the future they were disappointed in her.

The system contained abstract speculative schemes that were impossible was applied in practical life, which led to changes in social thought, prompted Theories that can become the head of real public practice. Thus, they began to develop two lines: the first ended with the emergence of Marxism, thanks to which the Hegelian schemes acquired real content, and the second line became the program of a new "positive" philosophy.

Characteristic The feature of both Marxism and positivism is an open orientation to practical action. However, given a certain external similarity, these philosophical programs represent interests various social forces. As we know, Marxism embodied the theoretical expressions of sentiment genuinely radical advanced industrial countries, aiming at system of social organization of those years.

Positivism, in turn, was necessary for expression position of the West European bourgeoisie, which by the nineteenth century. lost revolutionary fervor, but achieved political power. Therefore, now representatives of this class intend to strengthen the existing situation, order the foundations of society and peace, taking into account the principles of universal Reason.

The hostile attitude of the initiators of dialectical materialism to the principles of positivism occurred even in cases when the objectives of both sides overlapped. Thus, Engels F., which attached great importance to the tasks of the hierarchical classification of sciences, was inclined to ridicule similar attempts by O. Comte, noting in them "the correct idea in the basis, brought to absurdity".

During this period, the attention of positivist theoreticians shifted from pressing social problems to the study of the features of the device and the functioning of scientific and technical knowledge.

Many came to the conviction that for the formation of an "ideal" society, the main features of its device. It followed that in all actions it is necessary guided by the requirements of the mind, which meant insisting on its maximum

development. This orientation of social forces, in most of the Western European countries that came to power, led to disappointments in the purely academic, albeit comprehensive, constructions of the idealistic philosophy. There was also a lack of confidence in the intellectual explanations of traditional theories. In connection with This led to a demand for all forms of positivism, to abandon the search for root causes and pervasubstantsiya, as well as other extrinsic essences that attracted the attention of theorists of the past.

O. Comte, the founder of positivism, sought to achieve accurate and true knowledge, based on directly recorded facts. At the same time he decided to build into a strict hierarchical system. This kind of intention seemed to unite the new philosophy and those theoretical programs that Comte and his followers sought refute. Among other things, restraining theoretical search outside knowledge alone can to awaken associations with Hegel's position.

The problem was that the champions of the positive philosophy as knowledge took only those forms that contributed to their use in the immediate life interaction of people with reality. This can explain the care positivists about giving to scientific knowledge a kind of "practically useful", "directly given". This greatly distinguished the newly emerged program from the precepts of idealistic philosophy, evaluating knowledge as a self-contained entity.

Declaring a sharp break in "metaphysics" and Natural science, Comte actually continued the theoretical program begun by Newton, laying down the foundation of the latest standards of physical thinking. Therefore, for positivism, idealism and materialism represented "speculative" knowledge.

In the middle of the XIX century. French thinker O. Comte formed the "law of three stages of the historical development of mankind". This law divided all the history of social thought for the following epochs: the theological epoch (fictitious knowledge); metaphysical epoch (speculative-philosophical knowledge); a positive epoch (scientific knowledge).

When As the most important task of the new scientific philosophy, Comte proclaimed the construction of a classification sciences. Of course, this construction had to be coordinated with a positive method.

O. Comte judged that in this way philosophy at last will be able to systematize the knowledge of mankind, and hence, the whole human life. From the classification of sciences it was expected that it would not only reveal interdependence of different disciplines, but will also reduce the diversity of natural truths to a limited number of laws. This circumstance would create conditions for maximum convenience when necessary to use these laws.

Thus, in the opinion of Comte, ordered knowledge expressed universal world harmony. Then social progress he manifested himself as an "uninterrupted chain of order". This tendency is further strengthened. Neopositivism – the last stage of the development of positivism – leads the problem of philosophy to a completely logical analysis structures of knowledge.

In the history of positivism, one of the most fruitful and interesting pages is devoted to distribution and popularization of it in Russia. Here there were original variants of the current, who not only could continue the original ideas of the thinker Comte, whose followers could to conduct polemics on many points.

Quite a wide range of reasons that are in this period marked the turn of Russian public consciousness from rationalized-mystical speculations to the potential of the human Mind, especially its brightest embodiment – science. This topic Experts on the history of Russian philosophy were repeatedly interested.

An appeal to focus on immediate facts, on their strict scientific identification and generalization impressed those people who sought to reorganize not the theoretical entities, but the reality itself, that is, life. Comte's enthusiasm for the classification of human knowledge seemed to them effective way to streamline immediate social reality.

The popularity of Comte's theory in Russia was also explained by the successes of Russian science achieved in the 1960s. This led to aspirations of scientists to a materialistic interpretation of the results obtained. At the same time The "scientific" nature of philosophy, proclaimed by positivism, contributed to the fact that materialism was identified with the positivity and scientific knowledge. Orientation to the "natural" understanding of reality and the world as a whole, which contradicted the previously existing traditional metaphysical and mystical abstractions, has become the mainstream in the public consciousness of the n people in the XIX century.

The main paradox of positivism is that the refusal to search universal reason led to an orientation toward the search for universal rules of human cognition. Utopian idea about the possibility of obtaining the fullness of true knowledge about the essence of the universe with The use of supersensible illumination was superseded by an equally valid and utopian idea on development of absolutely accurate and completely reliable methods of research, leading to the same exhaustive and complete truth.

In fact, speaking out against speculative philosophy, followers of positivism sought (albeit implicitly) to overcome the "spontaneity" of the ordinary consciousness and the definition of some unambiguous framework of "right" thinking, which follows adhere to scientific research. This was yet another cherished dream, to which not so long ago, humanity aspired. But positivistic philosophy, which declared the struggle against utopianism intellectual traditions, soon itself turned into one of the utopian variants thinking.

All this led to an increase in the importance of finding a reliable criterion for ordering the system of scientific knowledge, since it is, in the opinion of the adherents of positivism, should act as a means of solving all problems of a social nature.

The result of this many years of complex work has become the organizational and sociological concept proposed by AA. Bogdanov, he created on the basis of empirio-critical approach or second positivism.

In the first chapter will examine the differences between the first positivism from the second (empirio-criticism), and also briefly mentioned Russian representatives of this philosophical trend.

The second chapter presents Bogdanov's sociological views stemming from his approach, based on the principles of Marxism and Some positivistic ideas, which do not yet run counter to Lenin's ideas about dialectical materialism.

The third chapter is devoted to Bogdanov's ideas on the development of the Marxist methodology with the involvement of an empirio-monistic and organizational approach, as well as protection of Lenin dogmatic understanding of Marxism.

The fourth chapter describes the difficulties of Bogdanov in attempts to bring their ideas to the mass reader, and intra-party polemics with him, which resulted in persecution of a scientist.

In this particular case, it seems logical that the Marxist and positivist approaches to the science of the early twentieth century. They are not separated and not described separately, but are analyzed on the example of the work of the great Russian thinker A.A. Bogdanov.

Keywords: Bogdanov, Marxism, empirio-monism, empirio-criticism, positivism, tectology, philosophy, military communism, state capitalism, proletarian culture, blood transfusion

Научное издание

Локтионов Михаил Вячеславович
Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*
Технический редактор *Ю.А. Аношина*
Корректор *И.А. Мальцева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 28.06.18.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 6,92. Тираж 500 экз. Заказ № 18.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии
http://iphras.ru/books_arhiv.htm